

Мария

Журнал российского независимого
женского религиозного клуба „Мария”

3

Ленинград — Париж
1982

МАРИЯ

**Журнал российского, независимого женского
религиозного клуба «Мария»**

1982

Ответственная за выпуск Н. МАЛАХОВСКАЯ

© Klub «Maria»

Адрес представительства клуба "Мария" в Австрии
А.-N. Malachowskaja
Beethoven str. 25/25, A-4020 Linz/Donau
Osterreich (Austria)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал "Мария" выходит в свет в Ленинграде с мая 1980 года. К настоящему времени уже вышло в самиздате шесть его номеров, из них последний, шестой, издан московским филиалом клуба "Мария". Начиная с 1981 года те из членов нашего клуба, которых советские власти вынудили покинуть родину, издают журнал "Мария" типографским способом и посылают его в Советский Союз. Таким образом уже были изданы два первых номера "Марии".

Как обычно, номер открывается материалами дискуссии клуба "Мария". В первом номере нашего журнала мы поместили материалы конференции "Наши взгляды, идеи, позиции", на которой обсуждали вопрос о том, как изуродована женщина в нашем обществе и как мы можем противостоять разрушению ее личности (доклады "Ведьмы в космосе", "Заживо погребенные" и "Домашний концлагерь"). Во втором номере "Марии" мы обсуждали проблему "Женщина и быт" (доклады "Антивселенная советской семьи" и "В ненасытной утробе быта", выступление "Женщина и быт").

При переиздании третьего номера журнала мы встретили большие трудности: дело в том, что материалы многих разделов журнала пропали при обысках, и рукопись номера дошла до нас в неполном виде. Больше всего пострадала открывающая номер дискуссия. Женщины, редактирующие журнал в Ленинграде, предполагали начать журнал материалами двух дискуссий: "Женщина и современность" и "Современная женщина и смирение". Дискуссии эти были проведены клубом осенью и зимой 1980 года. Но при обысках пропали записи почти всех выступлений на этих дискуссиях, поэтому нам пришлось дополнить дошедшие до нас выступления новыми материалами: нашими собственными статьями, а также статьями, написанными нашими новыми подругами, тоже заинтересовавшимися нашей дискуссией. Нам кажется, что в целом дискуссия от этого не проиграла, поскольку позволила рассмотреть поставленные проблемы с разных сторон, многое заострила, многое позволила высказать ярче, выпуклее, определеннее. Мы рады, что на этот

раз у нас получилось не просто выявление наших позиций, как это было в первом и втором номерах журнала, а настоящий спор, и мы просим всех читательниц нашего журнала присоединиться к нашей дискуссии, высказаться в защиту или опровержение высказанных нами точек зрения. Материалы обеих дискуссий мы объединили в одну дискуссию под общим названием "Рабство или свобода" (материалы дискуссии "Современная женщина и смирение").

Вслед за теоретическим разделом мы помещаем раздел, посвященный жизни женщины в нашей стране. Здесь читатель найдет рассказы и постоянных авторов нашего журнала (Ксении Романовой, Аллы Сарибан) и совсем новых, молодых участниц клуба и журнала. Открывается раздел статьей самой молодой участницы клуба, Людмилы Левитиной (ей немногим больше двадцати лет), "Время – деньги, или эта удивительная советская женщина", которая понравилась нам неожиданностью подхода к социальным проблемам жизни современной женщины, о которых мы уже писали и в предыдущих номерах "Марии", и в первом свободном издании для женщин, альманахе "Женщина и Россия". Обилие цифрового, фактического материала не утяжеляет эту статью, которая многих порадует и остроумием, и изяществом стиля, и молодым, радостным настроением. Три материала этого раздела посвящено проблеме жилья, точнее, бездомности и поисков выхода из ситуации бездомности. Написаны эти заметки женщинами из разных городов нашей страны, и, однако, в каждом случае положение тех, о ком ведется повествование, доведено до крайности, до того предела, когда начинают возникать мысли о самоубийстве или же, как в статье Аллы Сарибан, смерть подкрадывается наяву, уже заранее, заживо, до неузнаваемости искажая черты своих жертв:

"Одно из самых сильных впечатлений, которое я вынесла из советской жизни, – толпа работников нашего завода после смены выходит из проходной. Совершенно сюрреалистическая сцена – как в бредовом сне. В облике каждой из женщин – какая-то особая, у всех одинаковая печать уродства, вырождения и безнадежности, создающаяся то ли этими синевато-серыми лицами, то ли этими нездорово расплывшимися или, наоборот, неестественно-тощими фигурами..." Интересны и "Резкие реплики" Галины Хамовой, впервые наглядно демонстрирующие те возможности, которые предоставлены нашим государством матерям-одиночкам, рассказывающие о том, можно ли хотя бы с голоду не умереть на то грошовое пособие, которое им выдается. Короткие очерки Елены Дорон (литературный псевдоним Елены Шаныгиной) привлекают нас, так же, как и ее "размышления в день рождения" – "Откажись от мало-

го”, выстраданностью и обнаженной искренностью того, о чем она говорит и пишет, горячей болью, стремлением найти духовный выход из тупиков, куда ее и ее подруг загоняет жизнь.

В традиционном разделе “Письма по молитвам к Богородице” многих заинтересует письмо новой участницы нашего журнала, Кати К., “О крестном пути Богородицы”, которое заслуживает внимания искренностью тона и глубиной раскрытия темы.

В этом номере “Марии” впервые представлены и совершенно новые разделы: “Женские портреты” — раздел, где мы помещаем портреты современниц, рассказы о их судьбах, и “Письма о любви” — это очень важный для нас раздел, в нем мы говорим о том, что мы считаем положительным полюсом нашей жизни, рассказываем о поисках выхода из тяжелых жизненных ситуаций, о все преодолевающем свете любви. Здесь мы хотим помещать и письма, написанные к нам в редакцию, и дневниковые записи (конечно, только с разрешения авторов), и личную переписку. Мы хотим надеяться, что наши читательницы заинтересуются этими разделами и напишут нам о своих судьбах, о судьбах своих подруг, родственниц и знакомых, пришлют нам и новые материалы для раздела “Письма о любви”.

Судьба польского народа вызывает сейчас большой интерес в России, конечно, и среди женщин, поэтому мы публикуем также и заметку о зарождении женского движения в Польше, написанную одной из его основательниц, Сабинной Гвейман, а в дискуссию и в поэтическую подборку включаем стихи и статью нашей новой польской подруги, заинтересовавшейся журналом “Мария” и решившей принять участие в его работе (в связи с последними польскими событиями печатается под псевдонимом).

В детский раздел журнала входят два материала, написанные детьми разных возрастов и рассказывающие о жизни советской школы с совершенно противоположных точек зрения: по-детски непосредственный и веселый рассказ о несуразностях советской воспитательной системы, написанный Ваней Пазухиным, когда ему было 10 лет, и гораздо более серьезный, почти трагический рассказ четырнадцатилетней Инги о ее первом горе, о первом предательстве, которое ей пришлось пережить — предательстве любимой учительницы. Так формируется мировосприятие наших детей, нашего будущего, — мы думаем, что этот раздел не оставит равнодушной ни одну из наших читательниц, особенно — матерей.

Начиная со следующего, четвертого номера “Марии”, мы открываем еще один новый раздел — “Судьбы наших матерей и бабушек”. Ирина Сенек, женщина большого таланта и необычайно силь-

ного духа, по возрасту могла бы быть уже и матерью, и бабушкой, однако каторжные работы и варвары-врачи лишили ее счастья материнства. Рассказ о ее судьбе помещен в разделе "Женщина и ГУ-Лаг".

В разделе "Хроника" мы помещаем сообщения об аресте Наташи Лазаревой, члена нашего клуба, художника нашего журнала, и заявление нашего клуба. Здесь же – информация о празднике 8 марта в Париже, куда французское Движение Освобождения Женщин пригласило зарубежных представительниц клуба "Мария".

Наш журнал получает много откликов: писем, статей, заметок. Мы помещаем самые интересные из них, и, в частности, статью Сергея Платонова "Духовное возрождение России и освобождение женщины", которая кажется нам очень важной, глубокой по своему подходу к проблеме, и радует нас еще и потому, что написана мужчиной. Читая эту статью, нельзя не вспомнить слова Татьяны Горичевой из ее выступления на первой конференции нашего клуба – слова, в которых отразилось кредо нашего клуба и нашего журнала:

"Несомненно, нужно бороться за политические и социальные права женщины, нужно требовать равноправия и равенства, но нельзя и забывать, что это равенство может обернуться равенством одинаково бесправных рабов, что никакая социальная революция не освободит женщину, если она одновременно не будет революцией духовной".

то, что находится сейчас перед в.м. — не есть готовый номер журнала; это некий "полуформат". Материалы, которые мы здесь видите — весьма неоднородны как по своему уровню, так и по своей направленности. Часть материалов не отредактирована или отредактирована плохо, неопытными людьми. Компоновка журнала, рубрикации и примечания от редакции сделаны наспех.

Некоторые весьма существенные материалы, представлявшие для журнала в него не вошли. Так, статьи Галины Гургорьевой были отобраны у нее при обходе. Некоторые люди, побоявшись репрессии со стороны властей, забрали от нас свои материалы. Кто посмеет оросить в их камель? Ведь это — матери, многие — матери-одиночки. В случае чего, что станет с их детьми?

Вся работа над журналом проходила в крайне нервной обстановке конспирации, боязни слухов, "провала". Невозможность создать широкую рекламу нашему начинанию ограничила круг авторов.

В последние же дни на участниц женского движения /девиации/ /преследования/ обрушились новые репрессии властей. Проведена серия обысков. Арестована Вера Голубева — заместитель редактора журнала "девиация в России". Настоящая охота идет за этим номером и /"Мария". Поэтому мы лишены возможности доделать журнал, или хотя бы как-то "причесать" его. Что же есть, то есть! Что сделано, то сделано!

Абсолютно непонятно, за что власти нас преследуют. Ведь единственное, что мы делаем — это осуждаем наши личные проблемы. Единственное, к чему мы призываем — это к нравственному, духовному возрождению. Разве в этом есть что-нибудь противозаконное? Ок зывается, есть!

Власти нас боятся, поскольку наше общество не может /или не может/ решить ни одной из тех проблем, которые мучают советских женщин. Мы, советские женщины, в настоящее время являемся объектами невиданно ужасных преследований, мы унижены и поработаны духовно. Среди нас сознательно развивается невежество. Мы лишены связи с духовной жизнью.

Все наше преступление состоит в том, что мы хотим жить достойно, человеческой жизнью. Мы хотим быть по настоящему равноправными членами общества. Мы требуем уважения к себе как к женщинам, мы хотим жить духовной жизнью. Мы хотим, чтобы миллионы наших заморозженных и униженных сестер почувствовали себя людьми, более того, почувствовали себя Обитателями и Подобными большому, прикоснулись к свету божественной любви. Да поможет нам в этом Господь!

Предисловие к самиздатскому выпуску "Мария" № 3

РАБСТВО ИЛИ СВОБОДА?

(Дискуссия на тему "Современная женщина и смирение")

Ксения Романова

СОВРЕМЕННОСТЬ И "Я"

Меня окружает так называемый "современный мир". Я — дочь своего времени и своей страны и по дочернему праву несу за них ответственность. Уточняю: когда я произношу "Я", то имею в виду всякое "Я" женщины, живущей со мной в одном времени и социальном измерении. Так легче думать и, соответственно, говорить. Ну так вот. Век предъявляет мне свои требования: быть мобильной, деловой, выносливой, демократичной, непривередливой в сексуальных отношениях. Да, и еще уметь постоять за себя, и не обольщаться насчет других людей. Всего этого требует от меня проклятый и любимый мною 20-ый век. Так бы я и калечила себя и свою душу, подстраиваясь, если б не знала другой Истины. Точнее — истины в другом измерении, которая заключается в доброте и милосердии, в верности Создателю и мужчине, любимому мною, если Господь дал мне (нет, даровал!) такую любовь. А все остальное перед этой Истиной отступает. Более того, противоречит ей. "Люди злы", — говорит мне мой житейский опыт. — Если не хочешь разочарований — жди от всех худшего. Не ошибешься! Может, и не ошибусь. Но в каждом видеть врага, жить, как в осажденной крепости... Как же это выматывает душу! Поначалу ощущаешь какую-то грязь и неправду, несмотря на все уверения "опыта". Потом свыкаешься и даже начинаешь находить вкус в том, чтобы укусить, пока тебя не съели. Но вдруг обнаруживаешь, что тебя все-таки съели, высосали изнутри. Кто? Когда? Ведь я так старалась, так оборонялась! А в душе зияет пустота и необъяснимое раздражение против всего света. Князь мира сего, от которого я так защищалась, твердя: "все твоё — зло" (правильно ведь?), но добавляла к этому: "и каждое проявление мира — ты, гнусность и безобразие", — торжествует свою победу надо мной.

Зачем я говорю об этом так подробно? Чтобы показать, какое необратимое зло нашим душам приносит погруженность в дела мира, если мы не умеем различать добро и зло. Поэтому *первое, чего нам следует просить у Господа – дара различения духов*. Причем, для женщины это особенно важно. В отличие от мужчин, мы все живем более конкретно-чувственной жизнью, такой убедительной по причине конкретности и обманчивой, ибо князь мира сего в совершенстве владеет искусством создавать правдоподобные мифы и ситуации. Сколько раз я (да и вы, наверное, тоже) убеждалась в этом на своем опыте!

Человек нерелигиозный меня, может быть, спросит: "Почему ты говоришь не просто о добре и зле, а о различении духов? Разве нельзя без этой религиозности иметь трезвый ум и не принимать злое за доброе? Ведь в природе человеческой есть некий компас для различения этих категорий". "Да, наверное, есть, – отвечаю я, – но он настолько нематериален, не необходим для биологического существования человека! Сама по себе приходит мысль о том, что этот компас *дан* нам для другой цели." И я хочу благодарить Того, Кто мне это даровал, и просить Его, чтобы не оставил меня. Потому что Он – и есть тот высший ориентир, на который может равняться врожденное чувство справедливости. Поэтому в современном мире, отравленном множеством ложных и в то же время логически-убедительных материалистических теорий, так важно *обратиться к Нему, Господу и Создателю нашему*. Особенно важно это для женщины, хранительницы семейного очага. Кому, как не ей, быть ответственной за души детей своих! Ведь практически именно женщина реализует в семье духовный настрой и психологический климат. Ей ли не сиять светом веры?!

Но есть и другая крайность среди наших женщин. Уверовав в Господа, они говорят: "Что нам до мира и тех проблем, которыми он мучается? Все это грязь и суета. Надо молиться, спасти свою душу, очищая ее постом и покаянием. И растить в вере детей, если Бог их дал. И проповедовать Господа, если чувствуешь в себе дар к этому. А в социальные проблемы пусть нас не вмешивают". Такая точка зрения меня долгое время смущала. Чувствуя ее неполноту и в чем-то неправду, я не находила, что возразить. Подспудно ощущаешь какой-то эгоизм: я, мол, душу спасаю, а до вашего голода и неустройства мне дела нет. Какой-то раздел между плотью и духом – при унижении первой и превозношении второго! Но учил ли нас Христос отказу от мира? Разве не сказано в видениях святых отцов, что увидели они новое (преображенное) небо и такую же преобразенную землю?

И если мы верим, что наша конкретная человеческая история обогрета и в то же время искуплена кровью Того, Кто во всей полноте Своей Бог и в той же мере — Человек, если возлюбили Его, так можем ли мы отвернуться от этой самой истории? *Если не нам быть участницами преображения истории, то — кому же?*

Галина Григорьева

СМИРЕНИЕ И ПОСЛУШАНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ОПЫТ

Если мы рассмотрим набор психологических качеств, прима- кающих к смирению: послушание, терпение, кротость, миротвор- ство, смиренномудрие и как все обобщающая и завершающая — любовь, можем заметить, что эти свойства представляют собой тра- диционно женский набор добродетелей. В то же время эти свойства совершенно необходимо снискать христианскому святому вне за- висимости от того, кто этот человек, стремящийся к жизни в Боге — мужчина или женщина. Получается, что христианская святость, с психологической стороны — реализация и развитие преимущест- венно женского начала в человеке. Этот вывод — сильный контр- довод против современного секуляризованного феминизма, вос- ставшего против якобы патриархального христианского Бога.

Теперь составим цепь таких рассуждений: цель христианской жизни, говоря словами святого Серафима Саровского и следуя уче- нию святых отцов, — ”стяжать благодать Божию и Духа Святого”. Достичь этого можно только полным смирением пред Господом: ”да будет воля Твоя”. Смирения же можно достичь только путем отказа от своей воли и послушания Богу; послушание — дороже жертвы. Но как же нам слушаться Бога, как познать Его волю, ес- ли наше сознание замутнено мирской суетой? Ведь непосредственно слышать Слово Божие и воспринимать волю Его удаивались только великие святые, пророки. — Через послушание человеку. Но кого же слушаться? Духовно мудрых людей, святых отцов — свя- щенников, наделенных мистическим даром благодати. Но в наш бездуховный век человеку, только вступающему на благодный путь Божий, не сразу дается такое руководство.

Предлагаю парадокс: чтобы понять, что есть послушание и ко-

го стоит слушаться, нужно попытаться слушаться всех. И сразу станет ясно, кого стоит слушать, а кого не стоит.

В психологическом отношении тут "послушание" в смысле подчинения уступает место по-слушанию – слушанию. Послушайте! Прислушайтесь! Раскройте Божьему миру, Божьему слову. Это внутреннее состояние тихой, кроткой раскрытости, одновременно доверчивой и трезвой могу я пока понимать под смирением, готовностью к послушанию.

Теперь мне хотелось бы поделиться своим тяжким и печальным личным опытом – но благодаря представившейся возможности снискать даже тут смирение и послушание, я не жалею об этом. Опыт послушания нечестивому, неправедному мужу, супругу...

Вначале несколько слов о христианской заповеди "жена мужа да убойтся...", особенно подвергающейся огню эмансипанток и феминисток. Просто перевод с церковно-славянского на русский уже значительно меняет смысл. В церковно-славянском "бояться" нет оттенка унизости (да верующему человеку вообще чужд современный невротический страх), бояться здесь означает – уважать, почитать, слушаться. Первую половину этой заповеди с таким же правом вряд ли можно считать "унизительной" для мужчин: "Муж к жене да прилепится..." Но здесь не берусь за сколько-нибудь исчерпывающий анализ христианского брака. Это дело нашего будущего, по Божьей воле, конечно. Например, грядущий в скором времени анализ "Домостроя", на который в течение последних столетий обрушиваются град стрел всяческие женские "сторонники"...

Но вернусь к своим жизненным попыткам уважить – "убойться" неправедного мужа (распущенное, несправедливое, ревнивое и часто жестокое существо, однако искренне привязанное, "прилепившееся" и достойное сочувствия и сожаления вследствие дурного воспитания в детстве и перенесенных невзгод). И вот несмотря на душевную тесноту, неимоверный гнет и тяжесть, даже в таком мрачном варианте, послушание, практикуемое ради Бога, с молитвой, приносит свои плоды, раскрывая неописуемые богатства реальности, позволяя в себе различать противоречивые токи помыслов и смирять страсти.

Да ведь и рассуждая позитивистски, это, возможно, более краткий путь взаимного приспособления. Если сосуществование невозможно, пусть уж дело кончится разрывом, чем из года в год затянувшееся безблагодатное сожительство: полусора, полумир, полюбман, вялая грызня по мелочам – типичные наши семьи, где "гордые" жены отстаивают свою "самостоятельность".

Чаще всего за этим стоят упрямство и гордыня, заставляя саму женщину страдать без осознания причин страдания и одновременно мучить окружающих. По всей вероятности, сюда относится и знаменитый фрейдовский женский "нарциссизм" — как раз благодаря этим замораживающим факторам большинство женщин было неспособно к самораскрытию и творчеству.

Я затронула всего несколько направлений рассмотрения огромной для нас роли смирения. Дай, Господи, нам смирение, послушание, великодушие, кротость.

Недостойная раба Божия Галина
7 октября 1980.

Алла Сарибан

ОПЫТ НАШЕЙ ЖИЗНИ И СМИРЕНИЕ

I

С детства нам внушали, что человек должен быть гордым, сильным, смелым; что он должен быть борцом, активно преобразующим мир, и т.д. Сама мысль о том, что человеку подобает быть смиренным, кротким, терпеливым, представлялась нам дикой, унижающей человеческое достоинство.

И все мы очень хорошо усвоили этот образ мыслей. Никто у нас не желает смиряться, а все, наоборот, хотят максимально выставить вперед свое "я", проявить свою волю, настоять на своем. Каждый желает действовать только по собственному разумению, причем весьма часто в ущерб интересам окружающих.

И вот результат: именно отсутствие у людей смирения и терпения — одна из основных причин той нездоровой социально-психологической ситуации, которая сложилась в нашем обществе. Семьи распадаются, личные взаимоотношения рушатся, дружеские связи поддерживаются только на нечистой основе взаимной выгоды, между членами семей преобладают плохие взаимоотношения: отчужденность, враждебность, взаимное непонимание. Страдают сами люди: они чувствуют себя одинокими, униженными, несчастными, опустошенными...

Особенно печальное зрелище представляют собою так называ-

емые "независимые гордые" женщины. Стремясь навязать свою волю окружающим, они склонны подавлять и унижать своих близких. В результате они же и страдают из-за плохого к ним отношения, непонимания, одиночества.

Мне кажется, для того, чтобы общество могло нормально функционировать, все люди должны как-то подстраиваться друг к другу, должны учитывать интересы друг друга. Однако опыт показывает, что "гордые свободные люди-деятели" этого, как правило, делать не могут. Оказывается, сама установка на "гордую свободную деятельность" блокирует чувство сопереживания, делает человека эгоистом, для которого в мире важна только собственная персона. Печальный, но поучительный опыт нашей жизни может быть весьма полезен другим людям. Ведь первоначально предполагалось, что именно в обществе свободных и гордых Человеков с Большой Буквы возникнет истинное братство людей, установятся "истинно-человеческие" отношения. На практике же оказалось все наоборот: среди "свободных гордых" людей не только не устанавливаются лучшие отношения, но и вообще происходит развал всех форм человеческой жизни. Так мы убедились, что общество не может существовать без смирения и терпения; что именно эти свойства в значительной степени являются источником взаимопонимания, взаимной любви и братства людей.

Если для безрелигиозного "материалистического" сознания смирение — тяжелое, унижительное состояние, то для религиозного человека смирение естественно. Истинно религиозному человеку легко быть смиренным: с одной стороны, он слишком уважает в себе Образ и Подobie Божие, с другой стороны, он остро ощущает свое несовершенство. Кроме того, он слишком уважает свою внутреннюю жизнь — как главную свою жизнь — жизнь в Боге — и поэтому внешние обстоятельства отходят для него на задний план. А для безрелигиозного человека проявление своего "я" возможно только во внешнем мире: для того, чтобы жизнь безрелигиозного человека "что-то значила", она должна воплотиться во внешней деятельности. Иначе она как бы и вовсе не существует. Это вынуждает его лихорадочно гоняться за призраками "успеха", "престижа". Смирение же для него равно самоуничтожению, сознательному убийству своего "я".

Значит, смиренный человек — непременно человек религиозный. Кто видел хоть одного "нормального" советского человека — т.е. атеиста — который бы отличался смирением? Обратное, разумеется, не обязательно: не каждый верующий пребывает в смирении. Смирение — плод уже продвинутой религиозной жизни.

II.

Нас учили также, что религиозное сознание вообще, и смирение в особенности предполагают жизненную пассивность. Для меня было откровением, когда я поняла, что это не так. Смирение вовсе не требует жизненной пассивности, оно учит только другому отношению к внешней деятельности: простому, без надрыва, "по воле Божией". Для религиозного человека внешнее действие — это что-то вторичное по сравнению с тем, что происходит в его душе. Конечно, и религиозный человек может стремиться достичь успеха на избранном поприще — однако у него это стремление не носит столь судорожного характера, как у человека безрелигиозного. Ведь естественное желание "утвердиться" — это вовсе не то что необходимость во что бы то ни стало "воплотиться", "быть".

И даже, более того, мой опыт привел меня к, казалось бы, парадоксальному выводу о том, что религиозный и в особенности смиренный человек, занимаясь внешней деятельностью, оказывается в более благоприятных условиях для достижения в ней успеха, чем "свободный гордый" атеист. Во-первых, занимаясь делом, он может спокойно на нем сосредоточиться, не отвлекаясь побочными обстоятельствами и душевными треволнениями; во-вторых, он, как ни странно, оказывается более свободным в выборе объектов и путей для своей деятельности, и, в-третьих, он гораздо свободнее интеллектуально, чем атеист.

Действительно, безрелигиозный человек, занимаясь каким-то делом, вынужден направлять внимание не только на это дело, но и на то, как выглядит в этой ситуации его персона с внешней стороны. Это его, естественно, отвлекает от дела. Кроме того, обреченный оценивать свою личность только по внешнему успеху, он склонен ограничиваться деятельностью, связанной с возможностью достижения успеха бесспорного, всем видимого и как можно более быстрого. Зачастую он боится пойти нестандартным путем, дабы не утратить свой престиж в глазах людей, не показаться смешным. В результате у него оказывается меньше степеней свободы, чем у смиренного человека, который во внешней деятельности склонен руководствоваться только интересами дела.

К тому же сама мысль о возможности поражения, унижения приводит "гордого свободного" человека в трепет, лишает его покоя и отнимает у него столь нужную для работы энергию. Такой человек чувствует себя постоянно в чем-то униженным, закомплексованным. То ли дело человек смиренный, который, делая все, от него зависящее, тем не менее во всем усматривает волю Божью, а

потому неудача для него не становится трагедией. Это с самого начала придает ему спокойствие и уверенность, столь необходимые для успеха всякого дела.

Что же касается интеллектуальной свободы, то на первый взгляд кажется, что "свободный гордый" человек, привыкший полагаться только на свой ум, должен быть свободнее человека смиренного, способного попадать под влияние всевозможных авторитетов. Однако часто оказывается, что, поскольку для "свободного гордого" человека главное — утвердить себя, то он не склонен прислушиваться к чужой точке зрения, с трудом способен пересматривать свое мнение под действием внешних перемен. Самолюбование, культ собственного "я" ведут его к закрытости, к консерватизму — и, как результат, к внутренней несвободе. Он оказывается в плену у самого себя, у своей собственной ограниченности.

А смиренный человек никогда не будет считать, что он в чем-то абсолютно прав. Он всегда внутренне готов к тому, что существует другая, более правильная точка зрения или что в данной ситуации скрыты пока не известные ему возможности. Значит, он более открыт миру, более мобилен, более способен к контакту — и получается, что он более свободен как существо думающее.

Итак: хотя для атеиста внешняя деятельность — это единственное занятие в жизни, а для человека верующего она не главное, мой опыт показывает мне, что смиренный человек как человек мира, как человек действия — гораздо более свободная и перспективная личность, чем "свободный гордый" Человек с Большой Буквы — атеист.

III.

Все сказанное относится в одинаковой степени как к мужчинам, так и к женщинам. Мне хочется сказать об особенностях жизни женщин в нашем обществе в связи с проблемой смирения.

В нашем обществе жизнь женщины протекает в двух сферах: в сфере личной жизни и в сфере профессиональных интересов.

Что касается личной жизни, то я на основании горького опыта убедилась, что без смирения со стороны женщин они не могут реализовать тот потенциал женственности, который в них заложен, который кричит, требуя выхода. Ведь все мы хотим любить, быть матерями, иметь теплые, истинно человеческие отношения в семье. Однако, когда мы пытаемся построить счастье на гордом эволюции, мы чаще всего терпим крах. Как часто у нас женщины, усвоив мысль о том, что человек — сам кузнец своего счастья, про-

являет бешеную активность. В результате же, вместо того, чтобы выковать свое счастье, она кует себе несчастье за несчастьем. Если же, с другой стороны, нам попадается редкий экземпляр женщины, исполненной благодати, кротости, смирения, то, как правило, рука об руку с этими ее качествами шествуют уважение и любовь к ней. Именно такая женщина чаще всего "выигрывает" в "борьбе" за истинность и полноту своей личной жизни, своей самореализации как женщины. Все большее количество женщин у нас начинают понимать, что им необходимо если не смирение, то во всяком случае те черты характера и поведения, которые естественно вытекают из внутреннего устройства смирения и которые практически недостижимы для человека, находящегося во внутреннем устройении гордого своеволия. Пользуясь системой понятий нашего "материалистического" общества, быть смиренной для женщин оказалось гораздо более "выгодно", чем изображать из себя "свободного гордого" человека.

Что же касается профессиональной активности, то здесь мы, женщины, в настоящее время находимся в весьма плачевном положении. Несмотря на формальное равенство с мужчиной, мы очень часто оказываемся жертвами дискриминации, вынуждены испытывать в профессиональной сфере презрительное, унижительное отношение к себе. Единственное противоядие против этой травмирующей психику ситуации — это смирение. Только оно способно помочь женщине несмотря ни на что не пасть духом, сохранить спокойствие и продолжать активно творчески работать.

Одна из причин неудачи женщин в "деловой" сфере состоит в том, что в нашем обществе имеется только одна модель "человека дела" — мужская модель. Согласно этой модели, "деловая женщина" — это фактически тот же деловой мужчина, только в юбке. На самом же деле женщина имеет существенные психологические отличия от мужчины. Поэтому она должна искать свои пути профессиональной, творческой деятельности, не всегда совпадающие с мужскими.

Многолетние наблюдения и мой собственный опыт убедили меня в том, что лучший способ для того, чтобы этой свой путь найти, — пытаться насколько возможно стяжать смирение. Ибо только пребывая в состоянии смирения, можно воспользоваться теми дополнительными степенями свободы в действиях и той открытости в понимании ситуации, о которых говорилось выше и которые нам, женщинам, сейчас особенно необходимы.

**”Я не хвалюсь смиренностью моею,
Не мудрости моя смиренность дочь”
(Вяземский. ”Уныние”)**

Смирение принадлежит к понятиям, которые истолковываются трудно и по-разному. У этого слова бесчисленное множество значений, оттенков. Есть христианское смирение, но есть и смирение чувств. Смирение может быть синонимом слов ”уничжение” и ”унижение”, но есть и смирение-кротость, врожденная беззлость души и нрава. Существует и еще одно значение – покорность, отказ от протеста, неспособность на протест. Смиренность бывает умышленная, продуманная и прочувствованная, но бывает и естественная смиренность людей, которые иными быть просто не способны. Существует и принудительное смирение, которое внушают людям с помощью смирительных домов и смирительных рубашек. Все эти многочисленные значения не могут не влиять на смысл, который мы вкладываем в это слово. Смысл этот, естественно, меняется в зависимости от нашего происхождения, образования, настроения.

”Если со смиренным случится что-либо скорбное, он тотчас обращается к себе, тотчас осуждает себя, что он достоин того, и не станет укорять никого, не будет на другого возлагать вину; и таким образом (будет) переносить случившееся без смущения, без скорби, с совершенным спокойствием, а потому и не гневается, и никого не прогневляет... Смирение состоит в том, чтобы не почитать себя за нечто, во всем отсекать свою волю, повиноваться всем”*.

Прекрасные слова. Но мне представляется, что они не могут распространяться ни на кого, кроме монахов и священников, ни на кого, кроме тех, кто не только живет, но и *служит* во Христе. Об этих людях прот. С. Булгаков писал: ”Те, которые ныне зрят Бога, они уже пребывают в Царствии Божиим – для себя”. Монахи и

* ”Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения”, Типография Свято-Троицкой лавры, 1900 г. Переиздание 1970 г., Pochaev Holy Trinity Monastery, Jordanville, N.-Y., U.S.A.

священники не могут не быть смиренными. Они ближе нас к Богу. Для тех же, кто от Бога далеко, или кто в Бога не верует, кто разделяет мирские заботы, мирскую боль простых смертных, вопрос стоит не столько о том, хорошо ли быть смиренным или плохо, сколько о том, чем смирение обогащает (и обогащает ли) человека, и чего лишает его, почему одним оно дается без труда, другим не может даваться, каких бы гигантских усилий они к тому ни прилагали, и почему третьи (к их числу принадлежу и я) сознательно по ряду известных им причин отказываются быть смиренными.

Разговор пойдет не о монахах и священниках, которые *должны* быть смиренными, и не о тех, кто по тем или иным чисто психологическим причинам не может не быть смиренным. Смирение последних не заслуживает ни похвалы, ни осуждения, как не заслуживают ни того, ни другого блондин за то, что он блондин, а брюнет за то, что он брюнет. Начнем с тех, кто избрал смирение в надежде, что оно облегчит им жизнь на земле. Эти люди отдают преимущество земным эгоистическим устремлениям, то есть преобладанию личного счастья над истиной, личных земных благ — над Богом, личного спокойствия — над общей бедой. "В каждый день и в каждый век, и во всяком месте, и во всякой душе человеческой получалось "Христос + еще что-нибудь", "Христос + богатство", "Христос + слава", "Христос + удобства жизни"*.

Эту мысль можно продолжить: "Христос + смирение, ведущее к удобству души и жизни", иначе говоря, приспособленчество.

Смирение нередко порождается страхом. Слабый опасается последствий своих слов, своих действий, боится расплаты. Чтобы сохранить крупицу самоуважения, он выдает за смирение свой отказ от выражения собственного мнения и отказ от действий, т.е. свою слабость. Послушание Христу, смирение перед Ним не должны перерасти в смирение перед человеком, обожание Владыки Небесного не должно принимать форму обожания земных владык, сильных мира сего, даже если смирение перед ними помогает преодолеть страх. А оно бесспорно помогает этому, ведь послушному некого и нечего бояться, он — опора носителей зла и потому — их любимец. У верующего не может и не должно быть смирения-страха. Православие осуждает страх перед Богом, потому что страх перед Богом, как и страх вообще, всегда преобладает над любовью к Богу и над жадной близости к нему. Смирение — это уклонение человека и от Бога, и от собственного высокого назначения, и от людей.

* В.В. Розанов. "Темный лик. Метафизика христианства", Спб., 1911.

Смирение — состояние не мужественное. Оно обезличивает человека, отталкивает его в анонимную массу послушных и безропотных. Оно гасит в его душе искру Божию и гасит искру разума. Оно лишает человека осознанного чувства ответственности (в том числе и ответственности за существование на земле Зла), превращая его в слепого, покорного раба. Раба не Божиего, а земного, человеческого. Смирение перед палачом, перед тираном, вне всякого сомнения, не может возвысить человека, не может приблизить его к Богу. Царство Божие — это царство людей духовно свободных. Смирение порождает рабов. Оно может дать моральное удовлетворение и иллюзию личной победы над Злом, но это — чисто символическая победа. А символическая победа никогда еще не мешала Злу царить, а тиранам тиранствовать. Дух — это божественное в человеке. Божественное не может быть раболепствующим, раболепствующее не может быть божественным.

Смирение лишает человека полноты бытия, лишает его активности, фантазии, творческого подъема, веры в себя и веры в Бога, отрицает нравственную и интеллектуальную высоту человека, превращает человека в существо созерцательное, пассивное, замкнутое в самом себе. Человек смиренный — это человек, лишенный (или лишивший себя) не столько гордыни, сколько элементарной гордости, чувства собственного достоинства, это человек, готовый к любым унижениям, к лишению себя любых прав. Евангелие проповедует идею равенства людей. Смирение (всегда кого-то перед кем-то) отрицает эту идею.

”Ничто в истории не совершалось без великой страсти”, — писал Гегель. Призыв к смирению — это призыв к бесстрастию, к отказу от страсти, от способности прийти в гнев, от способности пойти на подвиг. Смирение лишает человека нравственного мирского идеала. Кстати, сам Иисус Христос нередко забывал о смирении, в гневе обрушивая свои самые суровые обвинения на ”фарисеев”, ”книжников”, ”лицемеров” и даже на своих провинившихся учеников. Морально уродливы люди, не испытывающие гнева перед вопиющей несправедливостью.

Все это, конечно, относится и к женщинам. Призывать их к смирению — это усугублять их безропотность, их зависимость, их не-само-стоятельность, то есть поощрять их неспособность стоять на собственных ногах, неспособность думать своим умом, распоряжаться своей душой, своей судьбой, своим телом. Это — призывать их смотреть на своих властителей-властелинов со смиренным укором *не* свободного существа. Это — обрекать женщин на вечное рабство.

Прот. С. Булгаков писал, что есть свобода отрицательная и положительная, и что по-разному свободны от греха ребенок и святой. Ребенок свободен потому, что его сознание еще не доросло до понимания греха, и потому ребенок ниже греха. Святой же победил грех и потому он — выше греха. Мне думается, что смирение тоже есть отрицательное и положительное. Смирение жены перед мужем лишь потому, что у него кулаки больше, — отрицательно. И значит, нужно помочь жене освободиться от власти кулаков мужа, а мужа отучить от размахивания кулаками и тоже научить смирению. В браке смирение должно быть взаимным, хотя, возможно, в браке ему вообще нет места, ибо в основе брака должно быть не смирение, а любовь. Кто и когда сказал, что смиренна должна быть жена и только она? Домостроительство (создание христианской семьи) должно вестись по Евангелию, а не по Домострою.

Свобода — это прежде всего свобода выбора. Личная свобода — это личная свобода выбора. И жена вообще, и каждый свободный человек могут и, как мне кажется, должны, *не повиноваться* тем, кто обращает их в рабство. Отказу от свободы духа нет никакого оправдания. И читая: "Рабы, повинуйтесь господам своим... со страхом и трепетом" (Ефес. 6,5), нужно внутренне осознать и навсегда запомнить, что эти слова не относятся ни к нам, ни к нашей эпохе.

Анна-Наталья Малаховская

СМИРЕНИЕ — ЭТО ВНУТРЕННЯЯ СВОБОДА

Очень трудно говорить о смирении в наше время, когда само слово это искалечено и изношено до того, что уже окончательно потеряло свой исконный смысл. Впрочем, как и многие другие слова, означавшие некогда высочайшие и чистейшие понятия. Меня, например, до сих пор как-то внутренне настораживает слово "вера", потому что в памяти тут же вспыхивает вьевшееся клише: "вера в лучшее будущее, вера в идеалы коммунизма". Лучшее из слов — любовь — смешали с самой последней грязью, а "правда" — назва-

ние самой лживой в стране газеты. Точно так же произошло и со словом "смирение": в представлении современника это слово вызывает представление о чем-то трясущемся и жалком, ничтожном, забитом — и при том с оттенком ханжества. Вспоминается Молчалин, старающийся подольститься и к "собаке дворника, чтоб ласкова была". Смиреница — это женщина с поджатыми губами и опущенными глазами, но себе на уме, она ловит "выгоду" (по совету Аллы Сарибан) на своем смирении. (Алла делает оговорку, употребляя слово "выгода" — "пользуясь системой понятий нашего "материалистического общества" — но использование чужого языка, на мой взгляд, переводит весь разговор на иной уровень и **при**нижает значение всего того, о чем Алла говорила до этого). В разделе "Письма по молитвам к Богородице" Катя К. пишет, что смирение — это "не ходить, опустив глазки и смиреннословить", "всегда говорить "куда уж мне", а "всегда превозмогать зло. Не бояться зла, не быть побежденной от зла, а побеждать злое Благим". Мне хочется развить эту мысль и, главным образом, для тех наших читателей, кто еще не открыл для себя нового, чудесного мира Божьей благодати.

То, как в наше время понимается смирение, — это псевдосмирение, *приниженность человеческого духа*. И, к сожалению, у нас в стране огромно количество людей, зараженных этим псевдосмирением — а особенно женщин. Не знаю, почему "практический опыт" говорит Алле Сарибан, что неверующий человек — это непременно человек гордый, повсюду выставляющий свое "я". Мне часто встречались люди неверующие — и всеми силами стремящиеся задавить, затоптать в себе (а часто и в своих близких, особенно в детях) душу вместе с теплящейся в ней "искрой Божьей" — и только для того, чтобы "приспособиться к жизни", то есть сделать карьеру, удачно выйти замуж... Короче, "выиграть в борьбе", по словам той же Аллы. Жизненная позиция конформизма внашивается нам с пеленок почти в каждой семье родителями, заботящимися о благополучии своего дитяти. Благополучие вместо счастья, карьера — в обмен на творчество, удачный брак — ценою убийства подлинной любви. Нас заставляют жить в мире подделок, питаться эрзацами и самим, своими собственными руками, убивать свою душу. Нас, жертв, заставляют превращаться в палачей, крутиться в этом безысходном колесе оборотней, бесконечных превращений. Некоторым удается вырваться.

10 лет тому назад в своей первой повести ("Темница без оков") я писала о пути к внутренней свободе, который теперь я понимаю как путь от псевдосмирения — безвольного соглашатель-

ства с подавляющими обстоятельствами жизни — к смирению истинному. Для меня важно, что главы об этом пути я написала как раз после того, как впервые почувствовала (еще не осознавая) присутствие в мире того огромного, всепобеждающего счастья, о котором теперь узнала, что оно — благодать Божия. Я тогда писала, как можно вырваться из этого заколдованного круга, если хоть раз понять, что ты — свободен, свободен следовать тому внутреннему голосу совести, который есть в каждом человеке, соизмерять направление своей жизни с ним, а не с тем, что тебе внушают окружающие. Разорвать круг неправды на самом себе, выйти из-под власти злого волшебства.

Конечно, я уже тогда понимала, что это — только первый шаг, потому что тут же передо мной вставали новые вопросы: как отличить свободу от своеволия, раскольнического "все дозволено"? Как отличить чувство достоинства от гордыни?

Наверно, подобные же вопросы задает себе и Е. Казанская, когда пишет: "... человек смиренный — это человек, лишивший себя не столько гордыни, сколько элементарной гордости, (...) это человек, готовый к любым унижениям, к лишению себя всех прав. Евангелие проповедует идею равенства людей. Смирение (всегда кого-то перед кем-то) отрицает эту идею". Тут, на мой взгляд, Е. Казанская сама свидетельствует о том, что говорит о псевдосмирении, а не об истинном смирении, о котором, конечно же, не мог "забыть" (как она пишет) Христос. Идея лжесмирения, конформизма, конечно же, противоречит всему тому, чему учит нас Евангелие.

Тонкий волосок между этими противоположностями: утверждением своего достоинства — и отвержением гордыни; грань, которую, однако, все мы чувствуем в себе, потому что чувство высшей меры — соразмерности с Божественным — заложено в нас изначально ("мысли, то обвиняющие, то оправдывающие друг друга" — как определял апостол Павел совесть, заменяющую язычникам закон). Поэтому я не согласна с Галей Григорьевой, что "непосредственно слышать Слово Божье и воспринимать волю Его удаивались только великие святые, пророки". Бог существует не только вне нас, но и в каждом из нас (как пишет сама Григорьева в прекрасном стихотворении: "Иисус — Господь, Ты властвуешь вселенной, и в сердцеходишь, зная каждый грех"). "... верит каждое ухо Тихим словам Твоим..." — поется в песне Окуджавы. Слова Божьи — тихие, и часто их трудно расслышать, но долгие молитвы помогают различить их смысл. Тут важно еще одно условие — то, что древневосточные философы называли Пустотой (и поклоня-

лись ей, как богине и благороднейшему началу жизни). Душа не должна быть переполнена суетными стремлениями, в ней должно быть место, где может прозвучать Слово. Поле души не должно зарастать сорняками — иначе негде будет взойти доброму всходу. Постоянно расчищать душу, возвращать ей зрение, слух, соразмерность с Божественным миром — это я считаю смирением, и только оно дает силу и возможность любить тех людей, каких мы в основном встречаем в нашей стране в наше время, — т.е. конформистов, предателей собственной души.

Такое смирение не унижает, а неслыханно возвышает душу. С трусостью, с примиренчеством оно не имеет ничего общего. Свет "светит во тьме", а не тухнет в угоду ей, самим собою, самим своим существованием он пронзает тьму. Иисус говорил: "Я кроток и смирен сердцем", но Он проповедовал не на ушко в темном уголке (как нам порой советуют сторонники "пассивного христианства"), а перед всем народом. Его обвиняли в гордости, за это и убили: люди, которых Он исцелял и воскрешал, казнили Его позорной смертью только за то, что Он посмел назвать Себя Сыном Божиим. Его, смиреннейшего из всех людей, убили за гордость, за непокорность темной стихии. (А что бы Ему стоило "вести себя поскромнее" и не вызывать гнева толпы, покорно "признать Свои ошибки"? Из того чувства, что в наше время называют "смирением"?)

Если понимать смирение так, как показал нам Своим примером Христос, мы по-другому поймем и то, что значит истинное послушание. Совет Гали Григорьевой слушаться всех, чтоб понять, кого надо слушаться, кажется мне остроумным, но несерьезным. У того, кто попробует осуществить его, жизнь окажется плачевной. Слушаясь родителей и учителей-конформистов, начальников, родную партию и правительство, слушаясь родного мужа-пьяницу (хотя бы тогда, когда он требует, чтобы жена сделала аборт), — мы так далеко зайдем, что потом рискуем и не выбраться на свет. Мы так изнасилуем свою душу, что только чудо может спасти ее. Мне кажется, слушаться можно только такого мужа, который действительно готов распяться за свою жену, как Христос отдал Себя на распятие за Церковь. Но пока что я таких мужей не встречала, зато встречала много таких, кто день за днем распинают своих жен, истязая их и физически, и нравственно, и духовно. В таких случаях покоряться мужу — значит только потакать злу. И такое в нашей жизни встречается часто. Помню, как судили нашего бандита-соседа, который и ножом резал своих друзей и соседей, и топором рубил, и шкафом кому-то голову проламывал. Большинство его

жертв были женщины, его бывшие любовницы. Двое или трое из них присутствовали на суде — и ни одна не согласилась подтвердить показания свидетелей (даже та, что лежала долго в больнице с проломленной головой). То, как они вели себя на суде, казалось им, вероятно, очень благородным и смиренным, и они вели себя так, наверно, из какой-то любви к этому садисту. А ведь они лже-свидетельствовали.

Я знаю женщин, становящихся пьяницами, чтоб угодить мужьям, укрывающих краденое, когда муж или любовник — вор, я знаю даже матерей, убивающих своих детей из "послушания" мужу. Послушание человеку не должно становиться преступлением перед Богом и перед совестью. Соглашаясь с мужчиной, калечащим твою душу, позволяя ему делать тебя рабыней, ты становишься сообщницей преступника, ты растишь тьму.

Но, может быть, полезнее многих рассуждений перейти к рассмотрению практической жизни, иначе мы вряд ли чем-то поможем нашим читательницам. Наверное, вершина смирения — это радоваться во Христе, когда тебя терзают дикие звери (как первоученики) — то есть быть *совсем свободным от обстоятельств своей жизни*. Но в своей жизни я пока таких людей не встречала. Я встречала людей, счастливых и благодарящих Бога за свою судьбу, несчастных и ропщущих, как Иов, несчастных и позволивших себя раздавить. Поведение таких счастливых кажется более христианским, чем поведение ропщущих несчастных, но вряд ли можно считать духовным достижением способность смиряться со своим счастьем. Правда, несчастная судьба — не от Бога, Он только попускает совершиться злу. Судьба — сцепление обстоятельств — существует, как существует дьявол и другие темные силы, но Бог может выхватить любого человека из этого темного потока. "Ты можешь, если захочешь..." Поэтому не смиряться с судьбой — не значит грешить против смирения. Трудно только поверить в то, что Он не только может, но и *хочет* каждого из нас спасти.

И в заключение я хочу рассказать об одном примере смирения, который меня удивляет и радует. В сборнике "Надежда" я прочла, что одна из ступеней смирения — это не ждать от себя ничего доброго. Мне эти слова были не очень понятны, но поведение одного моего знакомого приоткрыло мне их смысл.

Обычно, когда человек делает что-то плохое, ошибается, он или ищет себе оправдания, или "сгорает от стыда" (особенно, если у него не слишком толстая кожа). А этот человек, хоть и переживает свои ошибки, но они для него не зачеркивают его самого. Его смирение с собственным несовершенством — в том, что он прохо-

дит сквозь него, не задерживаясь, не терзая себя, не обливаясь слезами. В его покаянии нет сладострастия, мазохизма — и тут он не хочет уступить дьяволу. То плохое, что темные силы заставили его совершить, не убавляет его веры в конечную победу Божественного добра. Так я поняла, что не ждать от себя доброго надо, чтоб не слишком ужасаться тому злему, что ты можешь, как и каждый человек, совершить. Чтоб и этим ужасом хоть на миг не отдать дани злу. Так мне становится все яснее, что смирение — это освобождение себя от зла.

То состояние необыкновенной высоты и счастья, чувство человека, из затхлой клетки выходящего, наконец, на простор, 10 лет тому назад я назвала "внутренней свободой". Это же состояние теперь, узнав Христа и дарованную Им свободу, я называю смирением. И если в юности я боялась потерять эту обретенную высоту — и, конечно, теряла ее, — то теперь я знаю, что смирение — это работа. Вроде работы настройщика — постоянно настраивать свою душу на ту же волну — волну свободы и доверия к Богу. Смирять — соизмерять себя с "высотой неудобовосходимой".

РАЗГОВОР С ПОЛЬСКОЙ ПОДРУГОЙ О СМИРЕНИИ

"Человек из человека
наклоняется ко мне...
А. Введенский

— Как понять, что такое смирение, если Христос говорил: "Я кроток и смирен сердцем"? Как Бог может быть смиренным? Я говорила тебе, что для меня смирение — это знать свое настоящее место в жизни, принимать правду о себе, то есть знать, что ты — не так уж велик, и, второе — уметь распознать, что кто-то может быть более высокий, умный, хороший, чем ты. И вдруг я случайно нашла как раз об этом в книге Гвардини "Господь", в главе о смирении. Он пишет, что знать правду о себе — это просто честность, а не смирение. И если в нашем обычном понимании этого слова смирение идет снизу вверх: я имею в виду, что кто-то, кто внизу, глядит на кого-то, кто вверху, и признает это, — то согласно Гвардини, все

как раз наоборот: смирение идет от высокого к низкому. Это значит, что кто-то, кто высок и велик, спускается к маленькому человеку и в благоговении и трепете преклоняется перед заключенной в нем тайной. Поклоняется не только тому, что этот маленький имеет в себе что-то маленькое ценное, какую-нибудь хорошую черту — но поклоняется ему целиком, потому что он — человек, а это — что-то великое само по себе.

— Можешь себе представить... прости меня, можно, я прерву? Я тебе говорила, что случилось в последнее время в моей прачечной? Передо мной как раз стояла эта же самая проблема: как увидеть человеческое, замысел Божий о человеке, в тех людях, в которых это, кажется, совершенно невозможно увидеть. Помнишь моих коллег?

— Ну, конечно.

— Помнишь, как они ко мне относились? Особенно Траути и Улли, но они и остальных натравливали. Молодые, сытые, никогда не знавшие недоедания и всех тягот советской жизни, они не могли поверить, что я действительно не могу работать так же быстро, как они. И обращались со мной, как фашистки в концлагере: наваливали на меня самую тяжелую работу, а когда я задыхалась от усталости, заставляли работать за двоих и троих: мои напарницы по конвейеру стояли рядом со мной руки в боки и, издеваясь надо мной, погоняли: "Шнель, шнель!" В тупости их я могла убедиться на каждом шагу, книги они вообще не читали, одна только Цилли, которую они считали дурочкой за то, что в детстве она была испугана бомбежкой, — только она читала порою детские сказки. Так прошло 5 месяцев, и ничего не менялось: они становились все жесточе. Я почти всегда молчала, терпела, поняла, что им ничего не объяснишь, но в душе звучало только одно: "нация надсмотрщиков". Они ненавидели меня за то, что я русская, и я начинала ненавидеть их за то, что они немцы. И вот однажды в марте у нас в городе выступал один проповедник из Румынии, настоящий мученик за веру: тюремщики его избивали до потери сознания, а потом, окатив водой, заставляли убирать лужи его собственной крови; а он видел в них только несчастных рабов и молился за них. После его выступления мы с ним разговорились, и я рассказала ему об этих людях на моей работе: они называют себя христианами, ходят в церковь, а сами такие жестокие. Устраивают мне скандалы даже за то, что я хожу в туалет. Он меня благословил и сказал, что будет молиться за то, чтоб Господь дал мне любовь. В меня эти слова как-то глубоко проникли, и я стала искать, как полюбить этих женщин. Прежде всего удалось полюбить эту кроткую Цилли и без-

злых старушек, потом сумасшедших Мануэлу и Лизи: в них иногда мелькал отблеск человеческого. Но Улли и Траути — они оставались непробиваемыми. Чемпионки бесчувствия с кожей, как у носорогов. Но то, что я много стала об этом думать, оказалось не зря: у Улли я обнаружила страсть к красивым картинкам из журнала, способность восхищаться красотой хотя бы одежды, и она вдруг стала чувствовать ко мне уважение за то, как я одеваюсь. Так удалось разговаривать с нею и постепенно найти общий язык. А Траути заболела, и, несмотря на все ее презрение ко мне, мне удалось разговаривать с нею о болезни, о лекарствах, ей стало интересно, она почувствовала, в конце концов, сочувствие с моей стороны — и сама стала мягче. Но все это не прекратило их окриков и издевательств, только я знала, что в них есть и другое, и это мое знание рассеяло атмосферу ненависти. И вот в новой уже атмосфере я однажды случайно взглянула на Траути и увидела... ты помнишь Траути?

— Конечно.

— Помнишь, у нее такое грубое лицо, оно мне всегда напоминало лицо моего соседа по коммунальной квартире, в Ленинграде. И вдруг в вечерних лучах я вижу, что она совсем другая, такая... глубокая, что-то в ней летящее, как ангел с картины Фра Анжелико. Она не осознает насколько свою глубину, красоту, все это не принадлежит ей самой, но это есть. Мне кажется, то, что ты говорила об этом великом, что есть в каждом человеке — это что-то вроде этого моего опыта. Ты согласна?

— Да.

— Это тайна такая глубокая... Ядвига, тебе случалось увидеть ее в других людях?

— Да, я видела ее. Особенно, когда я училась в медицинском училище и жила вместе с девочками 17-20 лет в интернате. Я все время делала открытия, как чудесны они, какие возможности добра в них скрываются: можно копать и копать, и найдешь все больше хорошего. Но мне было легче: я там была в особом положении, потому что я была старше всех, и они меня приняли не только не как парию, но даже и не как равную, а как кого-то, кто над ними. Мне кажется, что, если бы я была на одном с ними уровне, я была бы точно такой же, какими были они на первый, поверхностный взгляд: так же ссорилась бы с другими. Но из-за того, что они приняли меня как старшую, мне не потребовалось героизма для того, чтобы завоевать это новое видение: прорвать покрывало поверхностного взгляда и увидеть эту красоту в них. И через это я могла принять их и выкапывать это хорошее... и это было чудесно. Но для

меня единственная возможность вступить в отношения с человеком — это говорить только с ним, тогда ты говоришь с душой, доходишь до души. А когда сразу много людей, тогда ничего не получается.

Мне возможно распознать величие другого человека только когда с ним вдвоем, с глазу на глаз. Но я хочу продолжить об этой книге, где я прочла о смирении. Смирение Бога именно в том, что Он сходит сверху к ничтожеству людей, но это ничтожество — не только ничтожество: это ничтожество, потому что между Богом и человеком — пропасть... но сам тот факт, что Бог сходит вниз, означает, что ничтожество людей — это что-то великое. Точнее — что человек велик, независимо от его ничтожества.

Это — о смирении Бога. Теперь — о христианском смирении. Прежде всего, человек должен открыть, что он — творение Божие, и как творение преклониться перед Богом, причем не только в Его могуществе, величии, чудесности, — он должен преклониться перед Богом, Который смиренен. Перед тем, кто чудесен и всемогущ, легко преклониться. Но вот перед тобой человек на кресте, и в этот момент ты должен узнать в Нем Бога. И если ты узнаешь в Нем Бога и в этот момент, ты сможешь принять Его отношение к смирению. Если ты поняла, что Бог есть Бог даже на кресте, тогда ты принимаешь Его смирение как что-то, в чем ты должна принять участие.

— Это трудно для меня.

— Что трудно? — Не то чтобы понять, а пережить это трудно.

— Подожди, подожди... например: Бог сидит на троне. Кругом полно ангелов, Он мечет громы и молнии, и Он говорит... например...

— Ты не должен воровать!

И ты понимаешь: ага, Он, такой великий, Он так говорит, это должно быть и в самом деле так. Хорошо, это одна картина. Другая картина: ты видишь кого-то, кто живет очень бедной жизнью, и его жизнь кончается на виселице — не на кресте, потому что для нас крест — это что-то связанное с Богом. И твоя первая мысль — как это вообще возможно, что Он — Бог? Если его жизнь так кончается. Ты борешься с сомнениями, ты не уверена... но в тот момент, когда ты говоришь — да, Он — Бог, точно так же Бог, как Тот Бог на троне, Он имеет власть сказать тебе, что хорошо и что плохо... и с этой властью Он говорит тебе: "смирение — это хорошо, будь смиренным, Я, Бог, говорю тебе это", — в этот момент ты узнаешь эту ценность, смирение, как ценность. Ты поняла теперь?

— Не совсем. Вот я гляжу на Него, я вижу, как Он прекрасен,

когда Он смирен, но все же для меня будет долгий путь и я не знаю этот путь, как я могу придти к заключению, что я могу быть смиренной и могу любить состояние смирения. Я люблю смирение в Нем, потому что Он прекрасен в своем смирении, я могу восхищаться Его смирением, но я не могу стать смиренной сама.

— Смотри: Он говорит тебе: "Каждый человек имеет необыкновенную ценность: Траути, Рената, Мануэла и любой. Это Я, Христос, говорю тебе". (Если б человек это тебе сказал, ты бы не знала, может, это и не так). Но ты веришь Ему. И ты можешь попытаться искать это в людях. Ты не видишь еще этого, что Траути таинственна, и велика, и чудесна, и как ангел. Но ты Ему веришь, что в ней есть что-то. Это только первый шаг.

— Помнишь, ты говорила, что тебя потрясло, как один священник сказал тебе, что он молится за генерала Ярузельского?

— За любого можно молиться. Мы делаем себя судьями других. Если мы видим, что кто-то плохой — действительно плохой — тогда мы думаем, нам разрешено судить его. Но мы забываем, только потому, что он — плохой, — мы забываем, что этот человек все равно — Боже дитя, что Бог любит его... Это — начало христианского смирения, то, что ты принимаешь смиренного Бога. Недавно произошел случай, который перевернул мое представление о моей жизни, и, мне кажется, он имеет отношение к этому разговору о смирении.

Если б ты до этого пришла ко мне и сказала: это не имеет значения, Ядвига, то, что ты сейчас несчастна, придет день, когда ты будешь счастлива, все будет прекрасно — я бы не поверила тебе. Почему? Семь лет я молилась об этом, я искала, я пыталась делать одно и другое, но все в моей жизни было не темное, а серое: серое, серое, серое... И я уже не могла верить, что может быть по-другому. Семь лет моей жизни были потеряны. И вот я приехала к моему духовнику и спросила его, почему это так. Он долго думал, а потом сказал: "Есть две возможности. Первая возможность — это то, что ты оказалась неверна Богу. Но я не думаю, что это — так..." Меня потрясли эти слова. Для меня это было, как шок — то, что он мог хотя бы только назвать эту первую возможность.

"Это — ужасно, ты сделал меня виноватой на всю жизнь".

Непосредственная реакция — то, что мы не принимаем плохого о себе. И я выбрала другие возможности, которые назвал священник — что в моей неудавшейся жизни виноваты обстоятельства или плохие люди. Но эта первая возможность все время стояла в моем подсознании. Нет, это не было чувство вины, то, что я чувствовала весь следующий день, но чувство, что есть возможность

моей вины. И я знала, что должна буду встретиться с этим лицом к лицу. Если ты должен сделать что-то неприятное, ты отталкиваешь это от себя, не хочешь об этом думать, но все равно весь день испорчен. Так было и с этой подсознательной мыслью о возможности моей вины.

Прошел день, и на следующий день вечером, когда я выходила из собора св. Петра, я спускалась по ступеням... не знаю, почему вдруг в этот миг это открылось передо мной — что это правда, что действительно возможно, что я не сохранила верность Богу. И в тот же момент, не знаю, почему, пришла эта мысль о Петре, который был неверен Христу. И это было как спасение. Потому что я знаю, что, хотя Петр был неверен, Христос не отверг его. И если я приму свою вину и приду к Нему, Он не отвергнет меня. И у меня появилась возможность начать все сначала, уже без вины. Он прощает меня полностью — это значит, это не будет на мне как тень все время, от моей вины уже совсем ничего не останется. И это освободило меня. Но это был только как бы первый шаг. Потом я вернулась домой и однажды читала в Библии про блудного сына. Не помню, как это точно было, но я поняла, что я — не как блудный сын, но как его брат, который думал про себя, что он — такой совершенный. И вот возвращается его брат, и он — такой ужасный грешник, а отец так его чествует. И вот я думаю (я — как брат) : я должна показать отцу, как я совершенна. И вот я собираюсь и уйду — чтоб сделать что-то великое, совершить много подвигов. Но отец мой знает, что я не способна совершить подвиги. И все-таки он не останавливает меня. Он не может меня остановить, как он не мог остановить и блудного сына, он не хочет своей любовью давить на нас, лишать нас свободы самим узнать свои силы. И вот я ушла и стала искать чего-нибудь великого. И на моем пути оказалось много великого, что можно было сделать. Но каждый раз я отдергивала руки. И никто не мешал мне: по моей собственной воле я ничего этого не делала. И я не могла понять, почему так. Я думала: я — герой, так что же тут не так? В чем дело? Я думала, что в ситуации. Я не видела, что неправильным было мое представление обо мне самой.

И вдруг я почувствовала тоску по моему дому, где я жила раньше, потому что там никто не ждал от меня великих дел. И так, как мой брат вернулся домой с пути греха, я вернулась с пути добродетели, которая была не добродетелью, а гордостью. И оказалось, что необходимым было уйти от моего отца, оказалось, что я не зря потеряла время, потому что, если бы я осталась дома, я бы все время думала, что я такая великая, и я бы не была в состоянии раскрыть (узнать) правду о самой себе.

Но я открыла правду не только о себе, но и о своем отце: что он любит меня такой, как я есть. Мне не нужно быть великой для того, чтоб заслужить его любовь.

Татьяна Горичева

НАДЕЖДА СВЕРХ НАДЕЖДЫ

Самосознание мое и моих друзей формировалось в эпоху "богоборчества", когда в связи с хрущевской "оттепелью" многое было позволено, а главное – когда убили старого "бога" и почти опьянели от неожиданной, неслыханной свободы от авторитета. Из этого процесса стремительного разрушения выростала личность – своевольная, бунтующая, отчаянная. Женщины, конечно, не уступали мужчинам. Опять воскрес вечный русский тип "хлыстовской богородицы", женщины властной, широкой русской натуры, бесстрашно преступающей все нормы морали и жаждущей скандала, околдовывающей своей неотмирной страстью к крайностям и свободе. Тип, хорошо известный из романов Достоевского. Многим женщинам 60-х казалось, что они воплощают собой новую "Настасью Филипповну", и многим это нравилось.

Гордость была основной чертой характера. В ней не видели ничего плохого. "Инфернальность" притягивала, поднимала над "пошлой" мещанской действительностью. Мораль презиралась. Но эта "эмансипация" очень быстро показала свою другую, печальную сторону. "Вседозволенность" оказалась потерянностью. Презрение к людям оборачивалось зависимостью от этих людей: нужно было постоянно подчинять и властвовать, доказывать свою "силу". Это была неуверенность в себе, постоянная истерия отчаяния. А самое страшное – отсутствие любви. Невозможность никого полюбить, что, как говорит Достоевский, и означает ад.

Все это я вспоминаю для того, чтобы стало ясно, что такое предыстория нашего прихода к христианству. Не из инфантильной "провинции" пришли мы к центральным христианским понятиям "смирения", "жертвы", а испытав на опыте, что значит жизнь вне них.

Ева и Мария. Путь своеволия и путь послушания. Своеволье было нашим "языческим" прошлым. Образ Евы, образы и тени демонического мира сегодня забыты и преодолены. Высветлены

светом евангельской простоты. Все они растаяли, съезжились и поблекли перед одним благодатным образом Божьей Матери.

Трудно говорить о Ней. Божья Мать перевернула все наши прежние понятия. В Ней, в Ее внутренней тишине, и воплотилась совершенная личность. Ее молчание, молчание внутреннего человека, прозвучало в истории красноречивее человеческих и ангельских языков. Она — сама серьезность. Она научает высоте, которая одновременно конкретна, лишена всякой гордости и самовосхваления.

Сила Божьей Матери в смирении. Смирение — важнейшая из христианских добродетелей, совершенно искаженная современным буржуазным миром и понимаемая всюду как "рабство". Сегодня русские христиане на опыте постигают, что смирение не имеет ничего общего с приниженностью, рабством. Рабство — от внутреннего беспокойства, смирение же — о чем говорит само слово — от внутреннего мира. Рабство — от страха, смирение же — это высшая победа над страхом. Смирением побеждается эгоизм и обретается открытость любой судьбе, любому испытанию, ниспосланному от Бога.

Могу рассказать об одном случае из собственной жизни. Известно, что с самого начала возникновения женского движения в Ленинграде КГБ установило постоянную слежку за нами. И вот однажды я возвращалась очень поздно домой, в пригород. Я должна была идти через большое, открытое пространство, где никого не было. Я почувствовала, что меня преследуют. Я знала из опыта подруг, да и из своего собственного, что "они" могли сделать все, что угодно. Беспокойство внутри росло. Мне было стыдно за свой страх. Я старалась убедить себя, что "я их презираю", что я выше этих убийц, но тревога и ужас не проходили. Тогда неожиданно в памяти всплыли евангельские слова о Христе: "... как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим Его безгласен..." (Исаия 53, 7-8). И смирение возвратилось в душу вместе с истинным бесстрашием, вместе с готовностью принять волю Бога, какой бы она ни была.

Я благополучно дошла до дома, даже позабыв о своих преследователях. Это была психологическая победа над страхом, над гордостью, над беспокойством. Победа, которая удалась только через обретение внутреннего мира, смирения.

Христианин знает, что стоит ему только отказаться от своих выгод, от всякого самовозвышения и самоуважения, как Бог дает неожиданным, действительно чудесным образом силу и энергию.

Смирение спасает не только в "пограничных" ситуациях. Смирением обретается также каждодневное доверие между людьми.

А это так важно в наших советских условиях недоверия друг к другу, когда с детских лет люди привыкают жить двойной жизнью и ложь перестает быть пороком.

Смирение помогает принимать людей такими, какие они есть. Нужно терпеливо ждать, пока человек сам победит в себе страх и откроется навстречу Богу. Смирение, отвержение себя, как раз и помогало открыть глаза на лучшее в людях. Смиранный лучше знает, как помочь людям. Только смирение может быть основой жертвенной, конкретной, мудрой любви. Для гордых, эгоистичных реальность закрыта. Закрыта и мудрость.

Итак, смирение – это мера отношения к Богу и к людям, оно было опять открыто нам во всей своей красоте и удивительности. В России о нем пришлось вспомнить, потому что здесь уже не осталось надежд "на князя, на сына человеческого" и оставался только один путь – уповать на Бога, дающего Надежду сверх надежды.

Хочу сказать несколько слов о других выступлениях в этой дискуссии. Предложение Гали Григорьевой "быть в послушании у всех" вызвало у некоторых из нас недоумение: как, всех слушаться? Значит, жить, как говорят обыватели: "не лезть не в свое дело", "думать о себе" и т.д.? Но я думаю, что Галино предложение надо понимать на другом, "мета-психологическом уровне", как готовность к радикальному послушанию, как благоговение перед Реальностью, как умение *слушать*. Эта готовность слушать и слушаться – главное условие жизни в Духе, не ограниченной ничем. Живя в Церкви, мы, если "повезет", можем иметь и слушаться духовника, а если духовника нет – ведь мало у нас священников, еще меньше тех, кто имеет дар духовничества, – то, как советовал преп. Серафим Саровский, нужно вступить в непосредственное послушание Спасителю, Божьей Матери, святым. Можно просто говорить с иконами и в молитве просить совета. Ответ придет.

Конечно, предложение "слушаться всех" для Гали соединяется с тем, что так хорошо выразила Ксения Романова, говоря о "различении духов", о духовной трезвости.

С Екатериной Казанской я не согласна в том, что она пишет, словно для одних христианство – это все, а для других – только некая прибавка к жизни. Христианство – все для любого христианина. Смирение есть открытость и дерзновение, Христос полностью находился в воле Отца, "был послушен даже до смерти, до смерти крестной". Без такого пребывания в воле Бога наше дерзновение, смелость вырождаются в дерзость или истерику.

**Из письма о ленинградских дискуссиях клуба "Мария"
конца 1980 г.**

Обещала я тебе вспомнить, как было той осенью и к концу лета, после того, как вы уехали. Конечно, ваш отъезд поставил нас в трудное положение: что же нам делать дальше? Ибо многие из нас не были ни на одном собрании, ни на одной встрече клуба и поэтому преемственности у нас — ну не могло быть. И когда мы в первый раз встретились, оказалось, что нас волнует то, что волновало, видимо, и вас в первый раз: что происходит в нашем обществе, какова женщина? На первом нашем заседании собралось более 10 женщин: здесь были музыканты, художники, социологи, философы и режиссеры. Первую дискуссию мы назвали "Женщина и современность". И многие, от всего сердца перестрадавшие те ситуации, о которых вы писали, и вспомнили многие другие, сошлись на том, что очень тяжело, плохо и даже где-то безвыходно — безвыходно в реальности — то, что происходит с женщиной. И у каждой из нас появилась мысль: но мы должны жить — у нас есть дети! — мы смотрим... в будущее. Многие из нас были религиозные, верующие женщины, и поэтому, когда мы осознали, как нам тяжело, то вдруг, не помню уж, чей это голос был:

— Но мы же должны верить в то, что Господь нам поможет!

И тут у нас возникло множество планов: на какие темы нам в будущем беседовать. Тут мы подумали, что хорошо бы нам знать то, что вряд ли мы знали или знали очень неверно и превратно. Например, что такое Домострой? Хотели узнать историю женского сознания и в 19 веке, узнать, что было уже в наш, советский период, как постепенно происходило то, что сейчас стало с женщиной. Было ли это постепенно, или это было сразу уже ясно, какова будет роль женщины. У нас были книги, оставленные Таней Горичевой, мы решили продолжать лекции по самообразованию, которые она читала в клубе до отъезда.

И множество этих планов вылилось в то, что к следующему разу мы наметили тему уже не просто такую обзорную, когда каждый говорит без особого предмета, а просто — какой-то вопль, какое-то страдание, — к следующему разу мы уже подготовили план. Этот план мы продумали, разработали с К. В плане было очень много дискуссионных тем. Ну, например, "Аборты и многодетная семья", — это мы связали в одну тему, ибо боязнь двух детей, трех — это очевидно во всех советских семьях. Тем более, многодетная семья.

Была, например, такая тема, как "Старость". Ибо мы считали, что старость — это мудрость, старость — это близость к Богу, старость — это какое-то просветление, это доброта и теплота. И — так ли это? Как общество, измучив людей, обращается с ними к концу их жизни. Кто-то вспомнил, как умерла старушка и пролежала мертвая 10 дней. И не было ей церковного погребения, и никто о ней не молился. Вспомнили, как страдают в старческих домах, едва добираясь до старческого дома, пройдя множество процедур, и унижительных — и умирают. Были темы и сугубо правовые: то есть мы хотели, чтобы кто-то из наших женщин рассмотрел советские законы с тем, чтобы в будущем помогать тем женщинам, которые нуждаются в юридической помощи. Были темы и такие, как женское одиночество, темы, опять же, как ты назвала, "Материнская семья"* . Но тогда еще не все знали о том, что у тебя была такая статья, поэтому, может быть, как раз в подтверждение того, что этот вопрос очень актуален, у нас возникла такая тема. Была тема "Воспитание детей", "Детское творчество" — Наташа Лазарева как раз хотела этой темой заниматься. "Проблемы религиозного воспитания" и, конечно, "Женское творчество", — это тоже были наши темы.

У нас было много конкретных проблем и вопросов, все — важные, и все-таки мы не могли не заметить, что внешние, — социальные, психологические, политические проблемы, — указывают на более глубокий уровень, где человек выбирает себя и Бога. И мы стали размышлять о том, что необходимо внутреннее переустройство всего духовного мира, а оно повлечет за собой уже многое.

И так мы пришли к этой теме "Современная женщина и смирение". И когда мы попросили всех подготовить выступления, то все как-то очень взволновались. Эта тема была живой темой, ибо многие у нас были верующие.

Это заседание было за городом, на даче у Елены Павловны Борисовой. Конечно же, все мы были в стесненных денежных обстоятельствах, и поэтому на целый день поездки с детьми мы должны были что-то взять из продуктов. Кто что мог. Например, я везла громадную кастрюлю каши. Когда мы приехали в Юкки, то Елена Павловна, как мы узнали, была в больнице, но она позаботилась о нас и приехала ее знакомая, отперла нам дверь, и уже печь была натоплена, и стали приезжать все потихоньку.

* "Женщина и Россия", альманах женщинам о женщинах, изд-во des femmes, статья Н. Малаховской "Материнская семья", стр. 31.

Была уже поздняя осень, ясный, такой морозный, солнечный день. Дети на дворе играли, кого-то положили спать, а большей частью они мешали нашим "умным" разговорам. И началась наша беседа. Ответственная за эту беседу была я, и поэтому первое выступление было мое.

Начали с того, что те типы женщин, тот стиль поведения, который бытует в наших советских семьях, приводит именно к тому положению, которое заставляет нас страдать. И семьи разваливаются или существуют в таком ужасном виде, что страдания детей не могут оставить равнодушным. И мы пришли к выводу, что там, где в семье живет любовь к Богу, та семья преобразается. Но это уже было как бы финалом, заключением разговора, ну, моего, в частности, выступления, а начало было таково, что еще до этого выступления я задала нескольким своим знакомым такой вопрос:

— Хотели бы вы, чтобы ваша жена была христианкой?

Кто-то из мужчин вообще не понял сути вопроса, кто-то не понял, чем бы она отличалась от того образа, который он всегда хотел видеть в своей жене. Поскольку это были молодые семьи, молодые мужчины, то они, конечно, не были равнодушны, когда им задавался такой вопрос. Видимо, я хотела у них что-то узнать такое, чего они не понимали. И им интересно было это понять, но многое для них было закрыто. Была стена какая-то между пределом их представления и тем, что может открыться за этим пределом. Но, чтобы перешагнуть его, нужно было совсем другое, нужно было состояние веры. А уже семьи у этих мужчин были к тому времени в катастрофическом состоянии. Отсюда можно было сделать вывод, что большинство семей советских просто не понимают тех благ, какие их ждут, коль было бы у них все по-иному, часто не знают, что это такое — иное, что это за иные установления внутри семьи, когда семья не порабощает человека, не умерщвляет в нем все живое, а, напротив, становится "микромиром", дает связь со всем мирозданием, дарит полноту и научает любить всех и все. И отсюда, когда я пыталась вот так представить картину, я поняла, что жалеть этих людей нужно. Нужно молиться о их прозрении, где-то, если есть возможность, постараться убедить их в чем-то, постараться рассказать им. Но коль тогда стоял вопрос о взгляде на все общество в целом, то вот это атеистическое общество — оно просто не знает, где искать благ, где искать счастья семьи, в чем видеть духовную близость супругов.

Итак, коль скоро осознали такое положение женщины, то что они могут? Ни установить каких-то законов — естественно, не могут, не могут изменить насильно восприятие жизни. Лишь собствен-

ный пример, лишь все, что исходит от них истинного, лишь только то и может внести преобразование.

Что же? Каждодневные укоры, каждодневные лекции – видимо, это произведет какое-то озлобление в семье, произведет непонимание. Семья может разрушиться. И только то, что свойственно женщине – отнюдь не отрицательные качества, а положительные, – это ее терпение, это то, что говорила мне моя бабушка: ”Тяжко, кажется, не вынести, а ты встань к стенке, расслабься, облокотись на нее, скажи: ”Господи, помоги, дай, Господи, терпения!” Вот так с этим терпением и можно помочь.

Затем выступала Ксения, выступала Алла, Галя Григорьева тоже выступала, Ира Жоссан. Были небольшие выступления у Анны, у Люды. Но в целом спора не произошло. И я думаю, что, может быть, даже это и не страшно, как вот ты считаешь, что дискуссия должна быть столкновением разных мнений. Да, мы тогда были единодушны вот в чем: мы понимаем, где лежит горе женщины, советской женщины, в чем оно, но мы понимаем, что смирением перед Богом оно, возможно, изживет себя. Но смирение – это не значит бездействие, расслабление, это значит – осознание великой своей миссии. Но не с гордостью, а спокойно.

В нашей дискуссии поначалу было много всяких проблем, и тогда приехал Ж.М., и В.М., и вот все обсуждали, что творится в городе, где какие обыски, где какие аресты, как вести себя нам. Приехали две девочки из журнала ”Женщина и Россия”, редактор журнала, они были очень удивлены, как по-доброму мы друг к другу относимся, какая у нас живая дискуссия, ну, живая в смысле единого духа – разве это не жизнь? И надолго затянулась наша беседа, лишь уже под вечер, радостные, мы возвращались домой. И наутро следующего дня Валентин приехал к Елене Павловне, и он сообщил нам потом, что был обыск сразу же после нашего ухода, что лежали какие-то инструкции, видимо, подкиннутые, ”Как вести себя на допросе” и т.д., может быть, думали, что мы еще раз приедем на эту дачу, и уже тогда нас поймают. О нашей встрече, конечно, стало известно...”

Т.Б.

ДОЛЮШКА ЖЕНСКАЯ

Людмила Левитина

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ или ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА

В суетности нашей жизни порой перестаешь замечать острый дефицит времени и денег. И мысли о том, что опять гора стирки ожидает тебя в выходной и опять занимать десятку до получки, перестает по-настоящему беспокоить и волновать. Это становится закономерностью, обыденностью. Это — неизбежно, это — жизнь.

Я твердо убеждена, что это ненормально. Всем людям нашей страны предоставлено право работать и, таким образом, обеспечивать себе материальную сторону жизни. И всем людям гарантировано право на отдых после трудового рабочего дня. На деле же все обстоит несколько иначе. Если вспомнить, что такое — планирование домашнего хозяйства и планирование времени, вооружившись ручкой и бумагой, можно прийти к парадоксальным результатам. Откроеся удивительное несоответствие между минимальной заработной платой в СССР и ценами на товары первой необходимости, а также между количеством часов в сутках и теми делами, которые должны в них вписаться.

При этом не надо брать какой-то особый случай. Будем исходить из усредненного обычного варианта. (Беру за основу личный опыт.)

Парадокс первый — деньги. Предположим, некая девушка, не поступившая по тем или иным причинам в институт после школы, устраивается работать, ну, например, техником-строителем в проектную организацию (как раз на такой работе я и работала). 70 рублей в месяц оклад*, 8 часов рабочий день (сидишь, чертишь, бе-

* Такую же зарплату получают и санитарки, уборщицы, работницы сферы обслуживания, библиотекари (с высшим образованием), — т.е. огромная часть населения страны, и почти исключительно — женщины. Даже когда они имеют детей, даже одинокие матери. Зарплату в 80-90 рублей получают тоже женщины — служащие, лаборантки, преподаватели, — и, чтобы "сводить концы с концами", им приходится зачастую недоедать. — Редакция.

гаешь по делам начальства). Жить ей, предположим, есть где (я жила в десятиметровой комнате со своим братом, моим ровесником). Комнату снимать не надо (если снимаешь, то за комнату в коммуналной квартире надо платить каждый месяц 40 рублей, а за квартиру вдвое больше). 70 рублей — это минимальная заработная плата в нашей стране. Естественно, предполагается, что человек может жить на эту зарплату, каждый день есть, иметь минимум одежды, словом, не умереть от голода и холода. Попробуем составить список вещей, необходимых девушке для повседневной жизни, исходя из того, что она, как простая советская труженица, "по блату" и у "фарцовщиков" ничего не покупает и на роскошь не претендует.

Зимнее пальто, купленное в простом советском магазине (о его внешнем виде забудем, ведь главное, чтоб было тепло), — стоит в среднем 120 рублей. Зимние сапоги (в продаже за год я видела их всего три раза, причем очередь была вокруг всего Гостиного двора) — 70 рублей минимум. Осеннее пальто или плащ — 100 рублей. Что такое осенние сапоги, ни я, ни моя мама, живущая на земле уже 43 года и не покладая рук работающая в должности инженера, не знаем! Хотя бы осенние туфли — 40 рублей. Сумка (пустя из кожзаменителя) — 20 рублей. Пара бьюстгалтеров — 15 рублей. Трусы? Возникает вопрос — я покупаю себе трусы 36 размера. Продавец говорит, что это — на ребенка пяти лет, а у меня размер 48. И всего-то стоят рубль двадцать! Но не все такие сообразительные. Чаще всего покупаются панталоны из ацетатного шелка или синтетики: 3 пары — 15 рублей. Колготки — 3 пары — 24 рубля. Правда, есть колготки за 4 рубля, но они в продаже редки и крайне непрактичны. Комбинации — две минимум по 15 рублей каждая. Итого — 554 рубля.

Заметьте, что все это — не считая таких вещей, как повседневное платье, повседневные туфли, халат, домашние тапочки, летние платья, босоножки, купальник, свитера, шарфы, варежки, шерстяные носки, полотенца, носовые платки... Этот список, дорогие сестры, можете продолжить сами.

Не берем в наши расчеты также постельное белье, посуду, кухонные и бытовые принадлежности, стиральный порошок, мыло, зубную пасту, туалетную бумагу (которой почти всегда нет в продаже), конверты, писчую бумагу, ручки, косметику, украшения... (перечень необходимого бесконечен). Также забываем о днях рождения (цветы, торты, подарки), походах в гости (те же цветы и пр.), в театр, в кино, на выставки, забываем о книгах, подарожавших в последнее время. Предполагаем, что без этого можно прожить. Но наверняка среди вас, дорогие сестры, найдется такая, ко-

торая не может отказаться от всего этого. Пусть она попробует ради эксперимента подсчитать, на сколько увеличится наша вычисленная сумма в 554 рубля, если к ней прибавить расходы на покупку вышеперечисленных вещей. Возможно, кое-какие из этих вещей достаются по наследству либо дарятся. А хлеб наш насущный! Допустим, что на еду требуется 2 рубля в день. Хотя очевидно, что только при сугубо домашнем питании эта сумма может быть удовлетворительной. Ведь обед на работе, т.е. в какой-нибудь столовой, пирожковой, пельменной и т.п. минимально стоит 70 копеек, а то и рубль. А если еще и завтракать и ужинать на предприятии общественного питания, то очевидно, что меньше, чем тремя рублями не обойдешься. Но наша девушка скромна. Она утром пьет чай с бутербродами, на работу берет из дому котлетку и сыр, затем опять чай и какие-нибудь макароны на ужин. Двух рублей ей хватает! Итого — 60 рублей в месяц. Вспомнив о ее зарплате в 70 рублей, видим, что каждый месяц у нее есть 10 рублей, которые она может копить, собирать с целью купить себе вышеперечисленные вещи первой необходимости. За год скопится сумма в 120 рублей. Предполагаем, что транспортом она не пользуется, на мороженое не тратится, комнату за нее оплачивает кто-нибудь другой. В результате вещи по нашему списку она может приобрести через четыре с половиной года (554 рубля)! Да, но за это время вещи уже сносятся! Три пары колготок порвутся, пальто потеряет приличный вид, платье обтреплется и т.д. Можно, правда, вспомнить наших бабушек, у которых одно пальто носилось всей семьей, всеми по очереди на протяжении многих лет. Да, но какое тогда было качество материала! Разве сравнишь с современными пальто, уже через год-полтора украшающихся порядочными дырками?! К тому же наши бабушки жили в очень тяжелые для нашей страны годы, а сейчас, вроде бы, у нас жизнь нормальная и, как нам говорят, благосостояние повышается!

Но только что мы увидели, что даже нашей убогой Золушке в туфлях фабрики "Скорород" и в пальто "Большевичка", не нуждающейся (или подавляющей свою нужду) в книгах, украшениях, бумаге, постельном белье, зубной пасте и городском транспорте, жить практически невозможно. Эта женщина должна не доедать кусок хлеба (как и поступают многие мои знакомые) или устраиваться куда-то по совместительству (а ее не возьмут, она — служащая), чтобы купить необходимое. В нашей стране работа по совместительству разрешена только рабочим! А если у нее есть семья, ребенок? Парадокс!

Как же жить? Ответ: учиться в институте, чтобы иметь впо-

следствии (через 5 лет) 120 рублей*, или работать на двух работах уборщицей, или воровать, или брать деньги у родителей, или искать богатого мужа, "блатную" работу, спекулировать, объединяться семьями в кооперативы (вместе жить дешевле, показывает опыт), и т.д. Ну что же еще делать с этим чудовищным несоответствием между минимальной заработной платой в Советском Союзе и ценами на товары массового потребления!

Уверяю вас: если вы даже получаете больше 70 рублей и попробуете хотя бы один месяц от зарплаты до зарплаты записывать все свои расходы, начиная от питания и кончая билетами на транспорт, вы увидите много интересного. Будет замечательный материал для размышлений. Вы увидите, куда в основном утекают ваши деньги, вы узнаете, почему перед получкой вы всегда занимаете деньги у подруги. Минимальные подсчеты, такие, как продукты питания, вещи, необходимые в хозяйстве, одежда, культурные развлечения и непредвиденные расходы, удивят вас. И тогда очень понятно станет, что дело не в том, что вы — такая непутевая хозяйка. Вы увидите первый парадокс жизни советской женщины (потому что, бесспорно, денежными делами в наших семьях заведуют женщины) — ДЕНЬГИ!

Парадокс второй — ВРЕМЯ.

В сутках, как известно, 24 часа, и для женщин не делается исключения. Но! Если мужчина из этих 24 часов 8 тратит на работу, а остальные на личные дела и сон, т.к. других обязанностей, кроме работы, у советского мужчины нет (ну, разве что вынести мусорное ведро и покачать на ноге сына), то круг женских обязанностей явно не вмещается в эти крошечные сутки. Работа на производстве — раз, домашние дела, такие как: хождение по магазинам, приготовление пищи, мытье посуды, глаженье, стирка, штопка, шитье, хождение в прачечную, в химчистку, ателье ремонта бытовых приборов, покупка новых вещей — два, воспитание детей и их обслуживание — три, выполнение супружеских обязанностей — четыре, и пять — духовное развитие, увлечения, — вот мир женщины, вот то, что необходимо успевать. Когда все это ты успеваешь, сестра моя? Ведь я-то знаю, как вчера ты побежала после работы в магазин, хотела купить молока, назавтра сварить кашу. Молока не было, но зато ты купила отдельной колбасы, простояв час в очереди. Правда, очередь все время удлинялась из-за тех, кто стоял перед тобой и

* Слишком оптимистическая цифра. Непосредственно после окончания института инженеры зачастую получают 90 рублей, научные сотрудники музеев 84, преподаватели и врачи немногим больше 90-100 рублей.

выбегал в соседние магазины посмотреть, где что дают, и из-за инвалидов войны, которым колбаса полагается вне очереди. Хорошо, что хватило, подумала ты, успокаивая себя. Жаль, что не удалось купить картошки. Картошка была только фасованная, но ты была согласна купить сразу три килограмма гнилой картошки. Пускай сетка набита, дотащу в зубах, решила ты. Но картошки тебе купить не дали: в кассу стояла ужасающая очередь, т.к. в соседнем отделе продавали яблоки. Потом ты немного постояла в очереди в булочной и в молочном и часа через три ты бежала домой с мыслью, что мяса* купишь завтра утром до работы. Просто пойдешь к открытию магазина, к восьми часам, — правда, придется опоздать немного на работу, ну, да ничего. А потом весь вечер ты готовила ужин, мыла посуду, стирала и готовила на завтра обед.

Если подробно разобрать все эти темы, то в результате окажется непонятным, каким образом существует такой биологический вид, как советская женщина. Почему она все еще не вымерла из-за недостатка тех предметов, на которые тратятся эти деньги и это время.

Почему она все-таки угощает нас вкусным обедом, когда мы приходим к ней в гости? Почему она все-таки пытается, и зачастую успешно, выглядеть модно, опрятно, одеваться со вкусом? Откуда у нее берутся силы на улыбку, на доброжелательность? Мало того, с нею бывает приятно и интересно побеседовать (и когда она успела достать и прочесть эту книгу?)

Ну это ли — не загадка? В этой таинственности, милые сестры, и скрывается наше очарование.

Ксения Романова

МОНОЛОГ БЕЗДОМНОГО ЧЕЛОВЕКА

Слава тебе, коммунальная квартира, логово убогое! Приют многих — со страшными твоими кухнями, где все на виду, где звереют даже самые порядочные женщины, где разыгрываются такие сцены, какие даже не снились покойному Адексее Максимовичу Горькому.

* Пусть разнообразие перечисленных продуктов не удивляет наших читателей: не забудьте, что Людмила Левитина — ленинградка.

Помнится, была некогда теория на тот предмет, что коммунальной квартире предстоит сыграть свою прогрессивную роль в формировании коллективизма в человеках и перевоспитании их до такой степени, чтоб звучали они гордо и писались с большой буквы. Теория вымерла, а вот коммуналки остались.

Ну, да ладно! Чего уж хаять то, чего не имеешь и о чем в тяжелую минуту думаешь, как о счастье несбыточном. Ведь дивом дивным кажется, что вот бывают такие четыре стены, откуда квартирная хозяйка не выгонит среди ночи просто так, потому что ей так захотелось (и не пожалуешься, если не прописана и если хозяйка предупредит за две недели. А попробуйте жилье подыскать за такой срок), да еще и платить за комнату в коммунальной квартире не ползарплаты девяносторублевой, а какие-то пять-шесть рублей вместе с электричеством. Глядишь, и прокормиться денег хватит! Ах, что это вы мне — про не совместимые с человеческим достоинством условия говорите! Нет у меня даже такого жилья, а потому не мешайте тешиться иллюзией, что если б было бы, то соседи у меня были бы не как у всех, а такие, как в книжках пишется: добрые, чуткие, деликатные. И в кастрюлю заглядывать-поглядеть, что там варится — не стали бы, и скандалить из-за невымытой тарелки или занятой плиты тоже. И не стали бы они в душу лезть со своими советами и подглядывать за мною. Да, знаю я, знаю, что такого не бывает, но ведь помечтать-то можно!!!

А то ведь которую ночь то у кого-нибудь из знакомых, то в аэропорту ночую. Почему именно в аэропорту, а не на вокзале? Во-первых, аэропорт круглые сутки работает и на ночь не закрывается, во-вторых, отсюда почему-то не гонят тех, кто без билета на самолет смеет тут находиться, а в-третьих, здесь просто кресла удобные, мягкие. Вы думаете, я выродок какой-нибудь из дружной семьи народов, бездельница, а то и еще похуже? Поверьте, это не так. Я работаю на одной из "интеллигентных" работ, где платят в полтора раза меньше, чем неквалифицированному рабочему, а без диплома о высшем образовании не принимают. Чем занимаюсь после работы? Когда есть где ночевать, тем же наверное, что и вы. Описывать неинтересно — это раз. А потом, это мое глубоко личное, неподотчетное вам дело — это два.

А когда жить негде, вот как сейчас, после работы занимаюсь поисками жилья. Обзваниваю знакомых: "Здравствуй! Ты сейчас чем занимаешься? У тебя гости? А-а-а... Ну, пока! Не буду задерживать".

А то еще лучше: "Привет! К тебе в гости можно? Понимаешь, какая история... Ночевать негде. Да, опять без жилья. Почему? Обь-

ясню при встрече. Что? Хочешь побыть в одиночестве? Ну, ладно, будь...” Да нет, я не обижаюсь! Человек имеет право хотеть или не хотеть встречаться со мною, а тем более, когда дело касается ночлега. Я это твердо запомнила, поэтому и действительно стараюсь не обижаться.

”Никто ничего не обязан ни мне, ни тебе, ни ему...”

И в самом деле, нельзя требовать от друзей, чтобы они поселили меня у себя навсегда. Впрочем, бывают люди, у которых просто дар какой-то паразитировать на чужом сострадании и, может быть, неумении отказать в помощи. Один бездомный знакомый вот уже скоро полгода как живет у своего сердобольного приятеля. Но я не умею быть рыбой-прилипалой. Сним талантом обделена. Ну, что ж! Кому лучше, судить не мне. А мой маршрут – в аэропорт. Там мягкие кресла, по ночам не выгоняют, а еще все время, круглые сутки, работает кафе. Если не спится, можно кофейку дернуть, бутерброд съесть.

От таких ночлегов постепенно обрастаю грязью. Не говорите мне про героических девочек, которые в чужих городах умываются в туалетах на вокзалах. Есть разница – небольшая, но все-таки... Во-первых, город чужой, практически нет опасности напороться на знакомых. А картина, согласитесь сами, нелепая. Идиотка, голая по пояс, плещется в умывальнике на вокзале, по соседству с общественными унитазами, среди проезжих бабок с узлами и промышленяющих собою дам. А во-вторых, не знаю, как вы и ваши чисто-плотные приятельницы, но я до самой смерти боюсь подцепить дурную болезнь. На вокзале же таких возможностей куда больше, чем где-либо в другом месте. Нет уж! Лучше уж грязью обрастать. Лучше-то лучше, но скоро я сама от себя шарахаться буду. Волосы слиплись от жира и пота, запах немытого тела, исходящий от меня, буквально доводит до истерики. Люди не хотят сидеть со мной за одним столом. И, знаете, я их понимаю!.. Наверное, аромат бездомности – не для нормально живущих людей!

Ну, так к чему это я речь веду? Никто никому ничем не обязан. Так – у нас, так – у них. Но живу-то я не в безвоздушном пространстве, а как-никак в государстве. А оно, по немощным моим представлениям, есть система социальных отношений. Так уж могло бы позаботиться, чтоб его гражданам было что есть и где жить! Или не может? Или не хочет?

Сколько лет прошло, а все прав Достоевский. Помните о бедности и нищете? Покорнейше прошу прощения, нищих у нас нет, да и бедных тоже! Я же общественные науки изучала, помню кой-чего.

Но вот коммунальная квартира — это бедность. Люди задыхаются от вынужденного общения друг с другом, от навязанной условиями роли свидетелей чужой жизни. Но есть постель, стол и четыре стены, которые никуда от тебя не уйдут. А еще (о, голубая мечта поэта!) ванна, в которой, правда, не всегда, хоть глубокой ночью, можно помыться, да, кстати, и согреться, если промерзнешь на улице. Ну, вот! А бездомность!

Ох, простите, что я вас отвлекаю своими нелепыми жалобами. Знаю, знаю! Сама виновата. В чем — непонятно. Но — сама. Я это в ваших глазах читаю. Прощайте! Мой маршрут — в аэропорт до утра. А там — опять на работу. Как меня зовут? А это не имеет значения.

От редакции:

Интересные факты передавали по телевидению 22 августа в тележурнале "Человек и закон".

Мы узнали, что сдавать жилищную площадь под наем можно только через контору по обмену и найму, которая находится на Бойцовом переулке. При помощи объявления (официально разрешенного названной только что конторой) встречаются двое — сдающий и желающий снять. Услуги государства оплачиваются обеими сторонами, но о таких мелочах не стоило и упоминать...

Сдавать излишки жилплощади (или всю имеющуюся площадь при отъезде владельца) можно исключительно при согласии всех соседей по квартире и ЖЭУ. Большого труда нет, не так ли?..

Редакции в высшей степени приятно было услышать, что плата за сдаваемую жилплощадь по закону не должна превышать установленной государством платы для официальных квартиросъемщиков. Порадуйтесь все, еще не знающие этого!

Бездомные, срочно бегите на Бойцовый переулок!

Итак, пошлина за госуслуги, переговоры с соседями и ЖЭУ (не всегда они плодотворны), поход в контору, предстоящая прописка будущего жильца в том же ЖЭУ и в милиции — и за все труды и мытарства плата, не превышающая...

Бездомные, не торопитесь. В сущности и не стоит. В лучшем случае на Бойцовом переулке вас ждет запыленный клерк и его самая любимая в русском языке фраза "Ничем помочь не можем". Есть и еще одна, правда менее любимая: "Приходите завтра..."

Бездомные, не приходите завтра. И послезавтра тоже. Отдайтесь поискам благодетеля с квартирой (или комнатой), в которой сам он имеет роскошь не жить. Параллельно ищите деньги. Комната за месяц — 40 рублей. О квартире редакция считает уместным не только не говорить, но и не думать.

Дорогие скитальцы, если вы нищи (не духом, конечно), идите в дворники. Правда, профессия эта в последнее время достаточно привилегировалась. Вакансии при известной доле сноровки возможны, но не для высоко образованных глупцов, непредусмотрительно получивших диплом, и не для матерей с детьми. В связи с этим редакция советует быть одинокими и ограничиться средним школьным образованием.

Счастливицы, попавшие в ряд достойных дворницкого дела, старательно метите, аккуратно обращайтесь с помойными баками, если не хотите вновь превратиться в бездомных.

На этом перечень редакционных советов заканчивается. Как говорится, ничем помочь не можем.

Если вы девушка (юноша) и вынуждены жить в одной комнате с братом (сестрой), если вы вышли замуж (женились) и не желаете участия родителей в вашей личной жизни, если вы просто стремитесь к одиночеству и самостоятельности, короче, если вы бездомны, то...

Попытайте счастья на Бойцовом переулке.

В дополнение ко всему уже изложенному редакция извещает, что "Монологи" и прочие литературные произведения от бездомных мы принимаем в неограниченном количестве, не ущемляя тем самым их прав на фоне всех привилегий людей домашних.

29 августа 1980

ИНТЕРВЬЮ В ОБЩЕЖИТИИ

— Почему вы живете здесь, в общежитии университета? Вы — студентка?

— Нет, я уже не студентка. Закончила университет в 1978 году. Живу здесь до сих пор, потому что больше жить пока негде.

— На какие средства вы содержите себя и детей? Дети ходят в ясли?

— Я и мои дети находимся на содержании моих родителей. Иногда перебиваюсь случайными заработками, зачастую приходится продавать личные вещи. Бывает, что вынуждена собирать по коридорам и кухням пустые бутылки и сдавать их. Каждая копейка

для нас — деньги. Дети живут со мной постоянно. В ясли они не ходят.

— Где ваш муж?

— Скоро год, как мой муж вернулся к себе на родину в Народную республику Конго. Работает там помощником прокурора республики.

— Почему вы не работаете?

— Я не имею возможности работать в Ленинграде, так как у меня нет прописки. Без прописки в этом городе на работу не принимают, а уезжать из Ленинграда я не хочу. Да и не могу. Хочу поехать к мужу в Конго, но и это невозможно опять-таки из-за отсутствия прописки, так как документы для оформления выезда за границу у меня не принимают.

— Вы обращались за помощью? к кому?

— Обращалась... Писала письма в Смольный, в горисполком, в городскую прокуратуру. Сама ходила в горисполком, в районную прокуратуру. Положительного результата не достигла. Зато каждый день приходил милиционер и пугал меня тем, что выбросит детей и вещи на улицу. То же самое говорил мне и заместитель прокурора в прокуратуре Петроградского района. Однако, не только не выкинули на улицу, а даже совсем о нас забыли, не приходит никто, не спрашивает. Так и живем здесь...

— Расскажите о себе.

— Я родилась в 1953 году. В 1970 закончила среднюю школу. Работала. В 1972 году поступила на исторический факультет ЛГУ. Закончила его в 1978, вместо 1977, так как один год была в академическом отпуске по болезни. Как раз в 1977 году у меня кончилась временная прописка. В 1978 году училась на пятом курсе, весь 1979 год прожила в этом же общежитии, поскольку муж учился на пятом курсе. У нас в то время было уже двое детей, второй только что родился. В 1980 году мой муж закончил юридический факультет ЛГУ, получил диплом и собирался поступить в аспирантуру для дальнейшей учебы на юридическом факультете. Чтобы собрать необходимые документы, мой муж поехал на родину, рассчитывал возвратиться максимум через месяц... Он не вернулся, ему запрещен въезд в СССР. Его не пускают к нам, а нас не пускают к нему...

После отъезда мужа я с детьми продолжаю занимать комнату, где раньше мы жили всей семьей. Я бы с радостью уехала отсюда, но куда, да и нет средств.

— Какой предлагают выход?

— Предлагали ехать на БАМ. Есть и другой вариант — работать учителем в одной из деревень ленинградской области. Но у меня много причин для отказа от такого выхода.

- Судьба ваших детей кого-нибудь взволновала?
– Судя по всему – нет, если не считать, конечно, моих друзей и родных. Но они по существу не могут мне помочь.
– Ваши планы?
– Мне бы хотелось воссоединить нашу семью, воспитывать детей, работать, заниматься свободно своим делом. Пока для работы нет времени, нет условий, но все же стараюсь что-то делать, хоть по ночам.
– Вы – религиозный поэт?
– Смею думать, что я поэт. Считаю, что поэзия в первую очередь предполагает духовность в самом высоком смысле слова. Мои стихи – чаще всего обращения, посвящения, монологи, т.е. словесное отражение и выражение интуитивного, внутреннего состояния. По существу, мои стихи – молитвы, либо близки к этому.
– Бог слышит вас?
– Да, я ощущаю Его присутствие, Его влияние на мою жизнь, постоянно, во всем. Да, я знаю, Он слышит.
– В чем спасение семьи, детей?
– В вере. Вера в справедливость, в доброту и разум, молитвы с выражением благодарности, с просьбами о прощении, любовь, постоянное единение с Ним – вот спасение от своей слабости.

Алла Сарибан

РАДИ ПРОПИСКИ

Картинка из советской жизни, давно ставшая классической: женщины в ватниках ворочают рельсы, таскают тяжеленные тачки..

В СССР такое можно видеть довольно часто и совершенно открыто. Отсюда и "классичность" этой сцены из-за сильного впечатления, которое она производит на цивилизованных наблюдателей – в первую очередь на иностранцев. У них дома такое невозможно.

Однако эти "общедоступные" сцены – пустяк по сравнению с теми впечатляющими картинами, которые можно видеть на иных стройках, заводах, цехах – за "проходными" некоторых предприятий, вход на которые посторонним запрещен. Каждый конкретный случай, когда женщины выполняют очень тяжелую и вредную для здоровья работу – как правило, известен только узкому кругу причастных к этой работе лиц. Чтобы узнать об этом, нужно самой

в таком месте поработать или быть знакомой с людьми, которые там работают.

Хотя, впрочем, что считать работой "тяжелой и вредной для здоровья"? Что считать работой, недопустимой для женщины из-за повреждений, которые такая работа производит в женском организме? Ведь многие работы, которые считаются недопустимыми для женщин на Западе, считаются у нас повсеместно принятой нормой — то же таскание тачек, например...

Но есть даже и по советским понятиям работы, которые слишком тяжелы и вредны для женщин — но на которых, тем не менее, женщины по своей воле работают, хоть и ругают свою работу на чем свет стоит. В условиях общего недостатка рабочей силы в СССР удержать человека на подобной работе могут лишь особые причины и жизненные обстоятельства. У разных людей могут быть разные обстоятельства, побуждающие человека вести такую жизнь — но одними из главных, если не главными причинами тут являются жилищная проблема и проблема прописки.

Жилищная проблема — то есть плохие жилищные условия — может варьировать от полной бездомности (когда люди вынуждены ютиться где попало, снимать что придется и платить за какой-нибудь несчастный угол большие деньги) — до недостаточно удобной квартиры. В большинстве же случаев люди считают свои жилищные условия плохими и стараются предпринимать какие-то действия по их улучшению — если они обречены жить в коммунальной квартире (это когда в одной квартире живут несколько семей) и если в одной квартире вынуждены жить родители и взрослые дети с семьями. Особенность же советской жизни состоит в том, что у большинства людей возможности улучшить свои жилищные условия крайне ограничены; для множества людей единственный практический путь для этого — пойти на заведомо плохую работу (тяжелую, вредную, скучную, плохо оплачиваемую и т.д.), но такую, работая на которой можно в конце концов получить жилье. Ждать этого события часто приходится долгие годы — но люди готовы идти на любые жертвы ради собственной квартиры или хотя бы приличной комнаты, в которой они наконец-то смогут почувствовать себя "по-настоящему дома"...

Особую категорию составляют люди, живущие в заводских общежитиях. Вот кто действительно готов пойти на все, только бы зажить собственным домом... Эти люди, как правило, приехали из других городов или деревень в поисках "лучшей доли". Т.е. они принадлежат ко второй группе людей, с готовностью идущих на са-

мые плохие работы — тех, кто идет на это ради "прописки". Об этой группе и пойдет дальше речь.

"Прописка" — это штамп в паспорте, который обязан иметь каждый советский человек. В этом штампе указан адрес — "место жительства" этого человека. В Советском Союзе указание места жительства — "прописка" — это не просто полицейская формальность. По советским законам, человек не имеет права долго жить там, где он не прописан. По советским законам, человек имеет право работать только в том городе или районе (если речь идет о деревенских жителях), где он прописан. Если человек не имеет штампа "прописки" или отваживается жить там, где он не "прописан" — он выпадает из предписанных в советском обществе социальных отношений и автоматически превращается в лицо уголовно наказуемое (как минимум дважды — как "нарушающий режим прописки" и как "тунеядец" — т.е. человек, официально не работающий).

Главное же в "прописке" то, что человек не может выбирать ее свободно. Он не может просто приехать в какой-нибудь город или село и "прописаться" там. В СССР широко распространен институт "обмена жилплощадью" — когда люди договариваются между собой и переезжают в квартиры друг друга, меняются квартирами. Однако когда дело касается обмена между разными городами, то тут в игру вступает такое множество самых разнообразных факторов, которое делает для большинства людей переезд в желаемый город совершенно нереальным предприятием. Кроме всего прочего, существует огромное количество разнообразнейших административных предписаний и ограничений, своих для каждой республики, района и города, которые известны только местной администрации, да смутно — людям, пытающимся переехать из одного определенного места в другое определенное место путем обмена жилплощадью.

Поэтому почти единственная возможность для большинства людей переехать в тот город, куда они хотят, — это поступить в этом городе на такую работу, на которую берут иногородних, предоставляя им так называемую "прописку по лимиту". (Есть еще одна возможность переехать в желаемый город — возможность, которую особенно в последние годы, люди применяют чрезвычайно широко — жениться или выйти замуж за человека, имеющего в этом городе "постоянную прописку". Но это — особая большая тема, которой мы здесь касаться не будем).

Работы, дающие право на получение "лимитной прописки", — это такие работы, на которые найти желающих среди постоянных жителей невозможно; то есть это самые плохие работы, какие толь-

ко есть. Но люди, стремящиеся получить вожеленный штамп в паспорте, — с радостью на них соглашаются и часто даже счастливы, что смогли найти такую возможность.

Так уж естественно получается, что эти работы — не только самые тяжелые и плохие, но на таких работах в гораздо большей степени, чем в других местах, процветают злоупотребления и произвол администрации, вопиющее пренебрежение нуждами работников, техникой безопасности, постоянные нарушения Кодекса Законов о Труде. Это естественно — ведь люди из-за прописки готовы претерпеть очень и очень многое, они не пойдут жаловаться, боясь потерять работу, а следовательно, и прописку.

От знакомых студенток, которые приехали из других городов и, либо не поступив сразу в институт, некоторое время работали на подобной работе, либо, поступив на вечернее отделение, вечером учились, а днем работали, имея прописку по лимиту, — я наслушалась множества впечатляющих историй. Похожие истории я слышала от своих соседей по коммунальной квартире и их знакомых, а также от многих других людей, с которыми в разных обстоятельствах сталкивала меня судьба.

Речь всегда шла об одном и том же — людей заставляют выполнять тяжелую работу (для женщин — часто просто запрещенную законом — просто потому, что нет работников-мужчин); людей заставляют работать сверхурочно (то есть лишнее время, иногда — в субботу и в воскресенье, иногда — по две, а то и по три смены подряд), люди работают в очень тяжелых, антисанитарных и вредных для здоровья условиях (или в сырости, или в пыли, или среди невыносимого грохота, или среди воздуха, отравленного вредными веществами и пр. и пр.).

Очень много приходилось слышать о рабочих общежитиях — о нравах и нечеловеческих условиях, которые там царят. Люди из рабочих общежитий очень часто жаловались на грубость и унижительное отношение администрации общежития и ее наплевательское отношение к нуждам живущих в нем, об отсутствии многих элементарных удобств, об антисанитарии, а главное — о перегруженности этих общежитий — не редкость, когда в одной небольшой комнате годами вынуждены ютиться 5-6 бессемейных людей или две семьи (с детьми!).

Самой мне приходилось бывать на химическом заводе, принадлежащем тому предприятию, где я в последние годы работала, и наблюдать, как работают женщины на этом заводе. Многие женщины-работницы там заняты на очень тяжелой физически работе и

имеют дело с очень вредными для здоровья химическими соединениями.

От такой работы эти женщины быстро стареют, "увядают", их лица покрываются морщинами, приобретают болезненный синеватый оттенок, а фигуры – специфическую одутловатость. Подавляющая доля этих женщин – уроженки других мест и согласились в свое время на эту работу ради прописки по лимиту, которую завод им предоставил.

Бывая в подшефном совхозе, куда нас периодически посылали помогать, я встречалась с работницами завода, получившими в цехах отравления и поэтому отправленными на некоторое время в совхоз – полечиться свежим воздухом. Почти все они были деревенские женщины, не так давно приехавшие в город и делавшие сельскую работу очень быстро и ловко (мы за ними и угнаться не пытались). Эти женщины, несмотря на отличное природное здоровье, выглядят совершенно ужасно.

Одно из самых сильных впечатлений, которое я вынесла из советской жизни – толпа работниц нашего завода после смены выходит из проходной. Совершенно сюрреалистическая сцена – как в бредовом сне. В облике каждой из женщин – какая-то особая, у всех одинаковая печать уродства, вырождения и безнадежности – создающаяся то ли этими синевато-серыми лицами, то ли этими нездорово расплывшимися или, наоборот, неестественно тощими фигурами...

Исключение составляют молоденькие девушки-ученицы профессионально-технического училища, работающего при заводе и готовящего работниц для предприятий химической промышленности. Училище это набирает учениц исключительно из провинции – соблазняя их пропиской по лимиту. Пока что в лицах этих молоденьких девушек есть свежие краски, а в фигурках – упругость и стройность. Но надолго ли это?

Что же побуждает людей идти на громадные лишения, мучиться лучшие годы жизни, жертвовать здоровьем, молодостью, красотой ради "прописки"?

НАДЕЖДА НА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ.

Жизнь, среди которой эти люди выросли, кажется им (и с полным на то основанием) – серой, унылой, безнадежной. Но человеку – свойственно надеяться на лучшее и искать лучшее.

Эти люди поверили, что где-то есть другая жизнь – интересная, содержательная, с большими возможностями. И они приехали в поисках такой жизни. Но что же эти люди получили, например, в Ленинграде, о котором идет речь?

Известно, что в Ленинграде намного лучше со "снабжением", чем в провинции. То есть, живя в Ленинграде, эти люди могут есть более хорошую еду и покупать более хорошую одежду, чем у себя на родине. Это, конечно, немало, но это — все.

Разумеется, в Ленинграде есть традиции и культурная жизнь — театры, музеи, библиотеки. Некоторые из провинциалов, попав в Ленинград, начинают активно ходить в театры, на лекции, поступают учиться. Но большинство рабочих, приехавших "по лимиту" — не имеют на это ни времени, ни сил, ни внутренних ресурсов. Большинство "лимитных" работ слишком тяжелы и, кроме того, сильно отупляют человека, превращают его во вьючное животное, неспособное ко внутренней динамике и к восприятию, так сказать, тонких, высших сторон жизни. Сама среда "лимитных" рабочих и жизнь в рабочем общежитии — с ее алкоголизмом, цинизмом, грязью, беспорядочными и грубыми половыми общениями по пьянке — засасывает, огрубляет и развращает многих из вчерашних наивных, идеалистическо ориентированных провинциалов.

То есть, приехав в Ленинград, большинство моих знакомых провинциалов приобрели очень мало — пожалуй, только возможность есть мясо, а потеряли, наверное, очень много (впрочем, кто знает?) Как бы то ни было, надежда на лучшую жизнь обманула их, оказалась мыльным пузырем.

И все же — большинство этих людей продолжают вести такую жизнь. Что же побуждает их к этому? Во-первых, конечно, привычка. Человек втягивается в определенный образ жизни, появляется инерция, рутина — и вот он уже тянет ляжку, как вьючная скотина, покорно, не брыкаясь...

И- во-вторых, — еще одна иллюзия...

Несмотря на то, что их надежды на собственную лучшую жизнь потерпели очевидный крах, этих людей все же продолжает "держаться" надежда на то, что уж их детям будет лучше. Об этом мне много приходилось слышать, например, от собственных соседей по коммунальной квартире. Из пяти семей, которые жили в нашей квартире, две семьи — это провинциалы, приехавшие "по лимиту". Сами они оценивают свою жизнь как скучную, тяжелую и безнадежную. Но они верят — их дети будут жить лучше: они получат образование, "выйдут в люди".

Верится с трудом...

Ежели дети дома видят одно пьянство, ругань, цинизм и безнадегу, ежели они растут в нездоровой обстановке перенаселения коммунальной квартиры или, еще хуже, рабочего общежития — то с чего бы им сделаться доброжелательными и культурными

людьми? Опять же жизнь в СССР все ухудшается и ухудшается — что обусловлено общим кризисом системы...

Создается впечатление, что разнообразные иллюзии — которыми заполняют свою бедную беспросветную жизнь советские люди — специально насаждаются "сверху", дабы легче было их эксплуатировать и выжимать из них все соки на потребу тоталитаристско-милитаристическому Молоху советской государственности...

VI. 1982

Галина Хамова

РЕЗКИЕ РЕПЛИКИ

I. Мы не хотим работать

На семейном вечере присутствовало несколько женщин, в основном ИТР (инженерно-технические работники), работающих, достаточно высоко оплачиваемых, замужних — прочный, устойчивый статус. Затронули в застольных разговорах женскую тему — при различии мнений все сошлись в одном: мы хотим иметь право НЕ РАБОТАТЬ! Парадокс? Подождите, это вовсе не означает лень, безделье, безнравственность, — то, что обозначается в уголовном кодексе термином "тунеядство" и карается лишением свободы и принудительными работами.

Когда советского человека (члена новой исторической общности — "советский народ"), соответственно, и советскую женщину, — спрашивают: "Где вы работаете?" — в частной ли беседе, в более или менее суровой инстанции — имеют в виду какое-нибудь совершенно определенное государственное учреждение. А ответ "не работаю", "работаю дома" расценивается как неудачная или опасная шутка.

Мне прямо сказали в отделе охраны детства райисполкома, а затем повторили в милиции: "Если вы не устроитесь на работу, мы лишим вас материнства и посадим в тюрьму!"

ЧТО Ж ДЕЛАТЬ? Я устроюсь: сторожем, уборщицей, дворником, лифтером — полностью ряды работающих. "Тунеядец" — то есть тот, кто есть "туне", даром, сходное слово "дармоед". В отношении мужчины это еще может иметь смысл, апостол Павел сказал: "Трудящийся достоин пропитания", "Неработающий да не ест". Но жен-

щина? Две знакомые мне молодые женщины (22 и 32 года) отсидели сроки за тунеядство, соответственно полгода и год. Не вдаваясь в подробности, скажу, что жизнь их действительно сложилась неблагоприятно.

Но среди "благополучных" женщин все чаще и чаще слышишь мнение: "Мы не хотим быть функционерами, винтиками, роботами, рабынями. **МЫ ХОТИМ БЫТЬ МАТЕРЯМИ, ЖЕНАМИ, ХОЗЯЙКАМИ – ЖЕНЩИНАМИ, НАКОНЕЦ!**"

II. Социальное обеспечение

– На что вы живете?

– Я получаю пособие на двоих детей. По 12 рублей на каждого ребенка как малообеспеченная (доход в семье менее 50 рублей на человека, правда, частенько в семье нет никакого прочного дохода, кроме случайных подработок да "подавания" родителей и друзей). Недавно это пособие уменьшилось: когда старшему сыну исполнилось 8 лет, выплата 12 рублей на него прекратилась.

Кроме того, как мать-одиночка, или, по официальной терминологии, "одинокая мать", т.е. имеющая детей, рожденных вне брака и не усыновленных, я получаю социальное пособие на старшего сына 5 рублей в месяц, а на младшего 2 руб. 50 коп. Следующий за этим обязательный вопрос: "А на третьего платят 1 руб. 25 коп.?"

– Не знаю, не интересовалась, вот рожу третьего – узнаю...

Итак, наше гуманное, чадолюбивое государство выделяет на содержание одного ребенка без отца 17 коп. в день, а другого – 8 коп. Даже литра молока на эти деньги не купить, не говоря уже о фруктах. Денег хватает, соответственно, на 1 буханку хлеба и полбуханки хлеба. Можно вместо хлеба купить 1 килограмм самой дешевой крупы или полкило подороже, но крупы теперь "дефицит" (греча, пшено).

Но несмотря ни на что, мы очень благодарны... Только вот дело осложняется тем, что получить эти деньги непросто. Кажется, ясно: пришел, предъявил детей и свидетельства, что они твои, и получишь, т.е. выпишут карточку на получение. Оказывается, нужно собрать уйму справок, причем на 12-рублевое пособие это нужно делать каждый год. А сбор этих бумажек – волокитное занятие: всегда оказывается, что выдают не в то время, когда ты обращаешься, бухгалтера, а затем заведующего, чья подпись необходима, нет на месте, печать находится в другом подразделении данного учреждения, нужно подождать 1-2 часа и т.п., – в общем, на это уходит не один день, а иногда и не одна неделя, даже если ты ходишь с детьми и все к тебе снисходительны.

В очередной раз прийдя к инспектору по одиноким и многодетным матерям Воробьевой Н.Н. (собес Кировского района Ленинграда), принеся не ту справку, я срываюсь со слезами: "не нужно мне этих ваших денег..." — "Успокойтесь, девушка, мы же вам не отказываем, вы имеете право, только справочка не та — принесите другую".

И все-таки с каким трепетом и благодарностью мы ожидали каждый месяц в сберкассе (хотя время от времени карточки исчезали неизвестно куда... но потом через месяц-другой появлялись на месте) — свой прожиточный минимум — 31 рубль 50 коп., а теперь ожидаем 19 руб. 50 коп. Мы признательны за это партии и народу, которые едины.

Сентябрь 1980

Комментарий от редакции: в странах Западной Европы родителям выплачивается на любого ребенка пособие, позволяющее прокормить этого ребенка, независимо от доходов семьи. Детям одиноких матерей, не получающим алиментов от отца, выплачивается пособие в полуторном размере, и все расходы, связанные со школой (тетради, учебники и пр.) для них — бесплатно. К примеру, в Австрии пособие на новорожденного — 900 шиллингов, с 12 лет до 27 (если ребенок учится) — 1 200 шиллингов, плюс 500-600 шиллингов на ребенка без отца. В день это составляет 50-56 шиллингов, кг апельсин 14 шилл., кг яблок зимой 20-30 шилл., кг мяса от 73 шилл., литр молока 11 шилл., 200 гр. масла 20 шилл. В других странах Европы пособие выше.

Елена Дорон

КТО ВИНОВАТ?

Недавно в больнице умерла моя подруга, моя одноклассница. Это потрясло меня. И я пишу об этом.

Отчего умерла Таня?

В 18 лет Таня поступила в институт. На втором курсе вышла замуж. В двадцать лет родила своего Антошку. Учиться было тяжело, но институт Таня не бросила. Все бы хорошо, неожиданно появилась реальная перспектива иметь второго ребенка.

В женской консультации Тане дали направление на аборт. Таня попала на знаменитый поточный конвейер. Никакого обезболи-

вания не было. Вернувшись домой, Таня почувствовала себя плохо. В итоге — опять больница, так называемое ”выскабливание”.

Через год — второй аборт. Уже почти без страха. Знакомые помогли найти врача. За обезболивание и предполагаемую стерильность — 50 рублей. Одолжила у мамы.

Третий аборт. Просить денег у мамы неловко. Таня проконсультировалась у подруг.

Неловко вставленный катетер — и у Тани прободение матки. Заражение крови. Смерть.

Мама обвиняет во всем Таниных подруг. Соседки осуждают саму Таню. Могла бы, дескать, и к врачу пойти.

Антошка никого не обвиняет. Он хочет к маме.

* * *

Звездным звоном распахнуло небо
Черный занавес вселенной,
и заря с закатом вместе
звездным звоном обвенчалась.

Наверное, глупо спрашивать молодоженов, влюбленных друг в друга, счастливы ли они.

Любовь ведь есть самое большое счастье на свете. Молодые мечтают только друг о друге и о маленьком смешном человечке, который будет так похож на них обоих, в котором воплотится их любовь. Они уже слышат топот неуклюжих ножек и округлые, ласковые звуки, так еще не похожие на слова.

Конечно, он будет. Но не сейчас, не теперь. Пройдет год-два — молодые окончательно ”встанут на ноги”, и тогда, словно награда за долгое ожидание, появится родное, теплое существо.

Но любовь не будет стоять за дверью и ждать, пока пройдут эти годы, эти долгие год-два-три.

Пять минут дикой, ни с чем не сравнимой боли, звяканье металла о металл... и полное опустошение... Потом, на неудобной больничной кровати, приходят слезы.

Кто же она, мать, убившая свое дитя?..

Мать, так и не ставшая матерью.

Ну что вы! Разве она убийца? Разве можно считать ребенком тот бесформенный комочек слизи, который ничем не напоминает человека?

Тайна... Тайна... Тайна... Тайну ты носишь в себе.

Как будто из ничего в тебе растет человек.

Маленькое существо, имя которому — ЛЮБОВЬ.

Сладким томленьем наполняется грудь твоя.

И соски — как поцелуи любимого.
Они жаждут прикосновения крошечных губок.

Топотанье неуклюжих ножек затихает вдали. И округлые ласковые звуки, так еще не похожие на слова, умирают, не успев родиться.

Так кто же она?

Мать, убившая свою любовь... Мать, так и не ставшая матерью...

* * *

В этот день дети были одеты наряднее обычного. Огромные банты тихо покачивались на маленьких головках. А на белоснежных крахмальных фартучках не было ни единого пятнышка.

С самого утра лукавые детские мордашки светились любопытством. Да, для детей этот день был почти праздником — в детский дом приехала комиссия и детям за хорошее поведение был обещан какой-то особенный, необыкновенный обед.

С веселым гомоном ребятишки вбегают в раскрытые двери столовой, но увидев накрытые столики, присмирив, чинно рассаживаются по своим местам.

Обед превзошел все ожидания: на второе нарядные нянечки подают курицу, а на третье... на третье — арбуз! Пока дети радостно уписывают арбузные дольки, несколько человек из комиссии, в окружении взволнованных воспитателей, стоят в дверях и с ласковой улыбкой взирают на счастливые, перемазанные арбузным соком ребячьи рожицы.

После обеда детям положен тихий час. И вот уже аккуратно сложенная одежда покоится на крошечных стульчиках, а хозяйка одежды устраиваются поудобней под одеялами.

Только самая маленькая девчушка все возится около своей кровати — ей никак, ну совсем никак не удается расстегнуть свой фартучек.

Пожилая, сильно накрашенная дама из комиссии ласково наклоняется над малышкой. Девочка испуганно смотрит на нее и вишневые глаза малышки наливаются слезами. — Ну чего ты испугалась, глупышка? — Женщина помогает девчужке раздеться, сама укладывает ее в чистенькую кровать, укрывает одеяльцем и присаживается на краешек.

— Ну что, понравился тебе арбуз?

Девочка радостно кивает головой и улыбается.

— А что же ты любишь больше всего?

— Хлеб, — шепчет малышка.

— Что? — женщина удивленно вскидывает брови.

— Да, — щебечет малышка, — я могу съесть много хлеба, я очень люблю хлеб.

На другой день, когда все ребята мирно посапывали в своих кроватках, в огромной пустой столовой был накрыт только один столик. За ним сидела совсем еще маленькая девочка, а перед ней на тарелке лежала начатая буханка хлеба. Малышка не плакала — она слишком хорошо знала, что здесь нельзя плакать.

Ну что ж, наказание оказалось весьма действенным — девчушка больше никогда не просит хлеба.

* * *

Последнее нечеловеческое усилие, и вот сквозь кровавую дымку, застилающую мне глаза, я вижу сморщенного красненького человечка, смешно разевающего свой беззубый рот и пронзительно орущего.

Я улыбаюсь потрескавшимися губами — это мой маленький сын. . .

. . . Дальше я почти ничего не помню. Помню лишь бесконечное блаженство отдыхающего тела. А затем наступает ожидание. Минуты кажутся часами. И вот, наконец, молоденькие медсестры вносят в палату крошечные, аккуратные сверточки.

На протяжении получаса я могу любоваться сморщенным, красненьким, но все же самым родным, самым красивым личиком своего ребенка. Сын сосет мою грудь, и я чувствую, как вместе с молоком в него капля за каплей переливается моя любовь.

Но вдруг я стала замечать, что каждое дневное кормление мой сын просыпает. Его приносили спящего и спящего уносили.

Самое удивительное было в том, что дневное кормление просыпал не только мой ребенок — у всех матерей, лежащих в палате, дети спали.

И только при выписке из роддома я случайно узнала, что сердобольные сестрички днем "подкармливали" новорожденных люминалом*.

10 августа 1980

* Люминал — сильное снотворное, способное вызвать у ребенка искажение психики.

ПИСЬМА ПО МОЛИТВАМ БОГОМАТЕРИ

III.

Е.К.

Дорогая сестра!

Мне было горько после твоего отъезда. Как хотелось еще о многом у тебя спросить, многое сказать. Когда мы прощались, я еще не читала твоей статьи в "Марии", а небольшое письмо к Божьей Матери в альманахе как-то проглядела, так как не читала все подряд.

Я тогда сказала, что боюсь за тебя. Согрешила я, как человек, прости меня, родная.

Теперь же говорю: горячо верю, что Мать Божия тебя и меня и всех нас, убогих "сирот" (как говорит преп. Серафим), взяв за руку, уведет от всякой лжи и приведет к единой Правде, перед лицом которой и будем жить в духе целомудрия, смиренномудрия терпения и любви.

Письмо твое и статья мне понравились. Мне хочется добавить несколько слов к тому, что ты написала.

Мне кажется, что мы часто забываем о страданиях Богоматери, о том, что, кроме того, что Она была Царица Небесная, Она еще и совершенный человек. Как никогда нельзя забывать о кресте Спасителя, так же нельзя забывать и о кресте Богоматери.

Не все мы понимаем, что Ей стоило дать обет девства в том обществе, где бесплодие почиталось оставленностью Божией, где бесплодные женщины не могли участвовать в жертвоприношениях: годами молили о ребенке. Бесплодная женщина — страшно сказать — почиталась как бы проклятая от Господа. То есть, давая обет бесплодия, Она уповала принести плод внутренний. Она до такой степени верила, что Господь не оставит ее бесплодной. Все мы хотим внешнего плода, а вот Пречистая пошла внутренним путем и уповала, что Господь Ее прославит.

И после этого что Ей стоило сказать: "Се раба Твоя, Господи!" — когда Она знала, что вряд ли найдется в ее время человек, способный вместить безмужнее зачатие. Если и в наше время "недоумет ум человеческий" вместить этого таинства. И это — сейчас,

когда дело спасения совершилось! Но Она уповала на Бога, и Он Ее не посрамил. Она ни в чем не проявила малодушия. Когда Иосиф, увидев Ее беременной, смутился и помыслил, что Она согрешила, Она не свидетельствовала и не оправдывалась, а уповала на то, что Господь оправдает Ее, и терпеливо снесла от него, зная его помышление, что Она преступила закон, пока не дождалась оправдания от Бога, пославшего ему ангела во свидетельство. Оправдываться есть дело малодушное, а ждать оправдания от Бога — дело совершенное.

Мария есть укрепление всех пустынников, всех монахов. Она есть первая монахиня в смысле бесплодного жития, превзошедшая всякое естество и пол в девстве своем — и совершенная мать. Кто пойдет Ее путем, принесет наилучший плод. С чего Она начала? Она начала с обета девства, целомудрия, и тем достигла совершенства пола. Она до такой степени знала и любила Господа, что смогла Его воплотить. Всякому Он дал право уподобиться Божией Матери по существу и вынашивать и воплощать Слово Божие в самом себе, как и Она сама в собственном смысле воплотила и выносила в Себе Слово Божие.

Она достигла совершенства пола, отказавшись от пола, превзойдя пол. Она первая открыла этот путь. Это высоко, но это же — крест, на это решиться может только совершенное смирение. Смирение ищет славы Божией, а высокоумие — славы человеческой. Смирение есть дерзновение и подвиг. Смирение — это жизнью своей смиряться, это не есть — всегда говорить "куда уж мне", — а всегда слушаться Слова Божия — как святые, — тогда и не заметишь, как вступишь на тот путь, по которому они все шли, на узкий путь. Смирение — это примирение всего к Богу. Не ходить, опустив глазки и смиреннословить, а всегда превозмогать зло. Не бояться зла, не быть побежденным от зла, а побеждать зло Благим.

Мне хочется написать тебе свою молитву к Пречистой не как "нечто", а как простые и искренние слова моего сердца, которые часто говорю:

Мать Божия, Пречистая, очисти мя скверную и свободи от духов лукавых и страстей студных, и подаждь ми смирение нелицемерное, и способи мя непотребную послужить Тебе все дни живота моего и узрети велию славу Твою, ею же Сын Твой и Бог Тя прослави во веки веков. Аминь.

ИЗ ПИСЬМА В ЛЕНИНГРАД

... здесь у нас, в Вене, уже в первый месяц побывали сотни западных феминисток. К нам они относятся с любовью, с искренним стремлением понять и поддержать. И нам хорошо было с этими молодыми женщинами, нам нравилась и их независимость, и их желание стать свободными, и их готовность идти в поисках своей свободы до конца.

Нравилось, что они такие открытые, не боятся "общественного мнения" и, несмотря на полное расхождение наших взглядов по некоторым вопросам, принимают нас как своих сестер, по-настоящему любят, не пытаются навязать свое.

Основной спор разгорался (конечно, любовно, без всяких выпадов и насилия) вокруг христианства. Как известно, феминистки — это "противницы" церкви.

И здесь мне пришлось приложить много усилий, чтобы показать им, как наш, русский "феминизм" стал религиозным и почему только в церкви находит современная русская женщина свободу и утешение, получает силы на жизнь и на подвиг.

Ведь только церковь занималась у нас доселе "женским вопросом". Помню длинные очереди женщин, стоящих к исповеди. Помню заплаканные глаза и тяжелые вздохи, но также хорошо помню, какими просветленными и спокойно сильными уходили они от священника, шли на страшную битву в мир, ставший для них почти адом. Только наши батюшки разрешали донные проблемы воспитания, алкоголизма, семейных ссор и аборт. Наша церковь, состоящая на 80% из женщин, — церковь страдающая и гонимая. Ее священники подходят к ситуации всегда очень конкретно и никогда не советуют всем одно и то же. Например, священник никогда не будет принуждать женщину выйти замуж и говорить, что только в этом ее предназначение, если он видит, как легко теперь заключаются и распадаются браки.

Западные подруги уверяют меня, что в католической церкви всем женщинам а priori предписывается вступать в брак и рожать детей (исключая монашество). Наверное, духовное водительство

в православной церкви носит более гибкий и конкретный характер, и велика в этом роль наших мудрых духовников. Они — непосредственные наставники женщин, всякая абстрактная и жесткая моральная норма тает в их молитве и любви. Вспомним о нашем батюшке, для которого духовничество было процессом созидания человека. Он лепил нас, обнаруживая перед нами возможности нашей свободы, требуя от нас не слепой покорности, а дерзновенного служения Богу и Правде. Он никогда *не запрещал* (а для наших западных подруг религия основана на сплошных запретах), но создавал вокруг себя атмосферу такой серьезности и значительности, что нам было стыдно и неинтересно "грешить". Благодаря таким священникам мы научаемся жить в Церкви и Церковью, церковная молитва становится для нас самым внутренним, самым конкретным фактом нашего бытия. И это он, наш батюшка, говорил не раз в своей проповеди о русской женщине, которой спасется Россия, о женах-благовестницах, несущих миру радость Воскресения, это он дал благословение начать женское движение в России.

Очень жаль, что на Западе христианство воспринимается как мораль и система запретов, что оно только удерживает, а не созидает. Нам приходится здесь отстаивать христианство хотя бы на уровне "истории" и "экзистенции", совсем непонятна нашим оппонентам мистическая, духовно-молитвенная сущность христианства и, когда мы заводим разговор на эту тему, на нас большей частью смотрят так, как будто мы рассказываем сказки. А ведь молитва — это главное. Но, видно, даже для того, чтобы человек только *захотел* молиться, нужно благословение свыше. И здесь я смогла понять, какой благодатной является сегодня наша русская ситуация. Ведь мы, стремящиеся к абсолютной свободе и любящие свободу более всего на свете, нашли ее в узких церковных вратах, наши индивидуальности смогли раскрыться только через церковное соборное общение, и это благодатное сочетание свободы и послушания не построить никакими человеческими усилиями, его даже не представить себе, как не могут представить себе это на Западе, как не можем осознать этот Божий дар до конца и мы, чудесно спасенные.

Мы можем только в меру своих слабых сил свидетельствовать о том, что происходит теперь в России. Я счастлива, что могу говорить о Пресвятой Богородице перед людьми, которые уже давно не хотят слышать о христианстве. Говорить о Ней с любовью там, где Ее почти боятся, где Ее превращают в мертвый моральный идеал, а потом пытаются ниспровергнуть — это ли не высшее счастье!

Сестры мои! Интерес к России растет на Западе, и это далеко не "этнографический" интерес. Как я теперь со всей ясностью представляю, наш российский опыт — опыт столкновения с тотальным злом и победа этого зла — нужен здесь как воздух (не сочтите мне это за гордыню). "Духовной жаждою томимы" многие в Европе. Пусть нам пока не удастся переубедить наших западных подруг, хорошо уже и то, что они видят нашу искренность, нашу готовность пожертвовать Богу всем, нашу смелость и бескорыстность. Через любовь к нам они понимают: вера — это живое и творческое, страшное и правдивое, это то, что соединяет и зовет на подвиг. И, может быть, позже Господь откроет им то, что является для нас идеалом женщины, что выше всякой смелости и всякого героизма: "сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа..." (1-е Петра, 3,4).

Галина Григорьева

ТРИ ВЕРЫ, ДВЕ НАДЕЖДЫ И ЛЮБОВЬ

Сразу же предупреждаю, что это название не имеет прямого отношения к церковным "Вере, Надежде, Любви", и мои заметки связаны с религией самым косвенным образом. До сих пор я условно определяла свой жанр как "религиозную публицистику", но здесь пускаюсь в бытописание. Ничего выдуманного в заметках нет, при описании ситуаций при всей возможной краткости я старалась не упустить ни одной значимой детали.

Эти женщины, как и многие другие, оставили во мне след, с некоторыми из них я дружила, и, пересматривая перипетии их жизни, я задумываюсь и предлагаю задуматься и вам: в чем корень их бед, странностей, несуразностей? В социальной запущенности? Безрелигиозности? Моральной ущербности нашей жизни?

ТРИ ВЕРЫ

Вера, которая работала в милиции

Привел ее в дом мой супруг. Познакомился с ней, прогуливаясь с пуделем в ожидании меня в садике близ Духовной Академии.

— Простите, а ваша собака не ищет зонтики и документы?

Оказалось, что особа, задавшая этот вопрос, несчастна, покинута любимым человеком, не живет дома и "не хочет ли он по этому поводу выпить?" Он также незадолго перед этим был несчастен, бездомен, а выпить никогда не прочь, и, честно решив познакомить ее с женой (т.е. со мной), привез к нам в гости. (Люди, которым в силу жизненных обстоятельств и социальных условий негде было жить, часто находили приют в нашем доме).

Будучи беременной и работая, в то время я не была рада гостям и веселью. Тем более эта особа мне не слишком понравилась при всем моем старании относиться ко всем ровно и доброжелательно: сильно накрашенные, большие, серые, широко расставлен-

ные глаза, круто вздернутый носик, иностранный пиджачок с крупными надписями на всех языках Grand Hotel* (“гранд хотел”, — как пошутил один приятель, обидев владелицу). Со временем мое отрицательное отношение к ее частым появлениям усилилось, так как сопровождалось они возлияниями, а мне в то время было не до этого. То ли она работала в милиции, то ли в вооруженной охране, то ли пыталась сниматься на Ленфильме, то ли поступала в школу милиции и т.д., и т.п.

Но мое отношение к ней резко изменилось после ее откровенных рассказов о своей жизни, и пребывание Веры у нас стало с тех пор почти постоянным.

Ее признания заключались в следующем: она перестала быть девственной в физическом отношении в 9 (девять) лет по вине своего взрослого дяди; помнила она это происшествие смутно, но за достоверность ручалась. Физически она очень рано созрела, была полной, пухлой, избалованной — отец ее чрезвычайно любил. После скоропостижной смерти отца она в 19 лет стала добычей подлеца-брата совместно с его уголовными друзьями. Сцены насилия и издевательств она помнила смутно из-за нашедшего на нее ужаса и оцепенения. В дальнейшем брат (он моложе Веры года на два, по ее описаниям некая “белокурая бестия”, достаточно умный и начитанный, но не нашедший себя и потому пьющий и безобразничающий, кажется, даже сидевший то ли в тюрьме, то ли в колонии, сажать его еще раз она опасалась). Он запугивал ее, угрожал, жестоко бил — до сотрясения головного мозга — головой об стенку. Свою “невесту” — женщину, сочувствующую ему и живущую с ним, — он избил так, что она два месяца лежала в больнице, но она также не смела жаловаться на него — боялась.

* * *

Однажды Вера исчезла недели на три. Когда она вновь появилась, выяснилось: лежала в больнице с сотрясением мозга — брат ударил об стену головой. Приходил следователь расспрашивать. Она отказалась возбуждать уголовное дело, вероятно, из страха расплаты, просила помочь ей как-нибудь по-другому (может быть, содействовать принудительному размену их двухкомнатной квар-

* За все время обитания ее в нашем доме кроме этого расписного пиджака, который она то распускала, то ушивала в зависимости от полноты фигуры, я ни в чем ее не видела. Кроме пиджака: невыпускаемая изо рта сигарета, речь из эмоциональных междометий и жаргонных словечек, — в общем, воплощенная вульгарность.

тиры). Следователь ничем помочь не мог. Так и скиталась она от одной подруги к другой, не избегая случайных знакомств и связей.

Все это время плакалась она о своей прежде бывшей двухлетней любви к студенту. Он женился на другой, а Веру выгнал. Причиной их разрыва было то, что у Веры не получалось зачать от него ребенка. Она думала, что вообще не способна рожать после аборта от первой беременности, причем колеблясь рожать — не рожать, она затянула сроки и аборт прошел тяжело. Живя со студентом у него дома, она, что называется, "как сыр в масле каталась"; он занимался фарцовкой и одета она была по последнему слову Невского проспекта (вечные джинсы и все, что к ним прилагается).

А в отношении питания, мать его работала зав. детсадом и все продукты и деликатесы приносила с работы, причем, сама достаточно времени проводила дома, ухаживая за своей внешностью и принимая любовников.

Верин студент, правда, был любителем женского пола и часто ей изменял, приводя домой женщин прямо при ней, но все ссоры заканчивались примирением, тем более, что ей некуда было уйти от него. Вера с сожалением вспоминала о тех "счастливых" временах.

Итак, она появлялась у нас в доме достаточно часто, была щедра в меру наличных средств, и мы принимали посильное участие в ее судьбе. Чем могли мы помочь ей? что посоветовать? Она была убеждена: единственное средство, могущее укротить и урезонить ее братца — это ее замужество, настоящее ли (на это было мало надежды), фиктивное (печально распространенный криминальный факт нашей действительности), — на это она стала все больше уповать, прося меня подыскать ей "вариант". В силу понятных причин я отвечала уклончиво.

Среди знакомых мы шуточно представляли ее как "девицу на выдани", "невесту" и действительно подумывали, не найдется ли среди них подходящего для нее друга жизни. Но увы...

При ближайшем рассмотрении (а находилась она у нас дома большую часть времени на диванчике напротив моей постели, так что времени налюбоваться на нее у меня было достаточно) — Вера оказалась созданием нарцисстичным, самовлюбленным. Далекая от осуждения, я наблюдала за ней, старалась найти объяснение ее личностному складу. Она часто называла себя "Верочка-девочка", часами могла рассматривать себя в осколок зеркала (другого у нас дома не было), наводить "макияж", как сейчас пишут в журналах, а попросту сказать, раскрашивать лицо, рассматривать свою грудь и другие части тела и вопрошать, похудела она или поправилась за прошедшие сутки, жаловаться на худобу рук и ног — а в общем она

была весьма довольна собой, считала, что не может не привлекать в всех мужчин подряд (или другими словами: нет мужчины, способного устоять перед ней) — она считала это высшей степенью достоинства женщины. Надо отдать ей должное: после многочасового приведения себя в порядок она действительно была мила и привлекательна.

Соответственно и образ жизни, преимущественно ночной, строился по этому образцу: привлечение разнообразных мужчин. В основном это были шоферы, самые различные: автобусов, грузовиков, такси, с которыми у нее завязывались несложные романы с выпивкой (иной раз шоферы не пили — за рулем, ее же поили, тем более, что она не отказывалась), часто с апофеозом тут же на сидении машины или автобуса. По ее словам, относились они к ней хорошо, влюблялись, но... к сожалению, оказывались женатыми, и начинались вечные истории с женами, преследованиями, ревностью, телефонами. По крайней мере она могла перехватить у них иногда денег.

Надо сказать, она не считала себя неразборчивой. На моих глазах в компании она осаживала и отвергала неугодных ей "кавалеров", чаще по причине того, что не понимала людей другого круга — более образованных и культурных, чем шоферы такси, но к сожалению, не могу сказать — более нравственных.

В "вечера отдыха", когда она обессиленная отдыхала на диване, рассказывая о своих похождениях, мы с ней "беседовали о жизни" — разговоры вращались вокруг пресловутого "секса". Мне были не безынтересны взгляды молодежи на этот предмет, и для поддержания диалога я вспоминала кое-что из своей довольно бурной юности, чем повергала в гнев супруга, который в негодовании запрещал нам такие темы, сколь ни настаивала я на психологической важности их раскрытия.

Рассказы ее были поразительны. Она оказалась адепткой "группенсекса", по ее мнению, широко распространенного среди молодежи. У них были свои "команды", члены которых выбирались по принципу дружбы; компании без принудительной сексуальной практики, но члены их довольно скоро втягивались в эти коллективные игры, тем более, что почти не имели индивидуально сексуального опыта. Это была в основном зеленая молодежь — младше 20-ти; ни о растлении, ни о развращении речи не было — все были на равных. Там усваивался разнообразный "сексуальный опыт", включая лесбийство, к которому девицы их круга оказывались склонны.

Соглашаясь с очевидной для "нормального нравственного со-

знания” чудовищностью такой групповой практики, не могу не заметить положительных человеческих черт, ею созданных: предельная открытость и откровенность, щедрость, дружеская жертвенность — право, я не могла их судить, бросать в них камни, хотя мой супруг, думавший, что двоим наедине все дозволено, даже разговоры наши считал предосудительными.

Идеалом, корифеем Веры была Алла Пугачева, которой она мастерски подражала, ну и, конечно, западные ”группы”, в которых я разбираюсь слабо. Итак, прошло несколько месяцев...

Вера все путешествовала. Часто ее сопровождала подруга Оля — крупная, полная, молодая — двадцатилетняя, весьма следящая за собой (я видела ее то брюнеткой, то рыжей, то светлой — и это у них называлось — женственность). Олин муж был в армии — отбывал два года обязательной службы. У Оли была дочь, рожденная не от мужа — он женился на ней беременной и был счастлив, что жена красавица и самостоятельная, в то время как он — почти мальчик. Когда Ольга пускалась в загул, дочка оставалась у ее родителей. Не возвращаясь домой ночами, в выпивке Ольга усердствовала более Веры. Работала она на вахте: сутки на посту — трое дома, и иногда умудрялась ”надираться” на работе, либо спать, либо покидать пост, либо ”выступать” в обнаженном состоянии, причем отделялась легкими выговорами, вероятно вследствие своего добродушия и дородности, имея к ним еще такие плюсы, как хозяйственность и домовитость. И вот, загулав однажды, девицы решили жить вдвоем самостоятельно и снять комнату.

Тут произошел эпизод, результату которого Вера впоследствии приписывала свою беременность, воспринятую ею и как счастье и как несчастье. В поисках жилья девочки обратились к одному знакомому (богатый, предприимчивый маклак, не гнушавшийся ничем). Он обещал им сдать комнату, если они проведут с ним и с его приятелем вечер; звучало, впрочем, это грубее: ”если они вдвоем отдадутся ему с другом”. Этот молодой друг был студентом технического ВУЗа, самых комсомольских убеждений, так сказать, ”молодой коммунист”, однако это не мешало ему не упускать ни одной особы женского пола без разбора (видно, поэтому он был частым гостем в кожно-венерическом диспансере). Вечер вчетвером они провели, но комнаты девочкам никто не сдал. Через некоторое время Вера почувствовала себя беременной, что подтвердили в гинекологической консультации — ребенка она приписывала ”молодому коммунисту”, несмотря на его отчаянные протесты, он-де всегда очень остерегается.

Вставка от автора. Если бы знали читающие эти строки, как

стыдно, тяжело, неприятно, — как выразить все эти отрицательные эмоции? — воспроизводить мне эти детали. Ради чего? Может быть, стоит закрыть на плохое глаза, как предлагают некоторые наши мистики, сторонники индивидуального совершенствования, не замечать социальной грязи, но... Читаю страничку женского настенного календаря: "Строй нашей жизни. Советский образ жизни — совокупность политических, экономических, социальных, нравственных реалий всего нашего общества. Словно токи высокой частоты, пронизывают они и личное бытие каждого советского человека..." Вот, получайте нравственные реалии!

Далее Верина история развивалась так. Будучи беременной, без дома, работу она иногда пропускала, хотя к ней там относились прекрасно, давали продукты, одежду (старое зимнее пальто)... Но скоро ей самой стало стыдно там появляться. К тому же начались гинекологические перипетии. Начались они с того, что обращаться по беременности положено по месту жительства, а его у Веры не было. Она сама еще не знала, будет ли рожать. С одной стороны, это для нее, возможно, последний шанс иметь ребенка — еще один аборт, и вряд ли она вообще сможет рожать. К тому же мать-одиночка пользуется некоторыми привилегиями, весьма эфемерными, правда, — 5 рублей в месяц на ребенка, — но, возможно, ребенок придаст ей мужество в борьбе за жилье: она сможет гордо заявлять: "Я — мать". С другой стороны... В общем, она очень хотела ребенка — девочку. Я приложила все усилия, чтобы ненавязчиво, но убедительно склонить ее к этому. Моя резкая неприязнь к абортам имеет религиозные корни: поднимается рука на самый замысел Божий еще до его осуществления. Ее же пониманию были доступны скорее эмоциональные радости материнства. И тут же начинались рассказы о криминальных абортах, распространенных в среде ее подруг. От этих рассказов волосы у меня становились дыбом, тем более, что в это время я только что благополучно родила второго ребенка, и Вера, которая когда-то недолгое время работала медсестрой, мастерски ловко его пеленала и умело и ласково нянчила. Так вот, одна ее подруга приноровилась делать себе выкидыш на 5-6 месяце (простой аборт ей казался слишком вредным, а здесь — вроде бы нормальные роды) и этого недоросшего, но вполне живого человечка они (она с помощниками, вернее, с соучастниками своих преступлений) топили в ведре и закапывали в землю. Если бы не очевидность деталей, я бы не поверила в эти средневековые ужасы. Но обстановка вполне реальная: подруга студентка, имеет уже одного ребенка, двухкомнатная квартира, муж в отлучке —

зачем себя обременять. А после свершения этого дела (преступления) подруга спокойно шла в кино, чтобы доказать себе, что она смелый и отважный человек. Об уколах, таблетках, шприцах и других мелких пакостях я уже не упоминаю — в наши дни этим никого не удивишь, это стало обыденностью, и множество женщин по разным причинам прибегают к "криминальному аборту", не боясь опасностей и осложнений, не ведая, что они являются убийцами и даже хуже...

Уговаривая Веру родить ребенка, я предоставила ей возможность жить у нас — увы, с питанием у нас было плачевно. У нашей "беременной женщины", как она теперь гордо себя называла, разыгрался чрезвычайно сильный аппетит. Горько и больно упрекать человека в том, что он много ест, но что было делать. В нашем доме водились только сырые овощи — на их полезность я делала ставку в своем рационе сначала беременной, а затем кормящей, — и вечные, по возможности разнообразные, каши. И этого не всегда хватало. Привыкнув по моему совету к салатам, которые сняли токсикоз беременности, она взяла на себя обязанности по приготовлению пищи и настолько усердно их выполняла, что и так скудные запасы таяли, не успевая пополняться.

И тут наша Вера пошла на самопожертвование. На нижнем этаже нашего дома жил сосед, местный "банкир" — проводник в поезде, маленький, подвижный, он "умел вертеться", имея жену и двух детей, умудрялся пропивать пачки денег и не раз предлагал выпивки моему супругу — не прочь пообщаться с культурными людьми. В этом маленьком человечке блуждали неутоленные желания и страсти, предметом которых он предложил стать нашей постоялице. Право, я не восприняла серьезность этих попыток, но... когда она явилась смущенная, раскрасневшаяся, несколько растерзанная и выложила двадцать пять рублей "на продукты"...

Этот сосед-проводник дал ей деньги "на аборт", обещал дать еще, но тут же стал к ней приставать, срывать одежду, — "грубая скотина", — охарактеризовала его она, — "таких я не видала". Как ни скорбно и стыдно было мне тратить эти деньги, заработанные такой ценой, но нужно же чем-то кормить домашних? А моей скудной зарплаты на всех не хватало. При следующей попытке попросить у него хоть немного обещанных денег, а пропивал он их в изрядном количестве, он уже недвусмысленно делал ей постыдные предложения — "за деньги", "за 5 рублей", "за 3 рубля" — Вера смеялась: упала в цене...

С ее беременностью за это время происходили странные вещи. Причина в том, что предполагаемые "отцы" уговорили ее и сделали

какой-то укол, после которого у нее начались боли. Врачи ничего не могли понять, предполагали осложнения. Вера несколько раз на дню рассматривала свой живот – увеличивается ли он. По мнению окружающих он изрядно увеличивался, и аппетит ее не снижался.

За это время у нас дома произошла прибавка населения: пришлось сдать одну из двух комнат двум девочкам-студенткам. Взаимоотношения между жительницами квартиры складывались не просто, переходя от взаимной симпатии к явной неприязни. Было бы утомительно передавать эти обычные женские неурядицы, скажу лишь, что все кончилось плачевно для Веры. По своей откровенности и прямоте она не пыталась скрывать свои взгляды, свой образ жизни и в порыве самоуничтожения, беззастенчиво и истерично взорвалась: "Да, я – проститутка и не стыжусь..." и т.д. – экзальтация, истерика, слезы, вой... Право, я ей сочувствовала, но, честно говоря, жить с ней было трудно, можно стерпеть все, но когда человек духовно тебе чужд, и в житейском плане не внимает советам благоразумия, вместо того, чтобы проявить инициативу и попытаться устроиться, целыми днями валяется на диване – короче, я решила пустить дело на самотек – пусть разбираются между собой. И когда девицы попросили ее убраться, и она собирала свои пожитки, заодно требуя от меня вернуть ей "знаки внимания", подарки от нее мне и ребенку – право, я не чувствовала угрызений совести.

Так мы и расстались "не друзьями". О дальнейшей ее судьбе я не беспокоилась, зная ее приспособляемость и жизнеспособность. Единственно, о чем я бы сожалела, если бы она не решилась родить. Больше я Веру не видела.

Через несколько месяцев мне сообщил кто-то из знакомых, что у Веры родилась девочка, беленькая, Людочка.

Анна-Наталья Малаховская

ЧЕЛОВЕК-НАДЕЖДА

Моим подругам Татьяне Горичевой
и Юлии Вознесенской

”Слишком многим руки для объятья
Ты раскинул по краям креста”.
Пастернак

Сестра! Ты пишешь о том, что в Православии гораздо больше развито почитание Бога-Отца, чем Бога-Сына, и Богочеловеческий момент как бы сохраняется в тени религиозного сознания. Бог — воплощенный, Бог, пришедший к нам, как Человек, — это невероятно трудно охватить непосредственным чувством. И, тем не менее, историческое развитие человеческого духа привело нас сейчас к такому этапу, когда стало необходимым глубокое проникновение именно в эту тайну — тайну воплощения.

Сознание современного человека переменялось кардинально, и главное, что отличает нас от людей прошлых эпох — это наше отношение к человеку.

Человек — образ и подобие Божие. Сами эти слова звучат для нас удивительно. Изверги двадцатого века, считавшие людей на тысячи, на миллионы, чтоб тут же сбросить их со счетов, — приучили нас к чудовищному обесцениванию человеческой личности. Утлое существо, временное создание, способное лишь к тому, чтобы превратиться на глазах в горсть пепла, — вот что такое для сознания современника человек, каждый из нас. К такому трагическому выводу привели нас все те грандиозные социальные эксперименты, которые внушали такие пылкие надежды предшествовавшим поколениям.

В наше безнадежное время, когда одна за другой угасают надежды на возможность справедливого социального переустройства общества, когда рушится вера в ”объективные законы истории”,

что вывезут нас в любом случае, независимо от наших усилий, как Емелина печка, — кажется иногда, что надеяться нам уже не на что. И именно в наше время надежда возрождается — парадоксальным образом, как бы взрывая установившиеся стереотипы замкнутого в социальности сознания, — вспыхивают надежды — на что? на кого? На того самого человека, поруганного и втоптанного в грязь. Как факелы, возжигаются среди нас люди, к которым пригитиваются все взоры, и привлекают они к себе не столько своими идеями, сколько самую значительностью своей личности, ее красотой, глубиной и силой, ее верностью самой себе. В сущности, сами идеи, сам строй мыслей такого человека оказывается почти несущественным — важен строй его жизни, та судьба, которую он сумел себе построить. Зачастую оказывается достаточным одного имени, отзвука легенды, окружающей это имя. Академик Сахаров. Кто в народе знает его идеи? Разделяет их или не разделяет? Однако возмущение ссылкой Сахарова было всеобщим. — За что же так Сахарова? — спрашивали люди, до сих пор, казалось, далекие не только от политики, но и от любых нематериальных интересов.

Да, мы все букашки и соглашаемся быть букашками — за то, чтоб нас раздавили не сегодня, а завтра. Да, мы смирились с тем, что наше мнение, как и мы сами, ничего не стоит, т.к. ”ничего изменить нельзя”. Но то, что нашелся кто-то, кто не смирился, — кто-то, хотя бы один, кто отказался от букашечьей судьбы, — это уже меняет нашу жизнь. Уже это одно наполняет нас бессознательной гордостью и силой. Не сознанием, не чувством мы приходим к этому — мы просто лицом к лицу сталкиваемся с тем фактом, что эта надежда в нас уже живет.

Кто же в наше время становится человеком-надеждой?

Тьма, обступившая нас, тотальна, она проникла во все поры нашей жизни, вот почему узкий специалист нынче никому не интересен и не важен, в какой бы области он ни специализировался. Именно из-за того, что тьма не локализована в каком-то одном участке нашего бытия, а подступает к нам отовсюду, — человек в наше время ничего не сможет сделать, если будет только деятелем. Ни одну секунду времени, ни одну грань своего существования нельзя отдавать тьме, иначе любая победа окажется двусмысленной, всегда грозящей обернуться поражением. Сейчас стало очевидным, что пребывание в границах тьмы, в согласии с тьмою онтологически человека уничтожает, выедает его суть и смысл, оставляя от него одну ветхую шелуху. Для того, чтобы быть, человек должен очень четко определить свои отношения с тьмой и светом, и, конечно, не с одной только, а абсолютно со всех сторон. Нельзя забывать,

что мы боремся не только и не столько со ”служителями тьмы”, и не только за некие вещественно осязаемые блага, а с тьмою за свет. И тут победить может только тот, кто будет постоянно об этом помнить. Мы выбираем, на чьей мы стороне, и, сделав выбор, мы уже не в силах остаться в прежнем нашем ветхом состоянии.

В сущности, нам давно уже понятно, что именно лишает нас личностного начала, что делает нас запуганными и задавленными, отвратительными для самих себя палачами собственных душ. Настало время искать выход. И сегодня я хочу поделиться с тобою тем, что я думаю по этому поводу.

Человек может находиться в разных состояниях, и в этом его можно, грубо говоря, сравнить с физическим веществом: жидкая текучая вода каменеет, замерзая и делаясь льдом, и взлетает в воздух, превращаясь от нагревания в пар. Дерево, спокойно растущее в лесу, от поднесенной спички превращается в биение огня. Людям тоже доступны переходы из одного состояния в другое, хотя они чаще всего об этом не знают и мучаются оттого, что ”сами для себя они тягостнее тьмы”. Наброшаю схематично, как я зрительно представляю себе основные онтологические состояния человека.

Самый примитивным представляется мне такое состояние, когда человек кончается там же, где и начинается, то есть в самом себе (”человек-точка”). Такая автоэротичность вызвана, скорее всего, теми условиями, в которых мы живем: когда на тебя со всех сторон давят, трудно распрямиться и вырасти, перестать быть ребенком. Отсюда — постоянное чувство одиночества, а, значит, и страха, ощущения замкнутости и, в конечном счете, — бессмысленности жизни. Только любовь распахивает человека настезь, и он перестает быть точкой, устремляясь к другому (”Человек-стрела”). Но эта открытость в нашем неистинном мире чрезвычайно опасна: человек выходит из себя, из скорлупы, во вне, — а вне-то оно и есть, это неистинное пространство, субстанция лжи. Теперь человек беззащитен: всякая боль ранит его, всякий плевком будет плевком прямо в душу. Вот почему для того, чтобы полюбить, нужен настоящий героизм — и по опыту моему и близких мне людей могу сказать, что здесь требуется мужество гораздо более глубокое и основательное, чем в любом другом случае. Человек, который не боится ничего, смеется над опасностью смерти, все-таки боится одного, и это одно — любовь.

А как же целительные свойства самой любви? Но ведь, как писал любимый ученик Христа, апостол Иоанн, ”не та любовь, когда мы любим, а когда — нас”. Ты вышел из себя — но, пока тебя не полюбили в ответ, ты до Другого так и не дошел. Остался на полпу-

ти, и тьма объяла тебя... Где тот, кто придет и спасет?

Милая сестра, не буду писать тебе о том духовном омертвлении, что охватывает всякого, оказавшегося в подобном положении: не хочу тревожить тебя тяжелыми воспоминаниями. Лишь взаимная устремленность друг к другу, готовность принять в ответ на жажду отдать, — лишь она образует это поле, эту новую духовную реальность, которая придает жизни смысл. Чтобы пошел ток, необходимо два полюса.

Обстоятельства сложились так, что мне удалось встретить такую полноту духовной близости только среди женщин.

* * *

Ты смотришь на меня. Мы чуть-чуть отодвигаемся друг от друга, чтобы лучше видеть. Кого? Не кажется ли тебе, что тот, кого мы видим, возникает именно в этом пространстве между нами: мы словно проецируем его в пространство. Он — не в тебе и не во мне, он — посередине. Тот трепет, что мы при этом ощущаем, не есть страх, ибо "боящийся несовершенен в любви". Тот третий, в лучшие наши минуты возникающий между нами не есть ли он Тот, о Ком кощунственно говорить? Ибо мы несовершенны, мы знаем слабости и недостатки друг друга — а в эти минуты являемся один другому прекрасными, какими Господь видит нас; мы слабы и ранимы, а эти мгновения делают нас неуязвимыми, ни одна стрела тьмы нас не достанет. Тьма не может даже прикоснуться к свету — "тьма не объяла Его".

Не кажется ли тебе, что самый взгляд, — то, чем мы видим, то есть принимаем в себя, и становимся видимы, то есть передаем себя, — заключает в себе некую мистическую возможность? Помнишь эти слова: "как ты говоришь, что любишь Господа Своего, Которого не видишь, если не любишь брата, которого видишь?" Их можно понять и так: любя *видимого*, мы способны не только выразить тем самым любовь к его Творцу, *но и приблизиться к Нему*, самим любящим взглядом разрушая мертвую оболочку (изнанку) жизни, устремляясь к ее Источнику. Лишь одно нам наверняка известно про Бога, что Он есть Любовь. ("Бог есть Любовь").

Нет, не слепа любовь, как принято говорить, любящий взгляд видит не тварную конкретность человека, а замысел Божий о нем, его возможность. Точнее — ту Божественную реальность, которую мы призваны осуществлять в нашей земной жизни. Любящий взгляд не идеализирует, напротив — он срывает покровы лже-реальности. И если это действительно любовь, то есть чувство взаимное, — то

любящий взгляд не только видит, но и творит, проецирует в ежедневную жизнь то, что видит в минуты прозрений. Не только вбирает в себя, но и устремляет во вне поглощенную энергию, открывшееся знание.

Ты лепишь, творишь меня своим взглядом, под лучами его я уже не могу остаться прежней, слабой и полной несовершенства. Ты разорвала роковой круг ("У неимущего отнимется и то, что имеет"), ты перевела меня на солнечную сторону, где с неизбежностью должен происходить рост ("имущему прибавится").

С каждым месяцем, с каждым днем ты становишься все лучше. Сходят тени, открывая твоё лицо, — настолько светлое, что я уже и сама с трудом его узнаю. Так истинная любовь пересоздает человека, переводит его в новое состояние: он был куском сухой, почти мертвой материи — а стал огнем, горящим и светящим во тьме.

Нет, этот процесс не имеет ничего общего с моральным усовершенствованием: прежде всего потому, что любовь вне морали. Мораль располагается в онтологической плоскости, а любовь всегда вертикальна. Это не значит, что она постоянно должна расходиться с нормами морали: она не аморальна, а неморальна. Она существует в другом измерении. Например, если для нас недопустим лозунг "цель оправдывает средства", то не из моральных, а из совсем других соображений. Во-первых, из онтологических: мы слишком четко ощущаем взаимосвязанность всякого мрака и всякого света (о чем я писала выше), а во-вторых, из побуждений самых естественных: допустив хотя бы возможность какой-то нечистоты в своих действиях, мы рискуем самым для себя существенным. Не то, что совесть замучает, не то, что другу будет стыдно в глаза глядеть — нет, мы рискуем еще большим — тем Третьим, Кто может навсегда покинуть нас. Самим счастьем мы и рискуем.

Вот видишь, как интересно изменяется отношение не только к человеку, но и к тем связям, что существуют между людьми! Впервые делается столь очевидно зримым онтологический характер этих связей. Наша дружба и наша любовь — это не надстройка к жизни (основу которой составляет действие), как было в прежние времена, это даже не помощь в борьбе со злом — это самая борьба и есть, самая квинтэссенция этой борьбы, центральное событие бытия человека. Нам не приходится "ловить кайф" на отношениях, мы создаем новое, приступаем к творчеству, требующему от нас предельного мужества и напряжения всех сил.

В чем же это новое? Вспомни хоть самое хрестоматийное стихотворение Пушкина, обращенное к его близкому другу:

”Товарищ, верь, взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна...” и пр.

Перерождения жизни, почти мистического, озаряющего весь мир новым светом, Пушкин и его друзья ждут от внешнего, социального действия: внутреннее обуславливается внешним и переносится в будущее, в ”прекрасное далеко”.

Мы не считаем для себя запретными никакие действия, идущие на пользу свету и во вред тьме. Но при этом к нашей дружбе мы относимся совершенно по-другому: от внутреннего мы ждем внешнего изменения мира, а ”звезда пленительного счастья” восходит для нас в настоящем времени: мистическое перерождение жизни может случиться в любой день, когда мы увидим друг друга.

Изменившаяся онтология дружбы обуславливает и новый идеал человека. Еще недавно, в 60-е годы, продолжало господствовать убеждение, что для приближения к идеалу надо извести из себя побольше недостатков, да и себя самого извести как следует для этой цели: ”Всю я себя замучаю, стану я самой лучшею”, — прямо так и пелось в одной песне тех лет. Теперь же многим становится ясно, что ”замученный” человек не может стать ”самым лучшим”. Самым лучшим становится не тот, кто удачнее других подогнал себя к абстрактному прокрустову ложу, а тот, кто сумел вырастить в себе заложенное в него семя уникальной, неповторимой личности. *Не мучить себя*, изводя из себя недостатки ради приближения к идеалу, — но если мои изъяны причиняют боль тому, кого я люблю, — то усмирю себя, чтобы *не мучить друга моего*.

Таким образом, мне кажется, что самым лучшим (”человеком-надеждой”) становится тот, кто сильнее других способен любить, целиком перейти в это новое духовное состояние.

Конечно, это замечательно, что такие люди появляются. Но мне хочется сказать и о новых трудностях, которые возникают в связи с этим: очень мало у нас тех, кто способен понять по-настоящему таких людей. И, опять-таки, неразвитость личностного начала дополняется тут еще и монофизическим уклоном: люди не способны постичь единство Божественного и тварного в человеке. Различая свет во тьме, ощущая идущую от человека энергию, многие буквально набрасываются на него, стремясь урвать себе кусок этого тепла, хоть уголек утащить к себе в угол — не понимая, что таким образом легко обескровить, затушить пламя. Божью искру, образ и подобие Божие они готовы считать самим Богом. И еще более готовы растерзать своего кумира, когда он оказывается, несмотря на исходящий от него свет, все-таки человеком. Так ведь было

и с Христом, Которого фарисеи поносили за то, что Он "ест и пьет, дружит с мытарями и грешниками..."

Господи, сколько поношений мне приходится выслушивать в адрес таких людей! Им не прощают и самой малой малости, и десятиминутное опоздание становится тогда чуть ли не преступлением. "Как же, она — Она! — могла опоздать... а вот NN, она самый обыкновенный человек, и я ее больше уважаю, потому что она ни разу не опоздала..."

Поистине, неразумие не имеет границ. Вы хотите, чтобы человек-надежда был безукоризненно точен, как N, аккуратен, как X, обед варил, как Y, — и обладал бы при этом мужеством, какого нет ни у N, ни у X с Y, да и ни у кого другого? Писал бы при этом то, чего никто другой написать не может, делал бы то, чего никто другой не может сделать? И при этом бы оставался еще и надеждой, тою самой, что светит нам в нашем мраке?

Да, приходится признать, что для нечистого все оборачивается нечистотой. Ему даже вредно смотреть в огонь — ибо великую духовную Надежду он подменяет надеждой будничной, пытаясь использовать Божий дар для того, чтобы поджарить свою яичницу. И часто, вместо того, чтобы усилиться, согревшись у огня, такой человек ослабевает, переносит ответственность за любые свои личные дела на того, кто сильнее и будто бы все может.

Образуется даже целая категория людей, которых ты назвала "резиновыми": они, действительно, прилипают, как резина, и отскакивает от них все точно так же, как от резины. Эти люди по-своему ужасны, уродство их заключается, по-моему, в том, что их активность и пассивность поменялись местами и поэтому одинаково ложны. Пассивны они там, где не надо: во внутреннем духовном делании, — и активны тоже там, где не надо: во внешнем действии, в преследовании того, в ком для них заключается надежда. Остро ощущая свою неполноту, они стремятся дополнить себя до целого человека: но внутри них — полная пустота, страшный провал. Нет даже такта, даже способности к самому примитивному сочувствию. Вот почему дополнить себя они стремятся самым дикарским способом, попросту пожирая все силы человека-надежды (по принципу "А друга съесть — особенно приятно"). Их пустота засасывает, как воронка: голодным взором они окидывают окрестность в поисках все новых жертв, пытаясь все съедобное запихнуть в свою утробу — но все силы, проваливаясь в эту пустыню, погибают бесплодно.

Надо быть тише в притязаниях, громче в любви; не забывать, что, предлагая дружбу, ты должен прежде всего предложить дар своего сердца, — а не своей пустоты. Сначала отдай, подари, не ожидая награды.

Но когда резиновые люди-точки, неспособные выйти за пределы своего "я", буквально прилипают к человеку-надежде — это трагично. Ведь он — человек, и силы его убывают, если не могут возрасти в радости плодотворной взаимной дружбы. Он — человек, а не Бог, и присущая ему в иные моменты сила сотворена не им. Не можешь любить — уйди. Не будь вампиром, не увлекай в свою пустыню энергию, что была бы плодотворной в иных местах. Это жестоко, но истина не может быть всегда мягкой:

"Кто ж не мог любить — с слезами

Прочь из круга отойди".

(Шиллер, ода "К Радости").

Вырасти в себе свой собственный сад, пойми, что дружба — это сначала риск, мука, отречение — и только уже потом — счастье. Вырасти, перестань быть инфантильным человеком-точкой — и только потом наберись храбрости приблизиться (а не преследовать!) к тому, кто сияет так ярко, оставаясь при этом все-таки человеком. Человеком, нуждающимся не в восхищении, а в сочувствии, не в поклонении, а в сотворчестве.

Родная моя! Ты помнишь — это было поздно вечером. Я проплутала до 11-ти в поисках вас обеих — а вы ждали меня совсем в другом месте. Было темным-темно на улице, я вошла. И остановилась у стены: кухня располагалась таким образом, что видна была только ты одна. Я прислонилась к стене и смотрела на тебя: больше мне ничего не было нужно. Ты повернула ко мне голову, увидела, и так мы были вместе. Дела! Дела требовали, чтобы их обсуждали, пришлось мне выйти из моего угла и сесть с тобою рядом. Тут я увидела и другую мою сестру, и мы с нею так обрадовались друг другу! Кто может это понять? Ведь это была действительно радость, полная и совершенная, гораздо выше всей той дряни, что мешала нам жить и о которой приходилось говорить. Мы говорили о страшных вещах — в то время, как лица наши не могли удержать улыбок счастья. Вы обе были такие светлые и прекрасные — ни разу до сих пор я еще не видела вас такими.

И тут я поняла, что с вами ничего плохого не случится. Если и после этого я тревожусь порой за вас — так это только по собственной моей слабости. Ведь я совершенно ясно почувствовала тогда эту силу, соединившую нас. Какие там нити! Прочность связующего нас поля неодолима: наверно, это и есть то, что называют — твердь.

И чем сильнее я ощущала ее, тем отчетливее видела, как все прочее, все, что было вокруг, никло, погружаясь все ниже и ниже. Кругом были люди — но они нас не видели, оставаясь в тени, и мы

не могли подать им руки, не могли взять их к себе: нас поднимало, и все, что мы могли чувствовать — это счастье и любовь друг к другу. Любовь сухую, о которой не надо говорить — ее надо хранить от слов. В молчании — благочестие.

Потом мы вышли, вы пошли меня провожать, и мы стояли в полной темноте (на лестнице не горели лампы), тихо переговариваясь и смеясь от счастья. Не хотелось расходиться — впрочем, и расстаться было легко, потому что расставания теперь не могло быть. Обеты произнесены, и Слово сказано! В молчании, ни единым земным словом не потревоженное, так свободно оно раздалось — и мы приняли его, потому что оно и есть наше счастье. Не то, которое будет неизвестно когда, не то, что придет извне: свою болью и кровью мы завоевали его, прорвавшись сквозь "непроходимых мук собор" к Другу.

Господи, не отними у меня эту благодать! В наше время любить тех, кто поистине достоин любви и способен ответить любовью — значит постоянно рисковать свободой и жизнью друга, возможностью видеть его. Прими же кровь моего сердца, прими ее в дар, пусть ни одна ее капля не прольется бесплодно.

Господи, благодарю Тебя за этот крест!

Май 1980 года, Ленинград.

ЖЕНЩИНА И ГУЛАГ

”Я НЕ БОЮСЯ ДАНТОВОГО ПЕКЛА...”

(О судьбе Ирины Сенек)

1946... 19 лет. Первая тюрьма. За участие в украинском освободительном движении – 10 лет страшных сталинских лагерей и 5 лет ссылки.

Она рассказывает: ”Били и пытали по ночам. Перебили позвоночник. Когда я падала, обливали холодной водой, приводили в сознание и били опять. И после, когда меня, окровавленную, бросали в камеру, я только шептала:

– ”Господи, благодарю Тебя, что я не сдалась”.

Ночью водили на допросы, а днем спать не давали. Должна была сидеть посередине камеры и, если голова моя падала на колени, удар приклада спешил привести меня в чувство”.

Потом – так называемые ”комсомольские стройки”. Строили железные дороги, работали на шпалозаводе, на слюде. До 49 года политические вместе с уголовниками:

Мой мир и твой
Такой же точно, да, такой:
Забор, решетки да конвой,
И в кус баланды не иной,
А норма – в горле поперек.

Сквозь сумрак лагерных ночей
Наш взгляд становится грустней,
И складки скорби – все длинней...
Жизнь, словно тусклый свет свечей,
Дрожит, как листья на ветру...

Мы понимаем все без слов,
Помочь из нас любой готов.
А мира два? Так, пустяки...

Но если будет недосуг,
Ты мог бы стать мне другом, друг.

Часто лежала в больницах: "Мы все были дистрофики". Открылся свищ, несколько лет тек гной из открытой раны, но начальник сказал:

— Нам нужна не работа ваша, а мучения. Вылечишься на каменоломне.

На каменоломне камнем раздробило руку. В другой раз обнаружили перитонит. Когда очнулась после операции, то услышала:

— Мы тебе все вырезали, яичник, все внутри облучили.

Позднее, в ссылке, врач обнаружил туберкулез позвоночника: "Он у вас на соплях держится". Взяли кость с ноги, пересадили в позвоночник. Заново училась стоять, сидеть, ходить. Хотели дать инвалидность первой группы, но упростила — вторую. Иначе не возьмут на работу.

И сейчас, уже во второй ссылке, она рада, что ей дали работу уборщицы в грязной провинциальной гостинице. Она моет полы, наклоняется, преодолевая боль и сжав зубы.

Краще бути псом, котом,
Може, навіть, волом,
Аби не людиною.
Краще квиткою, буряном
Попід плотом,
Краще каменем, каменем.
Лиш не сердцем пораненим
Серед людей
Плестись людиною...

"1954 год. После смерти Сталина — суды, пересуды. Надзирателей судят, начальников судят за то, что над ними издевались. Приезжают комиссии:

— Женщины, бедные, вы — будущие матери, как вы здесь работаете? Как вы потом рожать будете?

— А где вы 9 лет были?

* * *

Творения сенсу* — цель життя.
А цель життя — нове дитя.
А де ж мий сенс? А де ж бо вин?
Мий сенс — Иркутск, мий сенс — Тайшет.
В колоні на колону перелет.
В таких, як я, цей перелет
Забрав немало кращих лет.

После 15 лет Гулага ее освобождают. Но ненадолго.

”Подсудимая Сенек” ”на путь исправления не встала”, ”в период 1946-1970 с целью подрыва советской власти изготовила ряд стихотворений” (судили ее всего за 12 стихов!).

”В них содержится поклеп на национальную политику советского государства, на советскую действительность, автор призывает бороться за свержение советской власти”.

Приговор: ”Согласно со статьей 26 УК УРСР, признать Сенек особо опасною рецидивисткой”.

”Приговорить Сенек к 6 годам лишения свободы в исправительных колониях строгого режима и к 5 годам ссылки”.

И — опять все сначала. ”Стольпинские” вагоны. В одном купе набито 10 женщин. Накурено, наплевано. Постоянный мат. Почти всю дорогу пришлось простоять на ногах. В клетках (вагон железный) — духота, воды не дают. Селедкой кормят и соленым-пересоленным хлебом. Пересылочные пункты. Особенно запомнилась Куйбышевская тюрьма: это был бокс (Бокс-шуба) с неровными стенками (чтобы уголовники не писали на них). Где-то вверху — маленькое окошечко с ладонь. В этой тюрьме задыхалась и умирала.

... Жизнь на краю. Здесь, в Гулаге, человек предельно унижен, но не оставлен, не отвержен Богом. Что дало этой женщине силы? Почему она выжила, почему сохранила себя, свою богатую, талантливую душу, свое сердце, и сегодня открытое всем и каждому, отзывается на любую чужую боль?

Кто на кресте, те ближе к небу. Помогла вера в свою правоту, любовь к Родине, к Красоте. Ирина Сенек продолжала быть творцом и поэтом и тогда, когда для этого не было даже физических условий. Еще во время следствия она объявила голодовку, требуя, чтобы ей дали иголку в камеру — она вышивала. Она обучила этому искусству и других женщин, сидевших с нею вместе. И вот серость лагерной жизни была побеждена ярким сиянием украинской вышивки.

* Сенс — смысл (украинск.).

Переведи мне
Вдохновенье вдохновеньем
Как птица пеньем
Переводит пеньем
Или растение
Поет растеньем
Переведи мне
Вдохновенье вдохновеньем.

Сейчас Ирина Сенек живет в ссылке, в маленьком, пыльном по-кафковски необжитом среднеазиатском городке далеко от Алма-Аты. Эта женщина, такая молодая и сейчас, с полным правом может сказать:

Я не боюся Дантового пекла,
У кіл его у сірій мли
Я бачила страшніше
на землі.

“ДЕТСТВО НАШЕ ЗОЛОТОЕ...”

Ваня Пазухин

ТУННЕЛЬ

— Сонечка Мармеладова, бедная, с ранних лет жила в бедной семье, — рассказывала учительница 1-го “В” класса Елизавета Григорьевна. Но начнем с начала.

Около Невы в городе Ленинграде стоит большое здание школы. Весь второй этаж занимают вторые классы; туалеты, а напротив них кабинет директора и учительская. Во 2-м “Б” классе учусь я. Учительница наша заболела, и теперь у нас каждый день учительницы меняются. На дворе осень, ноябрь, время бабьего лета. Разноцветные листья, кружась, падают на землю. Во 2-м “Б” классе было шумно, все занимались своими делами: одни дрались, другие бежали, третьи кидались тряпками... В общем, все занимались своими делами. Вдруг вошла девушка с ярко накрашенными губами, в модном платье и с модной прической.

— Итак, — сказала она, когда ребята на секундочку успокоились, — меня зовут Елизавета Григорьевна. Сегодня первый урок буду вести у вас я.

По классу прошел гул удивления: ведь, во-первых, эта учительница из 1-го класса, а во-вторых, она совсем еще новенькая. Но через несколько минут, смирившись с этим, ребята “спокойно” (если это можно так назвать, потому что мальчики гримасничали, показывали ей рожки и болтали между собой) слушали ее. Речь у нас зашла о том, как плохо у нас жилось в царские времена, как туго доставалось крестьянам и обедневшим дворянам, потому что они не могли сколько им хотелось есть и спать, потому что их заставляли очень много работать. Потом она нам стала рассказывать о том, что великий русский писатель Достоевский очень много написал как раз про таких людей. И он сам был таким. И то, что за то, что он писал про людей, которые хотели есть да спать, его не раз сажали в тюрьмы и один раз его даже расстреляли, но потом отменили расстрел и отослали в ссылку. Он, говорила Елизавета Григорьевна, написал великий роман “Преступление и наказание”, в кото-

ром было рассказано об обедневших дворянах. Сонечка Мармеладова, бедная, с ранних лет жила в бедной семье. Раньше ее семья была богатая, но вскоре она разорилась. Сониная семья стала до того бедная, что Сонечке Мармеладовой пришлось пойти в туннель*. Туннель, пояснила учительница, это такое место, куда приходят девушки, и их богатые мужчины берут напрокат. Ходят с ними в кино, в театр, спят с ними ночку, а потом отпускают и платят за то, что они их водили в кино, в театр и т.д., деньги. Бедной Сонечке Мармеладовой (вы, наверное, должны понять, как ей было тяжело, не знаю, как мальчики, но девочки точно – все поддакивают), – так вот, бедной Сонечке Мармеладовой пришлось красить губы и надевать красивые платья, только чтобы получить деньги. Видите, как приходилось жертвовать собою ради денег! (все вздыхают).

За эти 30 минут Елизавета Григорьевна успела дать всем хоть и короткие, но внушающие характеристики: пидераз*, идиот, псих. Ну и в общем, все оставшиеся 15 минут она ругалась на нас.

Проходили месяцы, миновала зима, наступила весна, а Елизавета Григорьевна все не появлялась. И вот наконец в мае, когда снова заболела наша учительница, к нам в класс опять пришла долгожданная Елизавета Григорьевна. В этот раз она говорила нам про Блока, что когда ему было 42 года, какая-то 16-тилетняя девушка захотела отдать ему себя без остатка.

– Как так без остатка? – подшучивали в классе, 42–16, что ли, будет без остатка?

Но Елизавета Григорьевна не отвечала, она была занята своим рассказом.

Так вот, он в честь нее написал, кажется поэму, из-за этой поэмы глупая девушка обиделась, не признала революцию и уехала во Францию к родственникам. Во время Великой отечественной войны она во Франции спасла одну русскую женщину, за нее пошла в газовую баню, и этим прославилась. Потом у нас опять разговор зашел о бедных людях, и опять она говорила о Сонечке Мармеладовой, но весь класс на этот раз не воспринимал ее так серьезно, как в тот раз. Все смеялись, но она даже не обращала на это никакого внимания. В общем, этот урок прошел менее интересно, чем предыдущий, но зато более весело, потому что все кидались чем попало, бегали по классу. В общем, это был самый веселый день в школе.

Ваня Пазухин, 10 лет

* От редакции: орфография автора.

Инга К.

НАДЕЖДА

Я вообще в детстве терпеть не могла стихи. До каких пор это длилось? Пока не появилась эта учительница. Если б этот человек не появился в моей жизни, многое сложилось бы по-другому.

Я вспоминаю, как она вошла в класс. Первое, что мы решили: что мы будем ее доводить. А если доводить — кто первый — это я. В общем, она еще не вошла в класс, и мы ее еще не видали в глаза, а доска уже была испещрена портретами очкастой мымыры: заранее она была и злая, и противная, и вредная. И нос у нее был картошкой, и рот до ушей. По коридору раздался тоненький стук каблучков и вошла...

”Меня зовут Надежда Михайловна. Я ваша новая учительница литературы”. Голос: ”Напрасное уточнение, и так видим”. Смешки. Учительница дальше: ”Знакомиться по журналу я с вами не буду, надеюсь, что по ходу работы мы узнаем друг друга”. Снова голос: ”Надейтесь!” На глупую шутку — глупый смех. Но учительница дальше: ”На первом уроке я обычно читаю детям стихи. На первом и последнем”. Час от часу не легче — стихи! Ну, сейчас будет: Родина — Ленин, Ленин — Родина. Нахально развалившись на первой парте, я приготовилась слушать очередную партию дифирамбов дедушке Ленину.

Вдруг свалился на нас, буквально огорошил, целый водопад стихов, да каких! Это были не патриотические детские стишочки — поток настоящей поэзии обрушился на нас. Многого мы тогда не поняли, сначала даже не перестали шуметь. Она продолжала читать, так тихо, было плохо слышно, ведь все кричали. Она сжалась в комок — и так маленькая — отвернулась к окну и замолчала. Это нас потрясло. Мы не знали, как реагировать на такое. Привычны были крики, угрозы вызвать родителей или директора, знакомы нам и нервные истерики, но чтобы вот так, просто, отвернувшись от класса, замолчать?

Наступила невольная тишина. Я физически почувствовала, как вся съезжилась учительница, будто ее ударили. Стало ужасно стыдно за себя, за класс, вообще за все.

Несколько минут тишины — и потом снова стихи. Первый раз в жизни шестой класс не вышел на перемену.

— Ну, теперь идите. — В классе тишина.

— Идите, у вас другой урок. — Все сидят.

Кто-то один поднимается, все на него — пустыми глазами... Казалось, что это — предел, глубже, более потрясающе быть не может. Я сидела, притаившись, боясь спугнуть то, что произошло... Звонок резанул по горлу, от него можно было задохнуться. Этот звонок был похож на то, как сверлят зубы. Можно было подумать, что с этим звонком оборвалось все, но это было именно начало.

Очнулись мы только на улице. Вдохнув осеннего прелого воздуха, сразу заговорили, заспорили. Говорят, она живет при школе (?) В хозяйственном помещении, которое оборудовали сначала для хранения школьных лопат, а потом отдали ей (??) Еще, говорят, у нее несчастная семейная жизнь, она развелась с мужем, долго скиталась, не знала, где найти квартиру и работу, пока не набрела на нашу школу, где ей сразу дали и то, и другое. Так что она к нам надолго!

Комната ее была метров 5-6: если б она не была такой маленькой, она бы там не поместилась. К ней можно было прийти в любое время. Плохо, бывает, станет, кто в два, кто в три часа ночи приходит. Я однажды в четыре часа пришла. Так страшно: входим в школу, ночью, потихоньку, крысы бегают... Песни у нее пели, стихи читали. Песни и стихи такие, что, услышь нас кто из администрации, не сносить бы Надежде головы. Так было — совсем новая жизнь. Называли ее одуванчиком: она такая худенькая, в зеленых платьях ходила, а волосы пышные — желтая голова, огромная, кудрявая. По имени звали между собой не фамильярно, а именно символически: Надежда.

Она в школе настоящую войну вела, ставила единицы в журнале, двойки: если она задавала стихи о войне, например, а кто-нибудь учил стихи из учебника, всякую гадость, она говорила: "О войне есть и хорошие стихи, найди их, не ленись". По школе она перемещалась, а за ней — целый круг ребят: обычно старшеклассники — и я. Нам однажды задали сочинение "Мое слово о Ленине". Сочинение конкурсное, на следующий день надо принести. Я написала — мое слово о Ленине, — конечно, такое я сдать не могла. На другой день она спрашивает:

— Кто посмел не принести сочинение?

Я поднимаю руку, оглядываюсь: все самые лучшие ученики подняли руку. Но все потом принесли. Так я и не сдала это сочинение, ее за это ругали. Уж и не знаю, как она выпуталась из этой истории.

И вот в школе узнали, что я уезжаю. Сказали и Надежде: сама я все как-то не находила случая. После уроков я стучусь к ней, она открывает — вся съежившаяся, кутается в платок, глаза заплаканные.

— Надежда Михайловна, что вы плачете — из-за меня?

— Из-за тебя, из-за тебя! Все лучшие люди уезжают...

Я продолжала учиться. Отношения с людьми теперь зачастую менялись: или разрывались совсем, или становились более дружескими. С Надеждой мы очень сблизились.

Но пришло разрешение на выезд — и меня вызвал директор.

— Тебе не стыдно пользоваться услугами государства, которому ты изменяешь?

Я ответила, что нет, не стыдно, но в школу ходить перестала. После этого я всякого ожидала, но такого, что вышло, конечно, совсем не ждала.

Вдруг Надежда не стала мне звонить. Раньше, стоило мне дня в школе не появиться, она звонила, а тут — нет. Каждый день прихожу домой и жду: вот сейчас мама скажет, что она мне звонила. Но она так и не позвонила, все эти два месяца перед отъездом.

Осталась последняя неделя. Я все дела буквально втискивала в последние дни. Поскольку я уезжала летом, мне казалось, что все уезжают, а я остаюсь. Уезжали на каникулы: кто в лагерь, кто по путевке, кто к родным, — все довольны, а я реву. В последний день она выскочила у меня из головы. Ну, провода, как всегда. Вывалили мы все на улицу, полезли на крышу. Сидели на крыше. И вдруг меня как в жар бросило: Надежда... Меня всю обдало то ли горячим, то ли холодным.

— Подождите, я сейчас приду.

Я ходила тогда босиком, чтоб ближе ощутить связь с родной землей. Так и побежала к ней, через пустырь, по стеклам.

Окошко светится. Свечка у нее часто на окне горела. Бывало, подходишь, смотришь: горит свечка, значит, она не спит...

И вот подхожу. Окошко горит. Думаю, что ей скажу. Поднимаюсь на крыльцо. Она открывает дверь, в платочке завернутая. И как будто загораживает собою вход, словно не хочет, чтоб я вошла. Не знаю, что сказать. Мне так плохо, что я покачулась.

— Ты — пьяная?

— Почему ты — босиком?

По-моему, самое глупое, что можно было сказать, она сказала. У меня начался смех истерический с кашлем.

– Инга, ты, может быть, все-таки зайдешь?

Я – шаг назад.

– Когда у тебя самолет?

– Завтра.

– Это – то, чего ты хотела?

Я – шаг назад.

– Ну что же тогда?

Я повернулась и побежала.

– Инга, вернись, вернись!

А на следующее утро моя подруга сказала мне, что Надежда покаялась, ее вызывал к себе директор. И теперь, когда ее спрашивали в школе, что со мной, она отвечала, что знать обо мне ничего не хочет. Меня единственный раз в жизни человек предал.

Но до последнего взгляда в аэропорту я верила, что вот-вот появятся эти глаза среди толпы других друзей. И только когда самолет оторвался от земли, оторвалась последняя надежда.

Инга, 14 лет.

И ЗАПАД, И ВОСТОК

Сабина Гвейман

О ПОЛЬСКОМ НЕОФЕМИНИЗМЕ

"...Как я обещала вам, посылаю то, что я написала о польском феминистическом движении, или, как мы его называли, "неофеминистической ассоциации". Я надеюсь, это ничего, что я не включила в мою заметку имен девушек-участниц нашего движения? Я опасуюсь чересчур тесных связей между КГБ и СБ (польской тайной полицией) ...

С наилучшими пожеланиями и любовью

Сабина".

(Из письма Сабины Гвейман в клуб "Мария").

Нас была всего горстка — девушек, организовавших в октябре 1980 года первый феминистический митинг в университетском студенческом клубе "Сигма", в Варшаве.

Встретившись, мы скоро поняли, что больше всего нас интересует и волнует — раскрыть польским женщинам глаза на то, в каком положении они находятся на самом деле, на те несправедливости, с которыми им приходится сталкиваться.

В течение первых трех месяцев мы организовывали по одному-два собрания еженедельно. В результате первой месячной дискуссии мы выработали нашу программу и манифест. В этой программе мы различаем несколько самых важных женских проблем, а именно:

НАШИ ТРЕБОВАНИЯ:

1. *Три года родительского отпуска* (после рождения ребенка) вместо 16 недель материнского отпуска и вместо 3 лет материнского отпуска, как предлагает Солидарность*.

* В Швеции, например, любой из родителей может оставаться с ребенком дома до 6 лет (когда дети идут в школу) или работать неполный рабочий день,

2. *Изменить отношение к женщинам-студенткам, ожидающим ребенка, и матерям.* Поскольку женщины составляют примерно 50% всех студентов в Польше, беременные студентки и студентки-матери не должны рассматриваться как негативные исключения. Вместо неприязненного отношения, им должна быть обеспечена возможность пройти все курсы и сдать все экзамены в соответствии с их новой жизненной ситуацией.

3. *Улучшить уровень гинекологической, акушерской помощи и помощи по уходу за детьми,* поскольку сейчас этот уровень ничтожно низок и отношение медицинского персонала к женщинам-роженицам и пациентам часто жестокое и оскорбительное.

4. *Изменить зарплату женщин.* Женщины в Польше получают всего 60% зарплаты мужчин. Это противоречит польской конституции.

5. *Повысить уровень противозачаточных средств и снабжение ими, а также информацию о них.* Женщины в Польше не имеют почти никаких противозачаточных средств, никакой информации, где их достать. Хуже – невозможно купить даже простейшие из них.

6. *Устранить скрытую дискриминацию против женщин, существующую при приеме как в университеты, так и на работу.* Это тоже противоречит конституции.

Мы решили, что нашими главными целями будет:

1. Пробудить общественное мнение в отношении действительного положения женщин и показать самим женщинам, что их проблемы – не частные, а социальные.

Это будет достигнуто, или, по крайней мере, начнется такой процесс осознания в нашем обществе (так мы считали), если мы сможем участвовать в радио- и телепередачах и помещать статьи в ежедневных газетах и журналах, а также благодаря нашим еженедельным дискуссиям.

Мы думали, что для женщин очень важно и существенно начать осознавать, что их проблемы носят социальный характер, потому что до тех пор, пока они расценивают свои проблемы как частные, они склонны осуждать самих себя за несправедливости и жестокости их жизни, и потому ничего не могут с ними поделать.

2. Участвовать как можно больше в официальных дискуссиях, посвященных женским проблемам, устраиваемых такими государственными женскими организациями, как "Лига Женщин" или Национальный Совет Женщин. Мы хотели использовать все существ-

чтобы освободившееся от работы время посвящать воспитанию детей, и шведские мужчины очень ценят это право (примечание от редакции).

вующие каналы, чтобы наши голоса стали слышны и оказывали влияние на принимаемые решения.

3. Добиться контактов с как можно большим числом феминистических организаций в мире, давать им информацию о положении женщин в Польше и получать параллельно информацию о них. Мы хотели, чтоб они помогли нам собрать феминистическую литературу для первой Феминистической Библиотеки, создать которую в Польше было нашей четвертой целью.

4. Мы считали, что Феминистическая библиотека — это необходимая точка отправления для любых феминистических исследований, в которых так нуждаются в Польше.

Когда сейчас, после почти года нашей работы, я пытаюсь подвести итог нашим успехам и потерям, я вижу, что мы, по крайней мере, к чему-то пришли, даже если я и не могу сказать, что мы добились абсолютного успеха.

Несколько статей о нас появилось в польских газетах и журналах. Мы действительно участвовали в радиопрограммах дважды и один раз в телевизионной программе. Мы также участвовали в нескольких (4 или 5) официальных собраниях и дискуссиях, и мы устроили сами множество собраний, включая собрания со знаменитыми польскими женщинами и с западными феминистками.

Множество феминистических книг и статей было собрано благодаря нашим западным сестрам, которые также предоставили нам возможность участвовать в Феминистическом Тетральном Фестивале, который состоялся в Голландии этим летом.

В начале сентября мы организовали фотовыставку о фестивале.

Как вы можете видеть, мы действительно установили контакты с западными феминистками. Статьи о нашем движении появились в Австрии, ФРГ и США. Мы перевели и распространили несколько западных феминистических статей.

Но, несмотря на всю нашу работу в этом году, мы не можем сказать, что нам удалось добиться внимания *польских женщин*.

Женщины в Польше в общем (может быть, больше, чем в других странах) относятся неприязненно или, в лучшем случае, двусмысленно к феминистическому движению. Я думаю, что существуют две основные причины этого:

1. Во-первых, можно сослаться на уподобление себя мужчине, присоединение себя к мужскому стандарту, мужскому облику в процессе социализации Польши. В нашей культуре феминисток считают скучными, нелепыми или неженственными.

2. Вторая причина связана с общим социально-экономическим положением Польши с августа 81 года (очень трудного и сложного как для простых людей, так и для правящей элиты). Это заставляет женщин считать феминистические издания даже менее важными, чем обычно.

Как бы то ни было, мы собираемся продолжить нашу работу, потому что мы считаем, что феминистические проблемы важны, в то же степени, как и другие большие социальные проблемы, с которыми встречается сегодня Польша.

(перевод с английского)

От редакции: Письмо Сабины Гвейман, одной из основательниц польского женского движения, нас, женщин Советского Союза, удивляет не столько сходством социального положения женщин в СССР и Польше, сколько разницей в возможностях работы среди женщин в Польше и у нас: телевидение, радио, возможность помещать статьи в официальной прессе, создание библиотеки, — о таком мы, живя в СССР, не можем и мечтать. (Смотри "Письмо о ленинградских дискуссиях 1980 года" в первом разделе этого номера).

С другой стороны, как мы поняли из частных разговоров со многими польскими женщинами, в Польше женщинам приходится сталкиваться с неравноправием и угнетением скорее в официальных сферах, чем дома. В сфере семейных отношений в Польше, стране глубоких и не поврежденных социальными переменами христианских традиций, нет такого подавления личного начала в женщине, с каким мы сталкиваемся в советских семьях, нет презрения к женщине, есть преклонение перед ней. Семейные и хозяйственные нагрузки распределяются справедливо, и даже порой муж берет на себя большую часть забот по хозяйству, особенно в период беременности, болезни жены и когда появляется ребенок. Больше всего это распространено в молодых семьях. Возможно, это — тоже одна из причин, почему женское движение не получило сразу достаточно широкой поддержки среди женщин Польши.

СООБЩЕНИЕ О НОВОЙ АТАКЕ СОВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ НА ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

8 марта в Советском Союзе праздновался Международный женский день. На многочисленных митингах ораторы по заранее заготовленным бумажкам читали лозунги о равноправии и счастье советской женщины. В это же время КГБ уже готовило очередной погром независимого женского движения в Ленинграде и в Москве. Всего через 5 дней после женского праздника была арестована первая жертва — театральная художница Наталья Лазарева, одна из основательниц клуба "Мария".

Наталья Лазаревой 34 года. В сентябре 1980 года она уже была арестована за участие в женском независимом движении и осуждена на 10 месяцев лишения свободы. Отбыв срок в концлагере, Наталья снова активно включилась в работу клуба "Мария". Фото-репортажи о жизни советских женщин, рисунки, стихи, оформление журнала "Мария" — вот ее работа. Читатели зарубежного издания "Марии" знают эмблему клуба — "цветок жизни", изображенный на обложке ее работы. В первом номере журнала опубликованы ее стихи — бесхитростные, откровенные и безусловно правдивые, рассказывающие о ее жизни, о детдомовской юности. В них нет ни слова лжи, как нет и призывов к насильственному свержению советской власти. Но при первом аресте ей было предъявлено обвинение в распространении "заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй", а при новом аресте — обвинение в "антисоветской пропаганде". Обвинения более чем нелепые, поскольку вся советская пропаганда утверждает, что наши женщины имеют все гражданские права, а значит и право говорить свободно о своих бедах и проблемах. В западных странах, где феминистическое движение всех направлений развито широко и повсеместно, никто не знает случаев, чтобы женщину лишили свободы только за участие в феминистической деятельности. Ни одна власть так не боится женщин своей страны!

В тот же день, когда была арестована Наталья Лазарева, КГБ устроило ряд обысков в Ленинграде и в Москве. В Ленинграде — у Галины Григорьевой, матери четверых детей, участницы движения.

Младшим ее сыновьям-близнецам всего несколько месяцев, они еще грудные. Но такие вещи КГБ не останавливают!

13 марта прошел обыск у Татьяны Иодковской в Москве, а 24 марта у Наталии Ворониной и Екатерины Жуковой. Под угрозой ареста оказался филиал клуба "Мария" в Москве. Видимо, распространение женского движения за пределы Ленинграда больше всего напугало власти. Опасаясь ареста, вынуждена была скрыться Наталья Воронина. Сейчас эта двадцатилетняя девушка находится на нелегальном положении.

Клуб "Мария" обращается ко всем женским движениям мира и ко всем людям доброй воли: помогите нашим подругам устоять против репрессий КГБ, добивайтесь вместе с нами освобождения Натальи Лазаревой!

Вот адреса в СССР, по которым можно делать запрос о судьбе Натальи Лазаревой и ее подруг по клубу "Мария":

КОМИТЕТ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН: СССР, Москва, Пушкинская, 23. Тел. 229 32 23.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР: СССР, Москва, ул. Огарева, 6.

УПРАВЛЕНИЕ ЛО КГБ: Ленинград, 190 000, Литейный пр. 4.

Информацию о положении Натальи Лазаревой вы можете получить во франкфуртском отделении клуба "Мария" у его руководительницы Юлии Вознесенской:

J. Wosnessenskaja
I.G.F.M. Frauenverein
Maria
Kaiserstrasse 72/IV
Telefon 06 11-23 69 71/72
D-6000 Frankfurt am Main 1
West-Germany

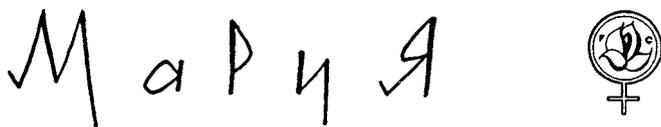
ЗАЯВЛЕНИЕ КЛУБА "МАРИЯ"

13 марта этого года в Ленинграде арестована Наталья Лазарева — член нашего клуба, художник журнала "Мария". Для Наташи это — не первый арест. Впервые она была арестована в сентябре 1980 года. Тогда ей было предъявлено обвинение по 190 статье УК — клевета на советский государственный и общественный строй.

Участие в журнале, рассказывающем правду об условиях жизни женщин нашей страны, было объявлено клеветой. Клевета, что женщины нашей страны – единственной из промышленно-развитых стран мира – вынуждены рожать детей без всякого обезболивания, в антигигиенических условиях. Клевета, что в детских учреждениях процветает воровство, что дети содержатся в условиях, вызывающих у них постоянные болезни. Клевета, что женщину безжалостно дискриминируют на работе и непомерно угнетают дома, что вся нагрузка по воспитанию детей и обслуживанию семьи целиком ложится на плечи женщины, вынужденной работать на производстве не меньше мужчины. Клевета, что невыносимые тяготы ежедневной жизни и отупляющее воспитание превращают женщину в бессловесную рабыню советского мужчины – жалкого раба нашей системы. Все это, о чем мы писали в нашем журнале, было объявлено клеветой, и Наташа, повинная только в том, что делала художественное оформление нашего журнала и создала эмблему нашего клуба, была осуждена на 10 месяцев тюремного заключения. Наташа – сирота, воспитывалась в детском доме. Когда ей было 16 лет, ее послали работать на завод, где заставляли выполнять тяжелые физические работы – из-за этого с юности у нее серьезно подорвано здоровье. Ценою огромных усилий Наташа, совмещая работу с учебой, закончила театральный институт и получила специальность театрального художника – но работы по специальности найти не смогла и до последнего времени работала истопником. В российском независимом женском религиозном клубе "Мария" Наташа работает со дня его основания – 1 марта 1980 года. Нам известно, что во время допросов в прошлом году офицеры КГБ били ее головой об стену, пытались заставить ее дать нужные им показания. В качестве "вещественных доказательств" ее "преступной деятельности" ей инкриминировались письма ее подруг – основательниц женского движения в СССР, высланных из страны накануне Олимпиады. Летом 1981 года Наташа Лазарева вышла из тюрьмы и с большим энтузиазмом продолжала свою работу в клубе "Мария". В субботу 13-го марта, через пять дней после Дня Международной солидарности женщин, так широко и торжественно отмечавшегося на этот раз во многих странах мира, Наташа Лазарева была арестована снова. На этот раз ей предъявлено обвинение по статье 70 – обвинение в антисоветской деятельности. Так советское правительство разоблало себя перед всем миром: работу женщины, борющейся за раскрепощение своих сестер, женщин своей страны, оно открыто признало работой, направленной против основ советского государства. Предъявляя Наташе такое обвинение, власти откровенно рас-

писываются в том, что угнетение женщин в нашей стране — не следствие так называемых пережитков прошлого, а осознанная и целенаправленная политика государства. Поэтому мы обращаемся к нашим сестрам — женщинам всего мира, ко всем христианам, ко всем людям доброй воли; мы обращаемся также и к правительствам всех стран мира, ко всем честным государственным деятелям: помогите нашей подруге! Спасите Наташу из лап бандитского государства!

Клуб "Мария"

Эмблема клуба "Мария", сделанная Наташей Лазаревой.

16 апреля 1982

Уважаемая госпожа Тэтчер!

Я понимаю, что борьба вокруг Фольклендских островов стала еще одной тяжелой заботой Вашего правления. И все-таки я беру на себя смелость попросить Вас позаботиться о судьбе молодой русской женщины, которой в данный момент грозит 7 лет тюрьмы, потому что она и ее подруги открыто выступили против советской интервенции в Афганистане. Имя этой храброй молодой женщины Наталья Лазарева...

Наталья Лазарева — эта одна из тех советских женщин, которые несколько лет тому назад основали клуб "Мария", чтобы координировать свои усилия и облегчить бремя, лежащее на плечах русской женщины. Как о том говорит уже имя, большинство этих женщин — христианки...

В 1980 г. клуб "Мария" сделал несколько публичных заявлений против войны в Афганистане. Они призывали "матерей России" убедить своих мужчин не участвовать в "кровавом побоище". Дру-

гой призыв содержал обращение к советским женщинам, чтобы они убедили своих сынов и мужей "предпочсть почетную тюрьму позорной смерти в чужой стране". Эта решительная борьба с советской агрессией неизбежно обратила на себя внимание со стороны КГБ...

Сейчас Наталье Лазаревой предъявлена известная 70-ая статья советского Уголовного кодекса, ей грозит 7 лет тюрьмы и 5 лет ссылки. Она не может ждать помощи от советской юридической системы. Единственное, что ей может помочь — поддержка общественного мнения свободного мира.

Я Вам пишу, потому что уверен, что Вы, госпожа Премьер Министр, лично обратитесь к советским властям в защиту Натальи Лазаревой. Я Вам пишу еще и потому, что меня просила об этом одна из высланных женщин клуба "Мария" Наталия Малаховская.

С уважением — почетный секретарь
"Ассоциации за свободную Россию"
Джон Лоренс

5 мая 1982

Дорогой господин Лоренс!

... Как Вы, наверное, знаете, Премьер Министр обращает большое внимание на все вопросы, которые касаются прав человека в Советском Союзе. Мы знаем, в какой тяжелой ситуации находится Наталья Лазарева и осуждаем те меры, к которым прибегают советские власти, ведя борьбу против тех, кто стремится осуществить основные человеческие права: право на свободу слова и исповедание своих религиозных убеждений.

Такие меры являются нарушением Международной Конвенции о Правах Человека и Хельсинкских соглашений, подписанных также Советским Союзом. Делегация Великобритании во время Мадридского заседания Хельсинкской Конференции взяла на себя задачу строгой проверки того, как исполняются эти соглашения в Советском Союзе, а также давления на советские власти в смысле улучшения положения в Советском Союзе в данном вопросе.

Мы будем продолжать эту линию и в дальнейшем, используя все возможные способы и ситуации. Надеемся, что это приведет к улучшению положения таких людей, как Наталья Лазарева...

С уважением Вильям Рикетт (Личный секретарь г. Тэтчер).

31 мая 1982

... Ваше сообщение о Наталье Лазаревой было основой для письма-протеста, посланного в Советское посольство и Министерство внутренних дел в Москву. Оно было передано также в Политическую Партию и в ее женский сектор, к которому я принадлежу (либеральная Народная Партия). В следующее воскресенье я встречаюсь с Комитетом Ассоциации Фредерики Бремер в Гетенбурге...

Керсти Салевид (Шведское движение за равенство).

ИЗ ПИСЕМ

О ПРАЗДНИКЕ 8 МАРТА В ПАРИЖЕ

8 марта — день международной солидарности женщин. Так написано в советских календарях. До недавнего времени эти слова звучали для нас так же бессмысленно, как и, например, слова о международной солидарности трудящихся, и как многие другие пустые советские слова. Однако, как только мы выпустили первое свободное издание для женщин, альманах "Женщина и Россия", мы тут же почувствовали, что это означает на самом деле — международная солидарность женщин. На помощь нам пришли женщины из разных стран мира. Первыми откликнулись француженки из Движения Освобождения Женщин (MLF): в течение месяца они перевели и издали во Франции наш альманах, который сразу завоевал широкую популярность среди французских читателей, что обеспечило поддержку нашего, только зарождающегося женского движения, среди общественности Франции и спасло его от полного разгрома советскими властями, а нас, его создателей, — от немедленного ареста. Затем наш альманах был издан на немецком, японском, английском, датском, шведском языках. Молодые участницы MLF приезжали к нам в Ленинград, с риском для себя привезли нам наши гонорары, что было очень важно для нас в те голодные времена, сняли фильм о нас, взяли интервью для книги о нашем движении. Для нас тогда, в начале 1980 года, все

это было каким-то чудом: о нас узнали не 100, не 300 человек, среди которых расходятся экземпляры самиздатских журналов, а тысячи, мы не погибнем бесследно, о нашей работе узнают в широком мире.

КГБ, преследующее нас с самого начала нашей работы, решает не поднимать лишнего шума, и вместо ареста попросту выдворить из страны наиболее активных участниц женского движения. Попав на Запад, зарубежные представительницы клуба "Мария" еще ближе познакомились с международной солидарностью женщин: они были приглашены выступать перед самыми различными аудиториями в Австрии, Голландии, Германии (ФРГ), Дании, Италии, Франции, Швеции, были гостями крупнейшего в США журнала для женщин "Ms", участвовали и выступали на многих международных форумах и конференциях. Татьяна Горичева выступала с докладом о проблемах семьи на евангелическом конгрессе в Корнтале (ФРГ) летом 1981 года и на многотысячном конгрессе "За дружбу между народами" в Римини (Италия) с рассказом о женском движении в России (июль 1981 г. Анна-Наталия Малаховская была приглашена участвовать в международном форуме неправительственных женских организаций в Копенгагене (июль 1980 года), была приглашена на официальный прием министром культуры Дании, председателем всемирного конгресса женщин Лизой Озронг, где рассказала о реальном положении советских женщин; выступала на первом международном симпозиуме женщин-писательниц с докладом о женском творчестве (Веллеслей колледж, США), май 1981; Юлия Вознесенская выступала на заседании Европейского парламента с рассказом о преследованиях участниц клуба "Мария" в Советском Союзе (апрель 1982 г.). Мы поддерживаем постоянные контакты с женскими организациями всех названных стран, а также с крупной женской организацией Австралии ("Женщины, которые хотят быть женщинами"), которая постоянно публикует в австралийской прессе материалы клуба "Мария" и выступает с официальными протестами против преследования членов нашего клуба в СССР.

В начале марта этого года зарубежные представители нашего клуба были приглашены участвовать в празднике международной солидарности женщин в Париже.

Праздник начался 6-го марта большим митингом в Сорбонне. Весь зал был полон молодыми женщинами (на Западе женщины лет до 45-50 выглядят, как студентки), на сцене за длинным столом сидело примерно 15 женщин. Как мы поняли из их выступлений, это не были активистки женского движения, — это были женщины, впервые выступавшие на митинге, простые француженки. Они рассказывали о своих судьбах, о проблемах, которые их волнуют. Вот тут мы

и поняли, что советское представление о том, что западные феминистки просто "с жиру бесятся", в корне неверно. Конечно, у них нет многих из тех неразрешимых проблем, от которых страдаем мы в СССР (прежде всего, проблемы голода и недоедания), но трудностей у них хватает. Начать с того, что женщины получают зарплату примерно на 30% ниже, чем мужчины... Перед нами сидели живые женщины, каждая со своими заботами и тревогами, и рассказывали о том, как несправедливы начальники-мужчины к беременным женщинам ("Беременность – это не болезнь", – ответил один из них на просьбу об улучшении условий труда), как неправильно организовано рабочее время работниц магазинов, сколько трудностей у воспитательниц детских садов и яслей... Все – молоденькие женщины с красивыми, запоминающимися лицами. Только одна среди всех – пожилая: заботостью, серым, поникшим лицом она напоминает наших, советских. Но вот она заговорила – и заискрилась в ней француженка. Она вышла замуж очень рано, не успев приобрести никакой профессии: когда у нее было уже 4 детей, муж бросил ее и женился на другой. Она не могла заработать на пропитание (как мы потом у нее выяснили, алименты во Франции начисляются независимо от количества детей, и четверых детей на них прокормить было невозможно), жили тяжело, вся жизнь прошла в беспросветном отупляющем труде. Спасибо, помог какой-то священник, а то и не знает, как выжили бы. "Если бы я прежде познакомилась с вашим движением, вся моя жизнь сложилась бы по-другому!" – воскликнула она...

Перерыв – и на сцену выходят представительницы женских организаций разных стран мира. Знаменитые писательницы, лица, знакомые нам по фотографиям и международным конференциям... называют и наши имена. Короткие выступления, постоянно вопросы из зала, – никто не остается равнодушным, постепенно страсти накаляются. Во многих странах, где политическая ситуация особенно тяжелая, женское движение тесно связано с политическим, часто бывает трудно их разграничить. Говорят об американском и советском империализме (для них это, к сожалению, еще одно и то же), калечат женщин, говорят о том, как от имени ислама уничтожают, топчут и физически калечат женщин Египта, Ирана, Ливии. Египетская писательница, сидевшая в тюрьме за свои убеждения, заявляет: "Бог всегда против женщин". Из зала кто-то возражает: "Не Бог против женщин, а то, как люди используют Бога; в арабских странах нет разделения между религией и государством, политическая система – голова, а религия – хвост..." Выступившая от имени клуба "Мария" Алла Сарибан, рассказав о положении женщин в Советском Союзе,

сказала в заключение своего выступления, что у нас совсем другое отношение к религии, что наша вера не закрепощает, а освобождает нас, вносит смысл в нашу жизнь, придает нам сил в борьбе со злом, несправедливостью, несвободой.

Первый праздничный день закончился танцами на корабле, стоящем в водах Сены (с корабля открывался вид на Эйфелеву башню) Танцы продолжались до утра.

7-го марта праздник продолжался: в помещении парижского цирка выступали гимнастки, спортсменки и знаменитые певицы из разных стран мира, приехавшие специально по приглашению MLF. Особый энтузиазм вызвало у всех выступление знаменитой бразильской певицы Мерседес Соса. Немолодая женщина с типичным лицом индианки, в народном костюме, ударяя в такт песне в обтянутый кожей барабан, словно заорожила всех — и вот уже зал хлынул вниз, на арену, и все пляшут вместе, в едином порыве...

8 марта — демонстрация. Такой демонстрации мы еще не видели. Вышли с площади Республики огромные колонны (всего около 10 тысяч человек) с зелеными знаменами (каждый год в этот день знамена и рубашки активисток MLF — другого цвета), с пением гимна MLF. Скандировали лозунги, с машины выступали женщины из разных стран мира. Наша немецкая подруга переводила нам выступления с французского на английский: настоящий интернационал! Выступила и представительница нашего клуба, Юлия Вознесенская, — и многотысячная толпа скандировала: "Свободу женщинам Советского Союза!"

Прохожие, столпившиеся на тротуарах, смотрели на нас ошеломленно: особенно много было мужчин с потерянными лицами. На площади Бастилии после короткого митинга демонстрация закончилась.

Вечером после демонстрации — еще один концерт и танцы. Но мы уже так устали, что уехали в гостиницу сразу после концерта.

Оказалось, что нам повезло: девушек, выходящих поздно вечером после концерта, избил толпа неизвестных хулиганов. Двое из пострадавших попали в больницу. В ту же ночь рабочее помещение на площади Бастилии было разгромлено неизвестными лицами.

9-го марта мы туда приехали: снова на площадь Бастилии, где только вчера так вольно разливался праздник и десятки, сотни воздушных шариков вдруг поднялись в небо в лучах вечернего солнца...

Наши французские подруги озабочены, суровы. Помещение в плачевном состоянии: все перевернуто, груды залитой, испорченной бумаги, — пропал труд многих дней. Короткая пресс-конференция.

Ожидалось, что на нее приедет министр по правам женщин, но она прислала вместо себя своего заместителя, пожилого лощеного господина. Мы спрашиваем его, что же конкретно будет сделано правительством Франции по отношению к этим погромщикам. В ответ он встает и раскланивается:

— Пожалуй, мне пора...

— Не похоже, что он всю жизнь боролся за права женщин, — усмехнулась знаменитая американская писательница Кэт Миллет...

— Удар, который нанесен вам, предназначается и нам, — говорит совсем молоденькая девушка из Эль Сальвадора. То же самое чувствуем и мы.

Так закончился день международной солидарности женщин в Париже.

Алла Сарибан

ИЗ ПИСЬМА К ПОДРУГЕ

... Ты просишь меня поделиться своими впечатлениями от праздника 8 марта в Париже, на который нас пригласила организация "Движение за освобождение женщин" (MLF). Удивительные, незабываемые ощущения, которые я вынесла оттуда — это атмосфера огромного воодушевления, непринужденного спонтанного самовыражения и прекрасное чувство солидарности с теми, кто рядом с тобой. Основное же впечатление — поразительное чувство свободы, раскованности. И только там, окунувшись в эту чудесную атмосферу свободы, я поняла, до какой степени я несвободна обычно, до какой степени "заторможены", угнетены все мои жизненные проявления.

И в этом плане я — типичнейшая советская женщина, типичнейший советский человек. Ведь в Советском Союзе мне очень редко приходилось наблюдать, чтобы люди искренне беззаботно веселились, чувствовали себя легко и свободно.

Советский человек постоянно находится как бы под неким прессом, давлением, которое он сам часто не замечает, потому что уже свыкся с этим давлением и потому, что не знает, что можно жить по-другому. Это давление создается всем укладом советской жизни — множеством стеснений, ограничений, тягот, отрицательных впечатлений и воздействий, которыми полна жизнь в тоталитарной системе.

Это давление создается общей психологической атмосферой ду-

ховного насилия, активной идеологической атаки на личность в насквозь идеологизированном обществе – которое только усугубляется тем, что в официальную идеологию мало кто верит. "Придавленность" советского человека обусловлена также пассивной ролью личности в советском обществе, фактической невозможностью для большинства людей что-либо изменить даже в собственной жизни – не говоря уже о жизни общественной. Это вызывает общую "заторможенность" психики советского человека, чувства безнадежности и обреченности (выраженные у разных людей в разной степени, однако все, кого мне довелось наблюдать, в той или иной степени затронуты этим).

Поэтому, кстати, первое впечатление у множества эмигрантов, особенно у тех, кто никогда до этого не бывал на Западе – эйфория от свободы. Трудности и страдания начинаются потом. Теперь, пробыв год на Западе, я вовсе не нахожу, что здесь очень хорошо. Но в первые недели эмиграции у меня было физически-явственное ощущение, что с моих плеч свалился камень, что я, наконец, могу выпрямиться и начать дышать полной грудью – вообще, начать "жить".

Однако, как известно, женщина угнетена советской системой в несравненно большей степени, чем мужчина. И степень давления, которое она испытывает – неизмеримо больше. И не только потому, что в советском обществе на долю женщины выпадает гораздо большая мера монотонного оупляющего труда и материальных тягот, чем на долю мужчины. Кроме угнетения экономического, политического и социального, женщина в СССР угнетена также патриархалистическими общественными отношениями и патриархалистической моралью. Ведь патриархалистические общественные отношения, обычай и мораль вовсе не являются в СССР "пережитком эксплуататорских формаций", как представляет дело официальная советская пропаганда, а, наоборот, активно внедряются в общество "сверху". Тоталитарная система стремится подчинить жизнь человека жесткому всестороннему контролю, а традиционные патриархалистические социальные структуры являются очень хорошим механизмом такого контроля.

Давление и несвобода, связанные с патриархалистическими обычаями, выражаются, как известно, в том, что женщина сама по себе, без мужчины – ничто; только вместе с мужчиной, через мужчину она получает "право на жизнь". Мужчина приглашает женщину на танец, наливает ей вино, ходит с ней в гости и т.д. А без спутника – вроде бы и не потанцуешь и не развлечешься – сиди у окошка и гляди, как "жизнь проходит мимо"...

В мои студенческие годы считалось стыдным, если девушка од-

на (или даже с подругой) ходит в театр, на концерт. Вспоминаю забавный эпизод — очень характерный. Одни мои знакомые — очень милые интеллигентные люди — как-то встретили на концерте в Филармонии студента нашей группы М., который был один. Потом они с одобрением рассказывали: ”Смотрите, какой М. серьезный, культурный юноша. Вместо того, чтобы пиво пить и с девочками гулять — в Филармонию ходит”. Через некоторое время эти же люди встретили в Филармонии мою приятельницу Л., которая тоже была одна. Приговор: ”Наверное, за Л. никто не ухаживает, если она на концерты вынуждена одна ходить, бедная!”

Я не говорю уже о более серьезных вещах — прежде всего о замужестве, дающем в нашем обществе очень высокий социальный статус. Необходимость найти себе самца и удержать его (зачастую просто для того, чтобы получить право на многие человеческие радости, сами по себе никак не связанные со взаимоотношениями полов) — новит в СССР характер колоссальной проблемы, превращающей жизнь множества женщин в сущий кошмар.

Общее давление, оказываемое на советскую женщину тоталитарной системой, тяжелыми экономическими условиями и патриархалистическими обычаями сливаются для нее в одно какое-то невыносимое давление, под ношей которого она согнута, скрючена. И самое печальное, что советская женщина не только объективно — раба, но она сама себя ощущает рабой, сама себя ставит в положение рабы раба — советского мужчины. Большинство советских женщин не просто смирились со своей участью рабынь — они считают свое положение совершенно нормальным, естественным, извечной ”бабьей долей”.

И именно поэтому — потому, что я, как любая советская женщина — всю жизнь испытывала это невыносимое тройное давление — я и пришла в такой восторг от праздника MLF. Именно потому, что я была воспитана в психологии внутреннего рабства, порожденного патриархалистической картиной мира, впитала это внутреннее рабство с молоком матери — для меня так важны, так необходимы были ошеломляющие впечатления праздника MLF для того, чтобы наконец-то почувствовать себя свободной.

Нет, еще не совсем свободной — чтобы стать совсем свободной, мне нужно еще многое в себе победить. Но хотя бы для того, чтобы почувствовать, как тяжелы оковы внешнего и внутреннего рабства, которое я носила столько лет и которое продолжают носить миллионы и миллионы советских женщин.

Теоретически, умозрительно, я, конечно, понимала — для того, чтобы танцевать, петь, ходить в театр, пить вино и делать много дру-

гих приятных и хороших вещей — мужчина совсем не нужен. Но я была заколдована тем миром, в котором до сих пор жила. Без лучей, которыми одаривал меня мужчина — все простые радости жизни теряли для меня большую часть своей привлекательности. И только попав на праздник MLF, где женщины веселились (и *как* веселились!) — сами по себе, независимо от мужчин — я впервые почувствовала себя свободной от тоталитаристско-патриархалистических чар. Праздник MLF "расколдовал" меня.

Праздник проходил под девизом "Долой женоненавистничество!" И я в который раз остро осознала, до какой степени заражено женоненавистничеством советское общество. Женоненавистничество в СССР тесно связано и является составной частью общей психологии ненависти, распада и разрушения, которую в конечном счете порождает тоталитаристская идеология и практика.

К сожалению, в СССР не только мужчины ненавидят женщин. У нас и большинство женщин ненавидят друг друга. Ненависть эта, в частности, выражается в психологии соперничества женщин друг с другом за успех у мужчин — известном феномене, дошедшем в СССР до каких-то патологически-уродливых размеров. Но хуже всего то, что многие женщины ненавидят не только других женщин, но и самих себя. Эта ненависть к себе, выражающаяся в "онтологическом" недовольстве своей участью — естественно переходит в ненависть ко всему миру. Такие женщины превращаются в ужасных ведьм, несущих в мир активную разрушительную силу зла, наслаждающихся страданиями других.

На празднике же MLF мы увидели, что женщины могут быть объединены вместе, полны солидарности, взаимного уважения и любви друг к другу. Вместо атмосферы ненависти и соперничества, к которой мы привыкли в России, мы окунулись в сияющую атмосферу любви и сотрудничества.

И эта атмосфера любви и сотрудничества показалась мне такой родной, близкой и желанной — ведь именно к этому — к жизни в любви, а не в ненависти — стремимся мы в нашем клубе "Мария".

И с тех пор я еще больше сочувствую и сострадаю миллионам наших сестер — советских женщин, которые влачат совершенно ужасную жизнь в СССР, и при этом отравлены ложью советской пропаганды, ядом ненависти и предрассудками патриархализма. И мне с удвоенной силой хочется что-то делать, чтобы помочь освобождению советских женщин от этого кошмара внешнего и внутреннего рабства...

”ВОЗМОЖНО ЛЬ ДУШУ ИЗ ОГНЯ СПАСТИ?”

Стихи разных поэтов

Ксения Романова

Весь рот во лжи измазан, как в крови,
и кров — как бы пещера людоеда.
Ну а теперь... Теперь Его зови
И в пораженьи, мнящемся победой,
Тверди, что все на свете превозмог.
Читаем, величаем, почитаем.
Но, словно остов дома, из-за строк
Восходит пустота.

Увы, не знаем
Ни тех имен, ни тех постыдных дат
Когда ты, провозвестник и солдат,
Сказал о друге на суде: ”Виновен”.
О, как мечтаешь ты теперь — назад.
Но сила непомерная в том слове,
И с той поры ты ничему не рад.

Тебя жалеть мне не хватает сил.
Но, если б ты когда-нибудь спросил
Того, Кто дал тебе такое слово
На том суде в тот час произнести:
”Возможно ль душу из огня спасти?” —
То обнажилась бы ее основа
И ожила...
Но темное окно
Пугает, как провал. Чернеет дно
И не звучит спасительное слово.

Лия Владимирова

И пусть глаза ненастье застит:
опять в потемках грозových
сияет луч, и я во власти
неясных замыслов Твоих.

”Я мыслю – значит, существую”.
А сердце – прочь, а сердце – за
черту, где вижу наяву я
Твои весенние глаза.

И я поверю, вспоминая
Твой взгляд ответный в ранний час,
что есть она, душа иная,
еще тоскующая в нас!

Анна Аларчина

Печаль печет. Пустыня, зной,
И звон воды пропал, как не был.
... Но эта арка надо мной,
Где слово ”да” в зеленом небе!

Когда весь мир сорвется вниз,
И соскользнут с души все петли,
И я воспряну выше птиц,
Где горе -- крошки незаметней?

Какая лодочка плывет
Там, под зелеными волнами?
Какую боль в себе несет?
Но эта боль уже не с нами.

Хор голосов подьмет храм.
В своей одежде белоснежной
И ты, и ты проходишь там,
Мой бедный ангел!

Кровью прежней
Еще скрепленная беда
Далекой лодочкой уходит,
И я увижу только ”да”
В зеленом небе, на восходе.

Ядвига Дубрава

Радуйтесь, радуйтесь, простираясь руками до Бога,
И так ведь живем, распяты меж землею и небом:
Нас цепь за ноги тянет,
А у плечей – крылья выносят нас по-над тучей.
Так боль приправлена счастьем,
А счастье
Из крепости той вырастает, что зовется надеждой.

Перевод с польского

Елена Шварц

Татьяне Горичевой

* * *

Моя отравлена вся кровь
И изморожена любовь,
Но все ж – горька и горяча
В мозгу горит свеча.

Стою заплеванной часовой,
Нет алтаря и нет икон в ней,
И только ветер в ней шуршит,
Да мышка лапками стучит,
Но служба в ней идет.

* * *

Но льется дождик, осиянный
Огнями сотен свеч пасхальных,
Он льется на платки и плечи,
Но льется и ему навстречу
дождь свечек — пламенный попятный
молитв, надежды — дождь отземный
с часовен рук — детей, старух...
(“Лестница”)

Елена Дорон

ОТКАЖИСЬ ОТ МАЛОГО
(размышления в день рождения)

* * *

Каждый день я вижу тебя.
Ты проходишь мимо
И глаза твои полны печали
Ты хочешь познать вечность?
Так зачем же снова по Земле, словно вошь?
Остановись!
Сядь рядом.
И загляни в свою душу.

Я проснулась, когда на улице было еще совсем темно. Проснулась и вдруг поняла, что это я. Вокруг, казалось, ничего не изменилось, но теперь я видела всю свою жизнь с какой-то другой — неизвестной мне стороны. Я лежала в постели, вглядываясь в темноту, лежала и улыбалась.

Уже наступало время, когда надо быстро вскакивать, наспех одеваться и куда-то бежать — бежать, чтобы что-то делать, приносить какую-то “пользу” — в общем, быть такой, как все, такой, какой меня привыкли видеть. Но теперь мне это было не нужно, и я думаю, никому я в чистом виде тоже не нужна.

В тот день я никуда не пошла. Во-первых, мне надо было понять, что же я такое и что мне теперь с собой делать. Не могу же я теперь продолжать жить так, как я жила раньше.

Раньше мне казалось, что я всегда успею сбросить прилипшую ко мне маску, но "дела" настолько связывали мою плоть и подчинили себе мой дух, что никакой возможности освободиться у меня не было. И все же, двигаясь в серой толпе и ничем не отличаясь от нее, я чувствовала, что я живу где-то очень, очень глубоко в себе. Но дни сменялись днями, я без радости находила друзей и без грусти их теряла. А мое Я сидело с зажатым ртом и завязанными глазами под лживой маской.

И вот, наконец, Я родилась.

На улице, как всегда, полно народа. Люди толпятся в очередях, стоят на остановках. Идут, идут сплошным потоком мимо меня.

Я с надеждой заглядываю в их лица — на меня с жуткой неотвратимостью надвигается безликая, равнодушная толпа.

Маска надета на глазницы без глаз.

Еще вчера я сидела за партой 282 школы в девятом "в". Еще вчера преподавательница литературы — милая Мариетта Ефимовна расточала мне свои лживые улыбки. Начиная каждый свой урок, обаятельная преподавательница неизменно торжественным тоном вопрошала класс — что же нас поразило в том или ином произведении? Высказывать свое собственное мнение?! Да ведь это же здорово, просто здорово! Но вот тут-то все и началось.

На первый же заданный мне вопрос — чем вас поразило данное произведение — я ответила, что ничем оно меня не поразило, соответственно объяснив, почему. Так в дневник была поставлена первая двойка.

Минуты вырастают в часы, дни сменяются днями, и вот Человечек во мне поднимает голову — не может он больше сидеть окутанный путами моей души — ему пришло время родиться. И он рождается. Рождается, несмотря на пустые глаза товарищей (а может быть именно поэтому). Но вместе с Человеком рождается и его ОДИНОЧЕСТВО.

Я в Стрельне, где отдыхает моя сестра с маленьким сыном... Мы слушаем чешскую музыку, читаем стихи и говорим... говорим до бесконечности. Домой я ехала счастливая и уверенная — теперь я знала, что мне делать.

В своем сочинении на тему "Луч света в темном царстве" я написала о жутком безразличии людей по отношению друг к другу. О человеческом стаде, уничтожающем своим безразличием и набожной бездуховностью себе подобных.

За сочинение я, конечно, получила единицу. Но теперь отметки для меня не имели никакого значения. Из школы мне пришлось уйти, так и не закончив девятого класса. И милая Мариетта Ефимовна позаботилась дать мне отвратительную характеристику.

И теперь, словно собака, гоняющаяся за своим хвостом, я гоняюсь в поисках вечности, не зная, что вечность заключена в меня.

Каждый день я вижу тебя.
Ты проходишь мимо
И глаза твои полны печали
Ты хочешь познать вечность?
Так зачем же сновать по Земле, словно вошь?
Остановись!
Сядь рядом.
И загляни в свою душу.

* * *

В детстве я часто спрашивала взрослых:

— Почему я родилась человеком, а не муравьем, например. И если уж я родилась человеком, то зачем это было нужно и кому?

Вот и теперь я стою перед зеркалом, заглядываю в собственные наполненные черной бесконечностью зрачки и задаю себе тот же вопрос:

— Почему — я? Зачем — я?

Иногда мне кажется, что я уже жила когда-то, очень давно. Но тогда я знала: зачем — я. Восточный ветер играл моими волосами на пыльных улочках древнего города, и душа моя была свободна, как этот ветер. Тогда я знала, зачем — я и знала, что умру для того, чтобы родиться вновь и вспомнить.

Почти все свои движения мы совершаем абсолютно бессознательно. Для того, чтобы всего лишь ласково улыбнуться или понимающе кивнуть головой, я должна привести в действие бесчисленное множество мышц. Однако, благодаря автоматизму, я совершаю это незаметно для себя. То же самое — и в отношениях с людьми.

Так кто же мы — люди или машины? — Видимо, отчасти и то, и другое. Да и не удивительно. В школах каждый день нас учили быть активными строителями коммунизма, быть не людьми, а винтиками в огромной машине жизни. И нас добросовестно готовили к тому, чтобы каждый "винтик" нашел свою маленькую дырочку, предназначенную только для него, и с чувством глубокого удовлетворения выполнял свои мизерные функции. И если, не дай Бог, какой-нибудь винтик испортится или вообще не захочет вкручиваться на свое место, то на его голову тотчас найдется "отвертка".

Но я не винтик. И у меня нет той маленькой уютной дырочки, в которую можно было бы забиться.

Каждый день я прохожу между огромных зубчатых колес, и они меня пока не задевают. Но я очень хорошо знаю, что попади в этот шестеренчатый ад хотя бы ниточка с моей одежды, как тут же всю меня мгновенно затянет в громадную, бездушно лязгающую машину, перемелет в кровавое месиво и даже не заметит этого.

И вот, живя на дне этакого железного колодца, я стала с грустью подумывать о том, как все же хорошо иметь маленькую, уютную (свою!!!) дырочку. Так появилась семья, квартира, дети, а я стала все больше и больше ходить на бездушную железную деталь. Значит, выходит, зубчатые колеса нашей жизни добрались все-таки до меня. И с мерным скрежетом будут теперь изо дня в день сокрушать мой живой трепещущий разум.

Вся вселенная — Бог

И сам воздух, звенящий вокруг, — мудрость.

Кто же — ты, закрывший глаза и заткнувший уши?

Я увидела Бога, а через Него я опять увидела себя. Значит это — правда? Значит, я — не зря?

Сны... их я вижу почти каждую ночь. Кажется, сама вселенная нашептывает мне эти сны. И порой я не знаю, где я живу на самом деле: там, — во снах, или здесь. Бог приходит ко мне сквозь сны и говорит со мной. Если отказ от маленького счастья позволяет увидеть большое счастье, откажись от малого, иди и размышляй о большом!

И снова восточный ветер играет моими волосами на пыльных улочках древнего города. И снова душа моя свободна, как этот ветер. И мудрость царит в сердце моем.

18 авг. 1980 г.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Журнал "Мария" сразу же завоевал популярность, о нем заговорили много и по-разному, в основном мужчины. Первое мнение, которое я услышала из уст мужчины, было противоречивым. Иронично: "Ты слышала про феминисток? — эти бабы журнал издали!" — затем с удивлением и завистью, — "Они и в "Monde", они и в "Seuil" — и уже с уважением, — "протест против войны в Афганистане написали, все пишут открытым текстом — молодцы!" И уже совсем по-мужски, — "все-таки напрасно они мужчин не принимают, ведь нужно же, чтобы кто-то ими руководил, ведь глупые бабы!"

Вот таким было мое первое знакомство с журналом.

Журнал прочитан, первое чувство — ошеломление. Вроде, все просто, ничего особенно нового, все известно, но вдруг понимаешь — ведь и ты об этом думал, это твоя боль, твои страдания.

Потрясли стихи Юлии Вознесенской — такая чистота и нежность в таком кошмаре, читаешь и перечитываешь, сразу же запоминаешь наизусть.

Статью Т. Горичевой о Богородице читаешь как откровение, глубина и сила в каждом слове. Затем перечитываешь просто все подряд и не можешь оторваться.

Да, это действительно журнал, написанный женщинами и для женщин. Пусть он не всегда выдержан в одном стиле и на одном уровне, но написан он сердцем, искренне, мужественно, с любовью, болью и состраданием. Здесь все правда.

Спасибо, "Мария"!

С любовью

Татьяна Михайлова.

Суть всех женских проблем целиком и полностью сводится к сути всех общечеловеческих проблем: отчуждение человека от Бога и от самого себя, отпадение от гармонии, совершенства и полноты Единого в хаос, сумятицу и нескончаемую взаимную борьбу несметного множества.

Все сводится к *Одному*, и все бесчисленное множество вопросов и проблем, в том числе и женских, разрешается в *Одном*, что не понимала Марфа, но поняла *Мария*.

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Основным моментом, побудившим меня связать вопрос освобождения женщины с духовным возрождением России, явилось мое глубокое убеждение в невозможности разрешения этих проблем в отрыве друг от друга. Имевшиеся к настоящему времени попытки решать их порознь привели к тому, что и диссидентское, и пока неосознающее себя женское движение не имеют четко выраженных позитивных программ. Создается впечатление, что их активные усилия направлены на разрушение существующего несправедливого положения вещей, а не на созидание нового. Отчасти следствием этого являются такие изменения, как массовый распад семей, сокращение рождаемости, уход большого количества представителей интеллигенции из социальной сферы и, как результат, – усиление настроения безнадежности, сопровождаемое ростом пьянства.

Я считаю, что первоочередной задачей вышеупомянутых движений должен быть духовный подъем личности путем указания ей выхода из существующего тупика. Это возможно только при синтетическом подходе к решению проблем, когда история представляется не как набор случайных событий, а как направленный процесс развития человечества. В отличие от аналитического метода мышления, стремящегося любой вопрос рассматривать изолированно от других, синтетический метод подходит к миру как к целому, а следовательно, любой вопрос решает в совокупности с другими. Глядя под таким углом зрения на процессы, происходящие с человечеством, становится понятным, что рост бездуховности является частью процесса эволюции человеческого самосознания, и что, начиная с настоящего времени, дальнейшее развитие человечества пойдет в направлении роста духовного начала при сохранении достигнутого уровня аналитического мышления. Также становится очевидным, что существующее подчиненное положение женщины возможно только на бездуховном этапе развития общества. Как считают многие философы-окультисты, являющиеся выразителями синтетического подхода, а

среди них и такие великие учителя, как Николай Рерих и Омрам Микаэль Айванов, процесс духовного возрождения человечества начнется в ближайшие годы в России. Поэтому, учитывая ту роль, которую ей суждено сыграть в пробуждении остального мира, основной упор я делаю на проблемах, стоящих перед нашей страной.

Говоря о русском народе, я хочу подчеркнуть, что не имею в виду одних русских или только славян, а все те народы, которые не отделяют свое существование от России. Если посмотреть с позиции мистической, то под таким конгломератом национальных групп, подразумевается устойчивое образование, имеющее общее высшее предопределение.

Парадоксальным кажется то, что громадный трудолюбивый русский народ с сильно развитым религиозным чувством оказался в роли проводника атеизма. Эта роль временно была навязана ему путем подмены православной религии псевдорелигией коммунизма. И если благодаря позитивным идеалам последнего подмена вначале прошла сравнительно успешно, то после крушения этих идеалов деятельность представителей новой религии свелась к голому атеизму и подавлению любых форм духовности. Когда у господствующей доктрины иссяк наступательный порыв, она перешла в глухую оборону... Путем лишения людей источников информации, внушения идеи отсутствия Бога с раннего детства, издевательских насмешек над Церковью и любой формой духовной культуры, правящая идеология если и не достигла своей главной цели — вырастить поколение людей, фантастически преданных коммунистической доктрине и ее правящему синклиту, то, во всяком случае, настолько засорила их сознание, что приход к любому из путей духовного совершенствования стал для большинства практически недоступен. Народ, построивший десятки тысяч церквей, давший человечеству сотни святых и тысячи праведников, заплативший миллионами жизней своих сынов за идеалы всемирной свободы, равенства и братства (пусть даже оказавшимися ложными), этот народ с могучим религиозным чувством оказался лишен религии. Следствием этого оказалась охватившая его тоска, усиливающаяся с каждым годом. При внешнем подходе создается впечатление, что русский народ подошел к своему вырождению. Это выражается в катастрофическом сокращении рождаемости, массовом распаде семей, почти поголовном пьянстве, безразличном, халатном отношении к своему труду и полной пассивности в любых делах, выходящих за рамки узко-личных интересов. Начавшаяся с революции нарушение преемственности поколений привело к потере русской культуры, народных корней в душе каждого русского человека. Это еще более способствовало усилению чувства

одинокости и снижению морального и этического уровня. Кажется, степень развращенности бездельем, пьянством, равнодушием уже достигла своего апогея, и впереди может быть закономерный конец — уход России с арены мировой истории и вырождение ее населения с последующей ассимиляцией его более энергичными народами.

Однако молодость и творческий потенциал русского народа дают право предполагать, что говорить о его гибели преждевременно. Ведь наш народ только приблизился к порою своего расцвета, и его миссия еще не выполнена. Есть все основания считать, что потенциал, заложенный в русском народе, еще проявит себя, да с такой силой, что вместо гибели наступит возрождение, а вместо опасности ухода с арены сверхнародов в бездуховное ничто Россия сможет стать духовным авангардом человечества. Как выразился в одной из своих бесед известный современный русский духовный деятель о. Дмитрий Дудко: "В России Голгофа, а где Голгофа, там и Воскресение".

Многие русские люди с достаточно развитым духовным видением мира ощущают это грядущее воскресение. В духовном плане Россия напоминает вулкан накануне извержения. Поверхностный взгляд увидит только корку в глубине его жерла, но чуткое ухо уловит внутренние напряжения и глухие толчки, которые ясновидящий дополнит картиной огненных течений, распирающих и готовящихся взломать серую корку поверхности.

В чем же могут проявиться эти огненные тенденции? Во-первых, в накоплении в массе народа творческого потенциала. Силы, не находящие применения, рвутся наружу. Россию ожидает творческий взрыв, который разрушит устои существующего общества. Пусть сейчас невыраженные творческие силы народа нашли уродливое проявление в безудержном росте пьянства, как пассивной форме протеста против навязываемой ему роли винтиков и шестеренок в бездушной экономической машине государства. За свою многострадальную историю русский народ научился "жить на коленях", но всегда у него среди серости рабства был живой родник православной веры, освящавшей его "благородную привычку к труду". Теперь отняты и привычка к труду, и вера предков, но скоро правящая олигархия будет вынуждена вернуть ему и то, и другое прежде, чем стать окончательно отстраненной от управления страной. Этот процесс неизбежен ввиду полной неспособности "верхов" управлять далее экономической машиной государства без поддержки "низов".

Еще одним признаком назревающего творческого взрыва является небывалое в России рождение множества талантливых и гениальных людей, чьи способности используются государством в ничтожной степени. Весь цвет России с нетерпением ждет наступления

грядущих перемен, ускорить которые, по мнению оккультистов, должны космические явления, связанные с противостоянием планет весной 1982 года.

Еще одной из основных тенденций в России я считаю начавшийся подъем духовности, главным образом среди молодежи. После многих лет засилия бездуховной идеологии и атеизма в последние годы появилось весьма сильное стремление к религии и к оккультной философии.

Судя по существующим темпам, духовное развитие в ближайшие годы затронет большую часть интеллигентной молодежи России, несмотря на яростное сопротивление представителей правящей идеологии. Последняя, лишившись поддержки в массах, может использовать для своей защиты только административно-карательные акции, действие которых с каждым годом становится все менее эффективным.

Да, существующее положение долго продержаться не может. Все предвещает приближение спасительного катаклизма. На месте сегодняшней унылой и вырождающейся России возникнет Россия, полная творческого подъема, ищущая новые духовные пути, в которой все дремлющие силы народа найдут свое выражение. Поэтому надо ждать и готовиться, и нельзя опускать в унынии руки, глядя на сегодняшний день. Надо учиться видеть грядущее, надо все силы свои посвятить приближению духовного возрождения нашей Родины.

То, что должно произойти в России, будет началом нового этапа развития человечества, когда научно-технический прогресс перестанет быть самоцелью и средством для неразумного порабощения природы и человека машиной, а наоборот, станет служить облагораживанию и украшению Земли и развитию потенциальных способностей человека.

Для этого необходимо, чтобы цивилизация будущего имела духовную направленность. И символом ее будет не дикарь с автоматом, стреляющий по любой движущейся мишени, а могучий творец, заботливо любящий все живое. Духовный уровень "дикаря" при всем достигнутом техническом могуществе — результат такого направления развития человечества, когда женский разум на тысячелетия был полностью отстранен от влияния на жизнь общества. Удел женщины в этой культуре — быть "самкой дикаря", источником его наслаждений, его рабой и воспроизводительницей "маленьких дикарей". Естественно, такая цивилизация должна была зайти в тупик — чем выше уровень технического прогресса, тем больше неразрешимых проблем встают перед человечеством: проблема окружающей среды, проблема энергетического кризиса, проблема отчуждения лю-

дей, проблема молодежи и, наконец, женская проблема. Это далеко не полный список, перед которым "дикарь", бессильно поморщив лоб, проявляет свою полнейшую беспомощность. Для него самый лучший выход — это подготовка к войне, поскольку перед вопросом гибели человечества решения всех остальных можно отложить. Вот и длится эта бесконечная "дикарская" игра. Но азарт игроков уже не тот, что раньше. Молодежь, недовольная жизнью отцов, не желает следовать по их пути, а женщины, осознав, что быть "самкой дикаря" не столь уже приятная перспектива, начинают сами претендовать на его жалкие блага. Однако, благодаря более развитому сердцу и большей интуиции, они не могут не испытывать отвращения к "игре в войну", а стремясь достичь равноправия с мужчинами, женщины зажигают в себе вечный огонь недовольства, который угаснет только при обращении в пепелище современной цивилизации.

Дело в том, что в бездуховной материалистической культуре женщина никогда не сможет быть равной мужчине. Женщина — это не мужчина в юбке, как ошибочно считают некоторые сторонники эмансипации. Уступая мужчинам в силе, напоре и агрессивности, женщины превосходят их в интуиции, воображении, способности любить. Вся беда в том, что существующая система ценностей не дает возможности обладательнице "женских качеств" занять достойное место в иерархической системе общества. Чтобы сейчас получить самостоятельность и самоуважение, женщина должна стать похожей на мужчину, что противоречит ее внутренней природе. Только в новом обществе женщина не только станет равноправна, но ей суждено играть ведущую роль. Там будет цениться не агрессивность, а любовь, не напор, а мягкость и понимание, не холодные логические рассуждения, а интуиция и духовное прозрение.

Поэтому я считаю, что силы, которые теперь столь расточительно тратятся на борьбу за женское равноправие, надо использовать для ускорения создания нового общества, где женщина сможет занять достойное место. Не подачки от мужчин нужны ей, а возможность раскрытия своих потенциальных способностей. Цель женщины — не стремиться стать столь же безжалостной и бездуховной, как мужчина-дикарь, а помочь ему раскрыть в себе глубины любви, нежности и взаимопонимания.

Созиданию нового должно предшествовать разрушение старого. Чем скорее погибнет мир, основанный на насилии, тем скорее воцарится новое духовное общество. Что же приведет к гибели современную цивилизацию? Презрение насилия, как формы общения между новыми существами; развитие совести, как главного критерия человеческих поступков, заботливое отношение к окружающим и

постоянное стремление к самосовершенствованию, имеющее целью приблизиться к Богу — вот динамит, который взорвет старый мир.

Вместо безжалостного "машинного мышления" должно прийти взаимопонимание, интуитивное постижение Божественной природы мира и чувство общности с природой.

Будем развивать эти способности в себе, будить в наших близких и закладывать в наших детях. Не бойтесь, что они вырастут "неприспособленными к жизни" — большинство ценностей уходящего мира не пригодится в будущем. Человек, не привязанный к внешнему богатству, а носящий самое дорогое внутри себя, никогда не будет уязвим. Чистая совесть и любящее сердце гораздо больший капитал, чем все блага нашей цивилизации. Постараемся, чтобы высокая нравственность снова вошла в нашу жизнь, и даже наука пусть станет развиваться на этических принципах. Недалеко то время, когда будет считаться позором отдавать свой талант для создания средств уничтожения людей или мучить и убивать животных в лабораториях для увеличения количества публикаций.

Стряхнем оцепенение душ, увидим себя не маленькими жалкими человечками, держащимися за свой карман и привычный образ жизни, а гигантами, готовыми шутя отдать все внешние блага ради нравственных идеалов и чувствующими себя солдатами великой армии Творца. Начнем с малого — не промолчим там, где раньше молчали, не солжем, где лгали, не испугаемся того, чего боялись. Будем великодушны ко всем, пожалеем наших врагов, унизивших себя до ненависти и клеветы, и начнем учиться видеть друг в друге прежде всего хорошие стороны. Особенно много могут сделать для будущего женщины. Им легче включиться в борьбу, ведь испытав на себе все пороки современной цивилизации, они не имели возможности насытиться ее ядовитыми "благами". Их зрение яснее, чем у мужчин, для кого "игра дикарей" заменила настоящую жизнь.

Скоро наступит великое пробуждение России, страны с наибольшими внутренними противоречиями. От вас, русских женщин, зависит ускорить этот процесс, превратить Россию в факел духовности, чтобы очищающее пламя его перекинулось затем на всю планету.

март 1980 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Предисловие к самиздатскому выпуску "Марии" № 3.	7

РАБСТВО ИЛИ СВОБОДА?

(Материалы дискуссии клуба "Мария" на тему
"Современная женщина и смирение")

<i>Ксения Романова.</i> "Современность и "я""	8
<i>Галина Григорьева.</i> Смирение и послушание	10
<i>Алла Сарибан.</i> Опыт нашей жизни и смирение	12
<i>Екатерина Казанская.</i> "... Я не хвалюсь смирностью моею..."	17
<i>Анна-Наталья Малаховская.</i> Смирение – это внутренняя свобода.	20
Разговор с польской подругой о смирении (перевод с англ.).	25
<i>Татьяна Горичева.</i> Надежда сверх надежды	31
Из письма о ленинградских дискуссиях клуба "Мария" конца 1980 года	34

ДОЛЮШКА ЖЕНСКАЯ

<i>Людмила Левитина.</i> Время – деньги, или эта удивительная советская женщина	38
<i>Ксения Романова.</i> Монолог бездомного человека	42
Интервью в общежитии	46
<i>Алла Сарибан.</i> Ради прописки	48
<i>Галина Хамова.</i> Резкие реплики	54
<i>Елена Дорон.</i> Кто виноват?	56

ПИСЬМА ПО МОЛИТВАМ К БОГОМАТЕРИ

Ш. <i>Е.К.</i> О крестном пути Богоматери	60
<i>Татьяна Горичева.</i> Из письма в Ленинград	62

ЖЕНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

<i>Галина Григорьева.</i> Три Веры, две Надежды и Любовь. Вера, которая работала в милиции	65
---	----

ПИСЬМА О ЛЮБВИ

А.-Н. Малаховская. Человек-надежда. 73

ЖЕНЩИНА И ГУЛАГ

”Я не боюсь Дантового пекла...”
(о судьбе Ирины Сенек) 83

”ДЕТСТВО НАШЕ ЗОЛОТОЕ...”

Ваня Пазухин. ”Туннель” 86

Инга К. ”Надежда” 88

И ЗАПАД, И ВОСТОК

Сабина Гвейман. О польском неофеминизме
(перевод с англ.) 92

ХРОНИКА

Юлия Вознесенская. Сообщение о новой атаке советских
властей на женское движение 96

Заявление клуба ”Мария” 97

ИЗ ПИСЕМ

О празднике 8 марта в Париже 101

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

”Возможно ль душу из огня спасти...”
Стихотворения *Ксении Романовой, Лиш Владимировой,*
Анны Аларчиной, Ядвиги Дубравы (перевод с
польского), *Елены Шварц* 109

Елена Дорон. Откажись от малого (размышления
в день рождения) 112

ИЗ ПОЧТЫ ”МАРИИ”

Письма читателей. 116

Сергей Платонов. Духовное возрождение России
и освобождение женщины 117

